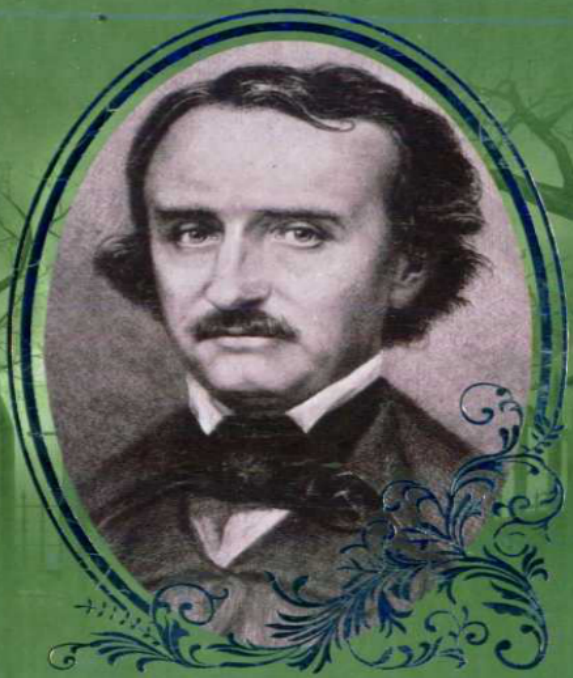
человек загадка

Глеб
ЕЛИСЕЕВ



ПОЭТ
КОШМАРА
И УЖАСА

ЭДГАР АЛЛАН ПО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый американский журналист, писатель и поэт, автор мрачных рассказов, создатель жанра фантастических детективов. Подобно своим литературным героям, По прожил жизнь, полную самых противоречивых событий и переживаний. Он испытал творческие взлеты и падения, был богат и нередко едва сводил концы с концами, пережил годы незабываемого счастья, а к концу жизни был подавлен смертью любимой жены… Смерть писателя, как и многие происшествия в его произведениях, окутана тайной. До сих пор никто из исследователей творчества По доподлинно не знает, что произошло накануне 3 октября 1849 г., когда писатель был найден в бредовом состоянии, лежащим на улице Балтимора.

Научно-популярное издание.

Знак информационной продукции 12+

- АМЕРИКАНСКИЙ ПУШКИН
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- НАСЛЕДСТВО НИЩЕГО ГЕНИЯ

АМЕРИКАНСКИЙ ПУШКИН

Эдгар Аллан По создал американскую литературу.

Нет, конечно же, на английском языке на территории бывших североамериканских колоний бумагу марали многие. И откровенные графоманы, и весьма достойные авторы, не забытые по сей день.

Но только По заложил основы оригинальных направлений американской литературы, проложил пути, по которым за ним последовали десятки и сотни. И пути эти прошли в тех областях, где вклад американцев оказался и заметен, и оценен. Там, где специфическое американское мышление, часто выглядящее слишком ограниченным и приземленными, инфантильным и неглубоким, смогло проявить свои лучшие черты и удачно скрыть все свои недостатки.

Впрочем, если изобретение детектива Эдгаром По не ставится под сомнение, то понимания его решающего вклада в становление современного хоррора и научной фантастики иногда не видно. А ведь современное доминирование американских литераторов в этих областях «изящной словесности» обеспечил именно он. Превратившись (уже после своей смерти) в культовую фигуру для всей художественной традиции в США, он словно бы благословил интерес к темам и жанрам, которые в Европе критика десятилетиями третировала как ничтожные, убогие и несерьезные. (Нельзя сказать, что и в Штатах не было подобных слепцов. Среди них попадались даже такие экземпляры, как Эдмунд Уилсон, который и «Властелина колец» Д. Толкина называл халтурой и дешевым чтивом).

Легкость, с которой По работал в самых разных литературных формах, просто поразительна. В его наследии присутствуют почти все возможные жанры — от сиюминутной событийной журналистики до тяжеловесного философского трактата. Но его душа творца была предрасположена лишь к двум направлениям литературы — к поэзии и новеллистике. Причем и в прозе Эдгар Аллан По все-таки оставался преимущественно поэтом (хотя и очень своеобразным).

Конечно, в любом солидном очерке по истории литературы США творческой биографии Эдгара Аллана По предшествует добрых две трети книги. Но это та же самая ситуация, когда разделу «Александр Пушкин» в истории русской литературы предшествуют рассказы о Ломоносове, Тредиаковском и прочих Симеонах Полоцких и протопопах Аввакумах. Всё это люди, разумеется, уважаемые, но каждый из нас «сердцем чует», что

истинная русская литература была создана усилиями именно Александра Сергеевича. Действительно, «Пушкин — наше все», и против этого лапидарного афоризма не попрешь.

Вот и Эдгар По для американцев — «их все». И можно щеголять эрудицией и вспоминать, что одновременно с ним (а то и чуть раньше) трудились В. Ирвинг, Г. Лонгфелло, Д.Ф. Купер, Н. Готорн… И можно приводить длинные списки литературных произведений, созданных на английском языке в Новом Свете даже до обретения колониями независимости…

Но всё это рассуждения в стиле: «А еще современниками Пушкина были Лермонтов и Гоголь, Жуковский и Баратынский, Батюшков и Языков…»

Нисколько не принижая вклад самых разных (и притом — часто действительно замечательных) писателей в американскую литературу первой половины девятнадцатого века, можно отметить лишь одно — он и близко несравним со вкладом По.

Хотя бы потому, что именно этот писатель и заложил основы, и на долгие годы установил художественный стандарт в таких направлениях литературы США, как детектив и научная фантастика, хоррор и критика, а также частично — романтическая поэзия и юмористика. Все более поздние американские авторы, хотелось им этого или нет, все были вынуждены оглядываться на тексты Эдгара По и учитывать его достижения при написании своих книг.

Некоторые исследователи пытаются разгадывать произведения По как некие шифры, разбирать их, словно закодированное послание, обращенное к современникам или потомкам. Ничего подобного, конечно же, не было и не могло быть. При всей любви великого американского писателя к различным криптограммам, шарадам и ребусам поэт творил в приступе вдохновения, и печать вдохновения лежит даже на самых внешне логичных и рассудочных текстах Эдгара По.

(Другое дело, что любые свои произведения он впоследствии твердо, рассудочно и планомерно совершенствовал, подключая к этому всю мощь своего незаурядного ума.)

Отдельные специалисты-литературоведы предлагают рассматривать большинство сочинений поэта через призму иронии и литературной игры, представляют дело так, что великий мастер постоянно издевался над своими читателями, был этаким «постмодернистом задолго до постмодернизма». Не отрицая склонности По к иронии, сарказму и несколько тяжеловесному юмору, нельзя не заметить, что он все же был литератором первой половины девятнадцатого века. То есть человеком времени намного более прямых и прямодушных

людей, нежели наше искаженное и приученное к постоянному ношению имиджевых масок столетие.

Эдгар По вполне искренне создавал как тексты строго логичные и строго рациональные, так и те, что с первого взгляда кажутся записью переживаний помраченного или одержимого сознания. Но это лишь с первого взгляда — действительно, будучи склонен к безумию, поэт всю жизнь боролся со своей темной стороной и даже ее последствия пытался рационализировать и воплотить в совершенной литературной форме.

Однако, изучая судьбу По, нельзя сбрасывать со счетов и действительно существовавшую психическую неуравновешенность писателя. Судя по всему, ее он унаследовал с отцовской стороны, и печальная судьба как его отца, так и старшего брата это лишний раз подтверждает. (О фамильной болезни свидетельствует и слабоумие младшей сестры поэта.) Эдгару По приходилось усиленно бороться с наследственным недугом, но его симптомы все же так или иначе (хотя бы в выборе тем) прорывались на страницах его новелл.

Другое дело, что воображенное в болезненном или алкогольном чаду поэт, воплощая на бумаге, жестко рационализировал, делал более понятным и приемлемым для читателя. Но все равно тексты По порой вызывали недоумение, скандалы и нападки в прессе. Не случайно, что при жизни писателя самыми популярными его прозаическими сочинениями были все же наиболее ясные и до прозрачности логичные (в первую очередь неподражаемый «Золотой жук»). Да и в поэзии восторг у читателей и всеамериканское признание вызвали вовсе не юношеские строфы из маловнятного «Аль-Араафа», а строгий, четкий и абсолютно понятный чеканный «Ворон».

Алкоголизм По был признаком откровенного заболевания, а вовсе не «признаком распущенности и безволия», как любили заявлять его недоброжелатели. Запои поэта начинались неожиданно и непредсказуемо, создавая проблемы, которые он потом не мог разрешить годами.

Биография По четко показывает, как периоды жестокой, рассудочной, почти нечеловеческой работоспособности перемежались у него периодами почти полного безумия, нервных болезней и тяжелейших запоев. В нем словно боролись два человека. Те двое, что и воплотились в двух постоянных героях прозы Эдгара Аллана По — Непогрешимого Логика и Одержимого Тьмой.

В творчестве По заметна грань между «текстами-кошмарами», напоминающими упорядоченный ужасный сон, и текстами —

логическими конструктами, где даже самые безумные события находят вполне рациональное объяснение. Словно бы те двое, скрывавшиеся в его подсознании, заключали временное перемирие в процессе творчества, но каждый стремился навязать поэту свою тему для воплощения ее на бумаге.

Подобная работа психики Эдгара По неизбежно приводила к жизни на износ. Поэт всегда выглядел сильно старше своих лет, страдал от болезни сердца, нередко подхватывал тяжелые инфекции (судя по всему, болел даже холерой). Шаткое здоровье также создавало рискованное положение, при котором любой внешний фактор мог с легкостью обрушить поэта в бездну безумия. А главнейшим симптомом этого безумия были тяжелейшие запои, вызывавшие у большинства окружающих лишь сплетни, пересуды да горделивое «моральное осуждение». Пока Эдгар По был жив, о нем даже бывшие хорошие знакомые распространяли лишь клевету, не гнушаясь откровенными выдумками. Только смерть поэта прекратила этот поток грязи, да и то не сразу.

Разумеется, после смерти По превратился в мифологизированную фигуру, не только став одним из мифов литературы США, но и, наряду с лордом Байроном, оказавшись одним из самых важных героев эпохи литературного романтизма. И, что самое любопытное, как и в случае с Байроном, миф о По во многом совпадает с реальными событиями его биографии (в этом смысле, например, сильно отличаясь от мифа о Г.Ф. Лавкрафте).

Эдгар По действительно значительную часть своей жизни провел в почти полной нищете (другое дело, что и ему порой улыбалась удача). У него в жизни была трагическая любовь, да еще и не одна. (Хотя долгие годы он вполне счастливо прожил со своей супругой и главной трагедией стала именно ее безвременная смерть.) Его травили и не признавали другие литераторы; он был настоящим изгоем в литературном мире США. (Изгойство, к сожалению, нередко провоцировали тяжелый характер По и его алкоголизм. К тому же в прессе его талант обычно признавали, и количество хвалебных отзывов о его произведениях, во всяком случае, сравнимо с хулительными. А уж после публикации «Ворона» поэт стал всеобщим любимцем, что, впрочем, не принесло ему сколько-нибудь серьезного материального преуспеяния.)

И все же, несмотря на эти нюансы, судьба Эдгара Аллана По выглядит настоящей романтической трагедией — непризнанный гений, изгнанный из дома и лишенный наследства, переживший трагическую утрату и затем разрывавшийся между двумя равно любимыми женщинами. И в итоге — ранняя гибель при

обстоятельствах, которые и по сей день выглядят несколько таинственными. (Хотя, опять же, учитывая давние проблемы По со здоровьем, в его внезапной смерти нет ничего сверхъестественного.)

И этот романтический флер впоследствии стал заслонять реальный вклад литературного изобретателя и неутомимого труженика (в периоды, когда он не был неодолимо болен) в американскую культуру.

Литература США, сильно зависевшая от культурных традиций бывшей метрополии, так и не сумела подняться выше британских образцов в так называемой литературе мейнстрима. Зато именно в таких жанрах, что считались даже во времена По несерьезными, потрафляющими массовому потребителю, великий поэт сумел произвести настоящий прорыв. И плодами этого прорыва американская литература пользуется до сих пор — нужно быть неплохим знатоком культуры США, чтобы с ходу назвать пять-десять имен американских писателей-реалистов, оставивших значимый след во всемирной литературе. Зато любой мало-мальски «продвинутый» любитель детектива или фантастики с ходу припомнит множество имен американцев, этапно повлиявших на развитие этих жанров.

Укоренившийся в нашем обществе (по вполне понятным причинам) презрительный антиамериканизм мешает объективно понять всю сложность американской культуры и причудливые пути ее эволюции. Между тем эта культура оказалась яркой и привлекательной, изобретательной и экспансивной. И произошло это не просто так, а благодаря усилиям ее выдающихся творцов.

Таких, как Эдгар Аллан По.

Проложенные безумным поэтом дороги вели к совершенно новым горизонтам. Причем не только для американцев, но и для всего остального человечества. Эдгар По продемонстрировал, что есть и области духа, и литературные технологии, которые не догадались изучить ни в Старом, ни в Новом Свете. Он, почти каждодневно борясь с духовным разладом и безумием, создал блестящие образцы литературы, по сей день остающиеся примерами идеальной прозы и поэзии не только для США, но и для остального мира. И сотворил он это почти у самого старта духовного пути американского варианта западной цивилизации…

Ведь в начале девятнадцатого века США были молодой, бурно развивающейся, многообещающей страной с неисправимо провинциальной культурой. Впрочем, учитывая потенциал Нового Света, прорыв и в этой области должен был произойти. Штаты должны были бы повторить новую Войну за независимость, только уже мирными методами и на страницах журналов и книг,

освободившись от довлеющей культурной гегемонии Англии. (Кстати, эта война оказалась куда труднее, тяжелее и затяжнее, нежели война 1775–1783 годов.)

Время для начала борьбы пришло в 1809 году.

Именно тогда на сцене истории появился человек, которому предстояло стать самым великим американским писателем первой половины девятнадцатого века…

Глава 1
СИРОТА ИЗ РИЧМОНДА

Вокруг происхождения Эдгара По накручено множество легенд. Тут и байки о его роде, восходящем чуть ли не к ирландским королям, и душещипательная история о его матери, о чем рассказывал в своей биографии писателя еще К. Бальмонт: «Ее судьба, вообще, была изумительна. Как гласят биографы, эта красивая девушка имела в себе все элементы духа, будучи „девушкой без какой-либо страны“: она родилась посреди океана, в то время как ее мать, пересекая Атлантику, уезжала из Англии в Америку; ее мать, родив ее, умерла, отца у нее не было, и кто-то чужой, сжалившись над ней, приютил ее, воспитал и приготовил к сцене».

На самом деле все было гораздо проще и прозаичнее. Прадед писателя по отцовской линии, Джон Эдгар По, сын фермера из Ирландии, эмигрировал в Новый Свет в 1749 году. Поселился он в Балтиморе. Дед писателя, Дэвид Эдгар По, которого в биографиях писателя иногда ошибочно именуют «генералом По», активно участвовал в антибританском восстании в американских колониях. Однако был он всего лишь майором и помощником заместителя генерал-квартирмейстера города Балтимора в 1779 году. Впрочем, именно из этого эпизода его жизни и вырос стойкий миф о «генерале американских войск». При этом сам Дэвид По был безусловно храбрым человеком и хорошим воином, что отмечал сам генерал Лафайетт. Кстати, во время визита осенью 1824 года в США французский генерал посетил могилу деда Эдгара По и произнес там: «Здесь покоится благородное сердце».

Отец будущего писателя, Дэвид По-младший, родился в Балтиморе 18 июля 1784 года. Он, видимо, был человеком, с самого детства стремившимся к тому, чтобы стать актером. И поэтому, несмотря на недовольство «генерала По», в девятнадцать лет вступил в труппу «Вирджиния плейер». В книгах об Эдгаре По нередко можно встретить замечания о том, что отец писателя был никчемным артистом и пьяницей. Это совсем не так — с 1803 по 1809 год Дэвид По-младший сыграл сто тридцать семь ролей. В том числе и в классических пьесах «Макбет», «Король Лир», «Ричард III», «Много шума из ничего»… Склонность к пьянству, а также психическая неуравновешенность, впоследствии преследовавшая и его сыновей, в начале актерской карьеры Дэвида По никак не проявлялась.

Судьба матери великого американского писателя также не имеет ничего общего с мелодраматической историей, столь доверчиво процитированной Бальмонтом. Бабушка Эдгара По, актриса Элизабет Смит, вполне законно обвенчалась 18 мая 1784 года в Лондоне, в церкви Святого Георгия, с неким Уильямом Генри Арнольдом. От которого и родила вполне законную дочь Элизабет. Однако, судя по всему, рано овдовев, предпочла из Великобритании перебраться за океан.

В 1796 году Элизабет Арнольд-старшая прибыла в Бостонский порт со своей малолетней дочерью. Здесь она успешно возобновила артистическую карьеру. А 15 апреля 1796 года уже и маленькая Элизабет выступала в старом Бостонском театре с популярной песенкой «Девочка с рынка».

Элизабет Арнольд-младшая оказалась вполне востребованной актрисой, часто игравшей на сценах Чарльстона, Филадельфии и Балтимора. Летом 1802 года она вышла замуж за актера Чарльза Хопкинса, но быстро овдовела. Дэвид По-младший был ее вторым супругом. Они поженились 14 марта 1806 года, а уже 30 января 1807 года у них родился первый ребенок — Уильям Генри Леонард По. Впрочем, старшего брата Эдгара По супруги-актеры сумели достаточно быстро (как только ему исполнилось два года) отправить к бабушке и дедушке в Балтимор. «Генерал По» против этого, равно как и против брака своего сына, видимо, не возражал. Но приютить согласился только одного ребенка. Поэтому когда 19 января 1809 года на свет у четы По появился второй сын, то ему пришлось странствовать вместе с родителями.

Будущий писатель родился в Бостоне, в доме на Хастингс-стрит, близ реки Чарльз. Как замечает автор одной из его новейших биографий Питер Экройд, видимо, еще «до рождения сына его мать заболела туберкулезом, из-за чего, как он полагал, еще во чреве ему временами совсем не доставалось или не хватало еды». Судя по всему, По всегда больше походил на мать, чем на отца. Вот как ее описывали: «Тонкая, точно у ребенка, фигурка, изящные руки, схваченные чуть повыше локтей рукавами свободного платья с высокой талией и бледным узором из каких-то причудливых цветов; хрупкие, но округлые линии плеч и шеи, гордо поднятая голова. Огромные, широко открытые и загадочные глаза, высокий чистый лоб, осененный черной, как вороново крыло, волной густых вьющихся волос, увенчанных хорошенькой маленькой шляпкой очень старинного фасона».

Элизабет Арнольд По

Будучи еще совсем маленьким, вместе с родителями Эдгар По побывал в Нью-Йорке и Чарльстоне. Возможно, в возрасте трех лет он даже участвовал в театральном спектакле «Золушка, или Маленький хрустальный башмачок», исполняя роль одного из амуров.

Однако постепенно судьба семьи По стала складываться все хуже и хуже. Безумие Дэвида По неожиданно резко обнаружило себя, он стал запойно пить, будучи не в состоянии исполнять роли на сцене. У Элизабет начали всё отчетливее проявляться признаки туберкулеза. К тому же она в очередной раз забеременела, и это привело к скандалу в семье. Насколько можно судить, уже допившийся до белой горячки Дэвид По-младший принялся обвинять жену в супружеской неверности. А через несколько месяцев после рождения Розали — младшей сестры Генри и Эдгара — обезумевший и также заболевший туберкулезом актер бесцеремонно бросил жену с двумя детьми.

Оставшись в Ричмонде, где ранее гастролировала ее труппа, почти без средств к существованию, Элизабет По все еще пыталась выступать в местном театре, находившемся на площади,

которую так и называли — Театральная. Дети оставались на попечении няньки, которая поила их джином или давала настойку опия, чтобы они не плакали, а постоянно спали. В ноябре 1811 года болезнь Элизабет По вступила в финальную фазу — актриса окончательно слегла и даже не выходила из дома. Узнав об этом, какой-то сердобольный журналист в местной газете дал такое объявление: «К СОСТРАДАТЕЛЬНЫМ СЕРДЦАМ. В этот вечерний час г-жа По, прикованная к постели болезнью и окруженная своими малолетними детьми, взывает к Вам о помощи — быть может, в последний раз! Подробности в утреннем номере».

Мемориальная доска в Бостоне на доме, где родился Э.-А. По

В провинциальных и пасторальных США начала девятнадцатого века жители были склонны и к филантропии, и к мягкосердечию. Элизабет попытались поддержать сбором денег, в дом зачастили сердобольные соседки, даже и из вполне благополучных семей. Однако ничто уже не могло изменить предопределенный конец — 8 декабря 1811 года Элизабет По скончалась, оставив троих детей полными сиротами. (Дэвид По-младший пропал еще в начале года, и судьба его по сей день остается неизвестной. Скорее всего, он тоже скончался в декабре 1811 года в Норфолке (штат Вирджиния), где, видимо, и был

погребен.) Тело матери будущего поэта захоронили на кладбище у церкви Святого Иоанна в Ричмонде.

Осиротевших детей решили взять две подруги, ранее помогавшие умирающей актрисе. Мальчика Эдгара согласилась приютить бездетная Фрэнсис Киллинг Аллан, а совсем еще малышку, девочку Розали, — Джейн Скотт Маккензи. Старший сын супругов По — Уильям Генри — остался на попечении дедушки и бабушки в Балтиморе.

Муж миссис Фрэнсис Аллан, мистер Джон Аллан, вначале без всякого энтузиазма отнесся к решению жены. Причина такого жестокосердия была не совсем благовидной — дело в том, что у мистера Аллана уже было двое незаконнорожденных детей от двух женщин, и он старательно скрывал этот факт от супруги. Однако постепенно сердце Джона Аллана смягчилась, потому что все, кто знал Эдгара По маленьким ребенком, уверяли, что он был очаровательным и обаятельным малышом.

Возможно, на усыновителя повлияло и жуткое событие, произошедшее в Ричмонде всего через две недели после кончины Элизабет По. 26 декабря 1811 года, прямо во время представления, загорелся местный театр. Погибло более семидесяти человек. Сердобольные ричмондцы помогали деньгами пострадавшим, брали в свои семьи детей, оставшихся без родителей. На таком фоне мистеру Аллану не хотелось выглядеть совсем уж бессердечным чурбаном, и он разрешил жене взять сиротку в дом. (Кстати, именно из-за этого совпадения дат и родилась легенда, по сей день иногда всплывающая в Сети, — будто родители Эдгара По погибли во время знаменитого пожара Ричмондского театра.)

Так у маленького Эдгара началась совсем иная жизнь. Одним из первых ее моментов стало крещение — 11 декабря 1811 года его окрестили, дав полное имя Эдгар Аллан По, в честь приютившего сироту Джона Аллана.

И если отчим вначале отнесся к приемышу прохладно, то приемная мать и ее бездетная сестра Энн Валентайн, которую Эдгар позже будет звать «тетя Нэнси», души не чаяли в маленьком сироте.

Эдгар рос маленьким вундеркиндом, которым гордилась Фрэнсис Аллан. Многие вспоминали, что во время семейных обедов в доме Алланов усыновленный сирота по просьбе присутствующих вставал на стол и прочитывал какое-нибудь стихотворение или исполнял песню. Его вознаграждали аплодисментами, а порой давали выпить и стакан сладкого вина, разбавленного водой. (Последнее, учитывая семейную предрасположенность По к алкоголизму, было явно лишним.

Впрочем, пока никаких признаков будущего ужасного заболевания у мальчика не проявлялось. Ребенок рос послушным и внимательным, лишь изредка позволяя себе небольшие шалости.)

Отчим Джон Аллан, которого обычно принято изображать «злым гением» Эдгара По, чуть ли не сломавшим ему жизнь, был вовсе не таким злодеем, как его традиционно описывают биографы поэта. Он даже по-своему любил премного сына, хотя так и не сделал его официальным наследником. Видимо, на это повлиял личный опыт самого Джона Аллана, приехавшего в Соединенные Штаты из Шотландии в 1795 году.

Прижимистый и практичный, как и большинство шотландцев, он долгое время был вынужден во всем подчиняться богатому дядюшке — торговцу Уильяму Гэльту. Даже когда Аллан и его приятель Чарльз Эллис вроде бы основали собственную торговую фирму «Эллис и Аллан: оптовая и розничная торговля», они в реальности продолжали зависеть от поддержки Гэльта. Привыкший к строгой дисциплине и подчинению Джон Аллан явно ждал того же и от своего приемного сына, считая, что тот должен демонстрировать беспрекословное послушание более старшим, влиятельным и богатым.

И пока маленький Эдгар Аллан По не слишком разочаровывал своего приемного отца. Редкие наказания (в том числе и порку) он переносил безропотно. Однажды малыш Эдгар, набедокурив, сам принес связку прутьев Джону Аллану, чтобы тот покарал его. Растрогавшийся отчим тут же сменил гнев на милость и простил усыновленного мальчика. К сожалению, впоследствии подобные ситуации будут повторяться всё чаще и чаще, да только раскаяние По будет выглядеть всё более искусственным, а гнев Джона Аллана — всё более яростным и продолжительным.

И еще все обращали внимание, что малыш По с самых малых лет отличался сверхразвитым воображением и огромным интересом к чудесному и таинственному. Алланы не отличались богатством и владели всего тремя рабами. Одной из них была нянька-негритянка, часто рассказывавшая маленькому воспитаннику негритянские сказки и легенды.

Дом Джона Алана

А малыш их жадно впитывал, как пустынная почва — живительную воду…

Результат оказался не слишком удачным: однажды, когда Эдгар вместе с родственником его матери — мистером Эдвардом Валентайном — проезжал мимо заброшенного кладбища, то мальчик в ужасе закричал: «Они догонят нас и утянут меня в могилу!» Негритянские байки сыграли свою роль. Интересно, наказали ли няньку хозяева за ее «страшные рассказки»?

С начала марта 1815 года маленький Эдгар начал учиться в частной школе Уильяма Юинга, радуя приемную мать успехами. Вскоре шестилетний мальчик столкнулся с ситуацией, которая будет с отвратительным постоянством повторяться в течение всей его жизни, — он влюбился в соседскую девочку Кэтрин Элизабет Пуатьо, но обстоятельства привели к разрыву недолгого детского романа. Эдгар Аллан По был вынужден покинуть Ричмонд и вместе с приемными родителями отправиться на другой берег Атлантического океана.

Видимо, по совету своего богатого дядюшки Уильяма Гэльта, едва окончилась очередная война Великобритании и США, Джон Аллан решил открыть представительство фирмы «Эллис и Аллан» в Англии, рассчитывая на успешную торговлю американским

табаком.

И вот 17 июня 1815 года бриг «Лотэр» отправился из устья реки Джеймс в Ливерпуль. Среди пассажиров на борту судна находились бизнесмен Джон Аллан, его жена Фрэнсис Киллинг Аллан, ее сестра Энн Валентайн и его приемный сын Эдгар Аллан По, шести лет.

Океан, это огромное, бесформенное, неодолимое нечто, околдовал будущего поэта. Позднее описание морских приключений станет заметной частью его творческого наследия, впечатляющие картины моря окажутся среди лучших, когда-либо созданных на английском языке. Но до этого еще было далеко… А пока Эдгар почувствовал на себе самую обыденную сторону морской романтики — в письме своему компаньону в Ричмонд его отчим заметил: «Фрэнсис и Нэнси были больны, но теперь чувствуют себя прекрасно. Эдгар был немного болен, но вскоре оправился».

28 июля 1815 года путешественники оказались на британских островах, но Джон Аллан не бросился с ходу заниматься делами. Он вместе с семьей решил посетить многочисленных шотландских родственников, с 11 августа по 7 октября побывав в Ирвине, Килмарноке, Гриноке, Глазго и Эдинбурге. Шотландские Алланы охотно принимали заморских гостей, а Эдгар сумел подружиться с Джеймсом Гэльтом, племянником мистера Уильяма Гэльта.

Впрочем, когда приемные родители попытались оставить будущего поэта у сестры Джона Аллана — Мэри, чтобы он пошел в местную школу, мальчик взбунтовался. Он отказался слушаться тетку и принялся строить планы побега в Лондон, к приемной матери, или даже вообще — домой, в Америку А вскоре и сам Джон Аллан решил, что его воспитаннику лучше обучаться в более достойном и известном учебном заведении.

Сначала Эдгара отправили в школу-пансион сестер Дюбур в Лондоне, но уже с осени 1817 года он числился учеником школы доктора Джона Бэрнсби в Стоук-Ньюингтоне. Позднее писатель оставил впечатляющую картину этого училища в рассказе «Вильям Вильсон»: «Самые ранние мои школьные воспоминания связаны с большим, несуразно построенным домом времен королевы Елизаветы, в туманном сельском уголке, где росло множество могучих шишковатых деревьев и все дома были очень старые. Почтенное и древнее селение это было местом поистине сказочно мирным и безмятежным.

Вот я пишу сейчас о нем и вновь ощущаю свежесть и прохладу его тенистых аллей, вдыхаю аромат цветущего кустарника и вновь трепещу от неизъяснимого восторга,

заслышав глухой и низкий звон церковного колокола, что каждый час нежданно и гулко будит тишину и сумрак погруженной в дрему готической резной колокольни… Дом, как я уже сказал, был старый и нескладный. Двор — обширный, окруженный со всех сторон высокой и массивной кирпичной оградой, верх которой был утыкан битым стеклом… Владения наши имели неправильную форму, и там было много уединенных площадок. Три-четыре самые большие предназначались для игр. Они были ровные, посыпаны крупным песком и хорошо утрамбованы. Помню, там не было ни деревьев, ни скамеек, ничего. И располагались они, разумеется, за домом. А перед домом был разбит небольшой цветник, обсаженный вечнозеленым самшитом и другим кустарником, но по этой запретной земле мы проходили только в самых редких случаях — когда впервые приезжали в школу, или навсегда ее покидали, или, быть может, когда за нами заезжали родители или друзья и мы радостно отправлялись под отчий кров на Рождество или на летние вакации.

Но дом! Какое же это было причудливое старое здание! Мне он казался поистине заколдованным замком! Сколько там было всевозможных запутанных переходов, сколько самых неожиданных уголков и закоулков! Там никогда нельзя было сказать с уверенностью, на каком из двух этажей вы сейчас находитесь. Чтобы попасть из одной комнаты в другую, надо было непременно подняться или спуститься по двум или трем ступенькам. Коридоров там было великое множество, и они так разветвлялись и петляли, что, сколько ни пытались мы представить себе в точности расположение комнат в нашем доме, представление это получалось не отчетливей, чем наше понятие о бесконечности. За те пять лет, что я провел там, я так и не сумел точно определить, в каком именно отдаленном уголке расположен тесный дортуар, отведенный мне и еще восемнадцати или двадцати делившим его со мной ученикам».

Впрочем, на Джона Бэрнсби, директора этого заведения, По нарисовал в рассказе скорее обидную карикатуру. Бывший директор не остался в долгу перед выросшим учеником и отметил в воспоминаниях о поэте, что его американский воспитанник во время обучения выделялся прежде всего тем, что родители его слишком баловали, выдавая очень крупные суммы на карманные расходы. Также доктор Бэрнсби подчеркнул, что «Аллан был умен, упрям и своеволен».

Английская частная школа, несмотря на присущие ей традиционные недостатки, многое дала По. Из худощавого, болезненно выглядевшего мальчика, боявшегося воды, он превратился в отличного пловца и бегуна, способного при случае

постоять за себя и в кулачной схватке. Впрочем, не только уроками физкультуры славилась школа в Стоук-Ньюингтоне. По выучился латинскому и французскому языку, познакомился с историей мировой литературы и всемирной историей. Судя по всему, именно в Англии он впервые начал писать стихи. И, возможно, сложись жизнь по-иному, Британия получила бы еще одного классика национальной литературы, поэта масштаба Байрона и Кольриджа.

Однако судьба распорядилась иначе — дела у британского филиала фирмы «Эллис и Аллан» шли все хуже и хуже, рискованные финансовые операции Джона Аллана приносили одни убытки, да и сам он в марте 1820 года захворал водянкой. Видимо, опять-таки по совету Уильяма Гэльта, неудачливый бизнесмен решил вернуться в Америку, чтобы при помощи дядюшки поправить дела. Сдав в аренду лондонский дом, он вместе с домочадцами отправился в Ливерпуль, где их ждал парусник «Марта».

21 июля 1820 года, после тридцати шести дней путешествия, Эдгар Аллан По сошел на американский берег в Нью-Йорке. Юный странник вернулся на родину, где его будут ожидать всевозможные невзгоды, разбитое сердце, литературная слава и преждевременная смерть.

Вернувшись в Ричмонд 2 августа 1820 года, Джон Аллан, вместе с семьей, временно поселился у своего компаньона Чарльза Эллиса. Теперь уже в Вирджинии Алланам пришлось отдавать визиты знакомым и родственникам. Эдгар По и Фрэнсис Аллан съездили к семейству Маккензи, девять лет назад удочерившему его сестру Розали. Девочка с восторгом встретила брата и ходила за ним повсюду как привязанная. К сожалению, к этому моменту фамильная психическая неустойчивость начала проявляться и у нее. У Розали стало прогрессировать слабоумие, и в двенадцать лет она остановилась в развитии, до конца жизни реагируя на окружающее как подросток школьных лет.

В конце августа 1820 года Джон Аллан определил приемного сына в «Английскую классическую школу» Джозефа Кларка, и с сентября месяца Эдгар По начал посещать занятия. Теперь он уже заметно выделялся среди одноклассников не только умственным развитием, но и физической подготовкой. Например, в июне 1824 года, в жаркий летний день, он демонстративно проплыл по реке Джеймс, на берегах которой стоит Ричмонд, почти десять километров вверх по течению. И хотя к концу испытания будущий поэт немилосердно устал, а безжалостное южное солнце сожгло ему шею и плечи, Эдгар был горд своим достижением. Позднее он вспоминал: «Любой пловец из тех, что бывали тогда „у

водопадов“, переплыл бы Геллеспонт и не почел бы это за большой подвиг. Я проплыл шесть миль от пристани в Ладлоу до Уорвика под жарким июньским солнцем, двигаясь против течения — едва ли не самого сильного, какое помнят на этой реке. Проплыть же двадцать миль в спокойной воде было бы сравнительно легко. Я, не задумываясь, решился бы переплыть Дуврский пролив от Дувра до Кале».

Эдгар По нередко оказывался вожаком и заводилой среди местных подростков, подбивая их на различные выходки, граничившие с хулиганством. Любил он и более сложные розыгрыши. Однажды, когда в доме Джона Аллана вечером собралась теплая компания друзей бизнесмена, среди которых был и генерал Уинфилд Скотт, герой англо-американской войны 1812–1815 годов, перед гостями вдруг появилось привидение в саване. Нерастерявшийся генерал схватил призрака, которым оказался хохочущий приемный сын Аллана, завернувшийся в простыню.

Однако гораздо чаще По теперь предпочитал заниматься не мальчишескими выходками и не спортивными упражнениями, а сочинением стихов. Он писал много и бессистемно, чем начал вызывать неодобрение у приемного отца, надеявшегося вырастить из Эдгара юриста или торговца, а ни в коем случае не «кропателя стишков».

По охотно записывал стихи собственного сочинения в альбомы местных девушек, но ни одна из них не смогла покорить его сердце. К несчастью, очередное платоническое увлечение юного поэта оказалось очень странным и разбило его сердце.

Среди друзей По того времени можно обнаружить Роберта Стэнарда, мальчика младше его на пять лет. Будучи как-то в гостях у Роберта, Эдгар близко познакомился с матерью приятеля — Джейн Крейг Стэнард. Молодая женщина произвела на юношу почти магическое впечатление — он откровенно влюбился, хотя сама Джейн Крейг испытывала к нему в лучшем случае только материнские чувства.

Странное увлечение молодого поэта не продлилось долго — у Джейн Стэнард вскоре стали проявляться первые признаки безумия, и в апреле 1824 года она скончалась в состоянии полного помрачения рассудка. Эдгар По долго и тяжело переживал эту потерю и часто посещал могилу миссис Стэнард на местном кладбище Шоко-хилл.

А тем временем судьба семейства Алланов неожиданно и резко переменилась — скончался Уильям Гэльт, богатый дядюшка Джона Аллана, оставив почти все свои деньги долготерпеливому племяннику. Неожиданно для себя скромный бизнесмен получил

около 700 тысяч долларов — огромную по тем временам сумму. А Эдгар Аллан По превратился в приемного сына и, возможно, наследника почти миллионера, одного из богатейших людей Вирджинии.

Джон Аллан быстро приобрел за почти пятнадцать тысяч долларов двухэтажный особняк, располагавшийся в юго-восточной части Ричмонда, на вершине холма, откуда открывался вид на долину реки Джеймс. Комната Эдгара По находилась на втором этаже, в конце коридора. На этом же этаже были обустроены комнаты его приемных родителей и Энн Валентайн. А на крытой галерее, шедшей вокруг дома и где иногда Алланы устраивали приемы, был установлен настоящий телескоп, в который автор будущих фантастических рассказов любил ночами рассматривать Луну.

Эдгар По закончил школу в марте 1825 года, и перед ним встала проблема выбора дальнейшего пути. Понятно было, что скуповатый и практичный отчим не собирался рассматривать даже мысль о том, чтобы его приемный сын повел жизнь свободного поэта. Джон Аллан (да что греха таить — и большинство американцев того времени) сочинение стихов воспринимал в лучшем случае как хобби или бесплодное времяпровождение. В худшем случае — как признак душевного заболевания.

К тому же скуповатый и властный шотландец стал всё чаще конфликтовать с повзрослевшим пасынком, у которого постепенно сформировался взрывной и непокорный характер. Нередко ситуацию надвигавшегося откровенного скандала смягчала лишь примиряющая позиция Фрэнсис Аллан, которая во время споров могла урезонить и супруга, и приемного сына.

Однако в жизни «доброго ангела» молодого поэта тоже не всё было благополучно — примерно с июня 1824 года Фрэнсис Киллинг Аллан стала мучиться от какого-то не очень понятного заболевания. (Во всяком случае, его никогда так и не сумели точно диагностировать.) Она постепенно угасала, с тревогой наблюдая, как отношения между ее мужем и ее «дорогим Эдгаром» становятся всё хуже и хуже.

Впрочем, на какое-то время мужчины семьи Алланов сумели достичь компромисса во взглядах на будущее: приемный отец предложил Эдгару По начать обучение в Вирджинском университете, находившемся в Шарлотсвилле. По здравом размышлении молодой поэт согласился. Вырваться из-под тиранической опеки отчима, зажить свободной студенческой жизнью — что, казалось бы, могло быть лучше?

Было лишь одно препятствие, и, как это нередко бывало в

жизни По, — сердечного свойства.

Еще в 1826 году он познакомился с красавицей и почти ровесницей Сарой Эльмирой Ройстер, жившей почти по соседству. Герви Аллен, один из лучших биографов Эдгара По, так описал ее: «Природа наделила ее изящной стройной фигуркой, большими черными глазами, красивым ртом и длинными темно-каштановыми волосами. Все вместе взятое произвело на По неотразимое впечатление».

Молодые люди полюбили друг друга и даже принялись строить планы на будущий брак, несмотря на крайнее неудовольствие отца девушки. (Он, видимо, как и Джон Аллан, считал По слишком ветреным и ненадежным, инфантильным и витающим в облаках, а потому не подходящим его дочери).

Отъезд По на учебу в университет влюбленные восприняли как досадную паузу в отношениях, которые ни в коем случае не должны были прерваться. Эдгар и Эльмира договорились постоянно переписываться и встречаться, как только возникнет такая возможность. Перед отъездом влюбленный поэт послал возлюбленной в подарок перламутровую шкатулку с ее инициалами. Они даже и не подозревали, что в отношении их будущего у господ Джеймса Ройстера и Джона Аллана существуют совершенно иные планы…

13 февраля 1826 года Эдгар По, в сопровождении приемной матери, покинул Ричмонд, чтобы начать совсем новую главу своей жизни.

Глава 2
БЕСШАБАШНЫЙ СТУДЕНТ И УСЕРДНЫЙ СОЛДАТ

Вирджинский университет в Шарлотсвилле, куда решил поступить Эдгар По, был воплощенной мечтой третьего президента США Томаса Джефферсона. Он утверждал, что университет одновременно должен быть не только научным и образовательным центром, но и примером студенческого самоуправления. Увы, с последним дела с ходу не заладились. Вместо учебы студенты скандалили и бойкотировали преподавателей, а то и периодически дрались на дуэлях. В итоге очень быстро самоуправление пришлось отменить, университет подчинили профессорскому совету, но привычка к вольной жизни у вирджинского студенчества сохранилась.

Вот в эту буйную атмосферу университетской жизни и окунулся молодой поэт, записавшийся на курс, где изучали латынь, греческий, французский и итальянский языки.

Однако главная проблема новой жизни для Эдгара По заключалась в том, что Джон Аллан явно собирался держать его в черном теле. Прижимистый шотландец, даже став одним из богатейших людей Вирджинии, считал, что для пасынка будет полезным вести такую же жизнь, какую вел его отчим, — во всем себя ограничивать, строго подчиняться старшим и давать отчет за любой потраченный цент. Артистичный и взбалмошный Эдгар пытался следовать этим предписаниям, но получалось это у него плохо. К тому же постоянно возникали непредвиденные расходы — вроде необходимости нанять слугу, чтобы он следил за вещами, стирал их и убирал в комнате. (Так, между прочим, поступали все студенты университета.) Аллан же воспринимал подобные поступки как откровенную блажь и не желал давать на них деньги.

В глазах соучеников По начинал выглядеть откровенным нищим, вынужденным экономить на всем. Это уязвляло гордость молодого поэта и заставляло искать какие-то иные пути для поправки своего финансового положения. Последней каплей стала ситуация, в которой Эдгар попросил приемного отца оплатить счет за годичное обучение и выслать еще денег на проживание. Аллан счет скрупулезно оплатил и добавил ровно один доллар на расходы пасынку. По пришел в ярость и решил поправить свои дела, выиграв деньги в карты.

Увы, это лечение оказалось существенно хуже болезни. Мало того, что проигрывал Эдгар куда чаще, чем выигрывал, у него еще и проснулась настоящая страсть к игре, что и неудивительно, учитывая наследственную склонность к безумию и безрассудству. И, впадая в азарт, молодой поэт «словно погружался в глубины своего природного, не знавшего границ, безрассудства». Карточные долги По росли день ото дня, и он принялся расплачиваться за них оригинальным образом, о котором Герви Аллен написал так: «Долги его росли особенно быстро из-за расходов на одежду. Сами по себе эти траты не могли составить слишком большой суммы — даже самый отъявленный молодой щеголь не смог бы накупить за год столько одежды, чтобы навлечь на себя обвинения в расточительстве со стороны такого обеспеченного человека, как Джон Аллан, который и сам привык жить на широкую ногу. Беда в том, что По, по всей видимости, платил одеждой и заказами на платье свои карточные долги, а их у него становилось тем больше, чем сильнее захватывала его страсть к игре. Поговаривали, что ему не хватило целых семнадцати пальто, сшитых из лучшего сукна, чтобы расплатиться за одну несчастливую ночь, проведенную за ломберным столиком».

Дальше — хуже: один из приятелей поэта утверждал, что «страсть По к крепким напиткам была такой же неумеренной и обращавшей на себя внимание, как страсть к картам». Именно в университете природная склонность Эдгара По к алкоголизму проявилась во всем своем пугающем масштабе. Его соученики вспоминали о том, что он мог напиться буквально с одного стакана. В таком состоянии будущий писатель становился почти невменяемым, плохо себя контролировал и мог уйти в запой на несколько дней.

При этом в периоды душевного спокойствия Эдгар По был способен много работать и успешно учиться. Ему «удивительно легко давались латынь и французский, на которых он бегло говорил и читал, хотя нельзя сказать, чтобы его знание этих языков отличалось большой глубиной. К греческому он был равнодушен. Нередко он являлся на занятия, не подготовив ни строчки из заданного для чтения отрывка. Однако ум его был столь остр, а память столь превосходна, что ему хватало и нескольких минут, чтобы приготовить лучший в классе ответ. Для этого ему нужно было лишь „подчитать“ урок прямо перед лекциями. Эта изумительная способность позволяла ему всегда быть в числе лучших студентов и вызывала восхищение, а еще чаще — зависть товарищей».

В университете Эдгар По не только продолжил писать стихи,

но и перешел к сочинению прозаических текстов. Один из его сокурсников, Томас Гуд Такер, вспоминал: «Однажды По прочел друзьям какой-то очень длинный рассказ, и те, желая над ним подшутить, стали обсуждать достоинства произведения в весьма ироническом духе, заметив, между прочим, что имя героя — Гаффи — встречается в тексте слишком часто. Гордость его не могла снести столь откровенной насмешки, и в приступе гнева он, прежде чем ему успели помешать, швырнул рукопись в пылающий камин; так был утрачен рассказ незаурядных достоинств и, в отличие от других его сочинений, очень забавный и напрочь лишенный обычного сумрачного колорита и печальных рассуждений, сливающихся в сплошной непроницаемый мрак». После этого за По на какое-то время закрепилось ироническое прозвище Гаффи, и остывший от приступа ярости поэт на него даже не обижался.

Комната Э.-Л. По в Вирджинском университете

У Эдгара По в это время также открылся и талант художника-графика. Его хороший приятель Джордж Майлз вспоминал, что «По любил читать из разных поэтов, а также, и свои собственные сочинения, приводившие его друзей в восторг и весьма их развлекавшие; внезапно в нем случалась какая-то перемена — и вот в руке его уже кусочек угля, которым он прямо на наших глазах с необыкновенным искусством рисует на стенах своей комнаты странные и фантастические, а порою и страшные

фигуры, поражая нас игрой своего многоликого гения и заставляя задаваться вопросом, кем же он станет в будущей своей жизни — поэтом или художником?». И, если не считать периодических чрезмерных выпивок и постоянного безденежья (двух проблем, которые преследовали поэта до самой смерти), в университете он проявил себя хорошим товарищем и не самым плохим студентом. Многие из рассказов о его хулиганских выходках, склоках и даже драках являются откровенными выдумками. Например, по поводу одной из потасовок, якобы затеянных По, уже упомянутый Джордж Майлз вспоминал, что это было «чистое мальчишество» и не более чем «шутливым поединком», не имевшим никаких последствий для дружеских взаимоотношений двух соучеников.

Но Джону Аллану было мало просто хорошей учебы пасынка. Он желал видеть в пасынке четкого исполнителя его воли, по сути — послушную копию. А из Эдгара По ничего подобного не могло получиться по определению.

К тому же отношения отчима и пасынка резко обострила одна неприятная история. Все первые месяцы обучения в университете Эдгар продолжал писать и отсылать в Ричмонд пламенные, полные искренних чувств послания к своей возлюбленной Эльмире Ройстер. И поражался, что не получает ни слова в ответ. Его разлюбили? Его любовь заболела? Или даже умерла? Одного он не мог предположить — это истины.

Оказывается, отец Эльмиры Ройстер, сговорившись с Джоном Алланом, сумел организовать перехват писем Эдгара. Видимо, отчим поэта объяснил мистеру Ройстеру, что не позволит приемному сыну жениться, пока тот не встанет на ноги и не начнет самостоятельно зарабатывать. Осознав это, Джеймс Ройстер твердо решил отказать Эдгару По и выдать дочь за более подходящего жениха. В результате 6 декабря 1828 года Сара Эльмира Ройстер стала «миссис Александр Шелтон».

А тем временем Эдгар По стал все больше и больше залезать в долги, при этом не прекращая играть и надеясь чудесным выигрышем поправить свое финансовое положение. Наконец слухи об этом дошли до его отчима. Аллан пришел в ярость и в декабре 1826 года отправился в Шарлотсвилль. Реальное положение дел оказалось хуже, чем прижимистый шотландец мог когда-нибудь представить, — долги его приемного сына достигли астрономической суммы в две тысячи пятьсот долларов. (Чтобы понять ее значение, достаточно вспомнить, что раб-ребенок на Юге в то время стоил пятьдесят долларов, а здоровая и красивая женщина-рабыня — пятьсот.)

Разъяренный Джон Аллан согласился оплатить только часть долгов (за проживание, учебу и т. п.). Возмещать карточные долги

он отказался наотрез. Выдавать деньги на продолжение учебы пасынка в университете Аллан также не стал. А кредиторы уже просто наседали на Эдгара По. В итоге по местному законодательству (одному из самых жестких в США) ему могло угрожать заключение в долговую тюрьму на неопределенный срок. Молодой поэт был вынужден просто бежать из Шарлотсвилля.

Один из его университетских друзей, Уильям Уэртенбейкер, вспоминал мелодраматическую сцену, произошедшую перед самым отъездом Эдгара По. Вот как ее описал Герви

Аллен: «Войдя к себе, По, не проронив ни слова, принялся крушить мебель. Обломки вместе с разными бумагами и накопившимся мусором он стал жечь в камине, одновременно с мрачным видом рассказывая Уэртенбейкеру о своих неприятностях и смутных тревогах, найдя в нем сочувственного слушателя. Уильям Уэртенбейкер ушел домой около полуночи, оставив По засыпать в комнате, освещенной неверными отблесками гаснущего огня, где догорали последние щепы от стола, на котором были написаны „Тамерлан и другие стихотворения“; вскоре в очаге остался лишь пепел, пепел несбывшихся надежд». Судя по всему, разъяренный По опять-таки находился в состоянии подпития.

При этом бежать Эдгар мог только в Ричмонд, несмотря на то что там его ждал разъяренный отчим. Видимо, поэт надеялся на заступничество приемной матери и тети Нэнси. И надежды, судя по всему, оказались небеспочвенны, да и сам Джон Аллан несколько отошел от приступа ярости. Для приемного отца вообще была характерна отходчивость в отношениях с пасынком, позволявшая им поддерживать отношения до тех пор, пока они не испортились окончательно.

В Ричмонде Эдгара По ждал очередной удар судьбы — он узнал о грядущем замужестве Эльмиры Ройстер. И, возможно, о той неблаговидной роли, которую сыграл его отчим в крахе надежд молодых влюбленных. Попытка объясниться с Алланом вызвала лишь новую ссору, которую усугубило открытое заявление Эдгара По — он будет учиться в университете для того, чтобы стать писателем. Аллан, для которого слова «поэт» и «бездельник» были явно синонимами, запретил пасынку даже думать о продолжении учебы.

Взбешенный По 19 марта 1827 года покинул родной дом и, после краткого пребывания в местной гостинице «Корт Хаус таверн», отправился в Бостон — искать удачи на ниве вольного литературного труда.

Однако жесткая и прагматичная «малая родина» на

ультракапиталистическом северо-востоке США оказалась негостеприимным пристанищем для молодого поэта. Тем более что большую часть средств, взятых с собой, Эдгар По собирался направить на реализацию издательского проекта. На собственные деньги и деньги своего знакомца Кельвина Томаса, владельца типографии, он опубликовал сборник стихов, названный им «Тамерлан и другие стихотворения». В подборку, вышедшую тиражом всего пятьдесят экземпляров, помимо поэмы «Тамерлан», вошли многие стихи, созданные Эдгаром Алланом По за четыре года. В предисловии к ним автор написал: «Большая часть стихов, составляющих эту скромную книжку, написана в 1821–1822 годах, когда автору не было еще четырнадцати лет. Для публикации они, разумеется, не предназначались; причины, в силу которых вещи эти все же увидели свет, касаются лишь того, кем они написаны. О коротких стихотворениях нет нужды говорить много — они, быть может, обнаруживают чрезмерный эгоизм автора, который, однако, был в пору их написания еще слишком юн, чтобы черпать знание жизни из иного, чем собственная душа, источника…»

Сара Эльмира Ройстер. Карандашный портрет, сделанный Э.-А.

Увы, ни поэма, написанная в байроническом стиле, ни другие стихи не привлекли внимания читателей. В прессе вышло всего два отзыва, а продать удалось лишь несколько экземпляров. Надежды молодого поэта на быстрый и шумный литературный успех оказались разбиты вдребезги.

Перед Эдгаром Алланом По встала простая альтернатива — либо позорное возвращение домой, в Ричмонд, либо попытка найти какой-нибудь заработок в Бостоне, где с этим было далеко не так благополучно. После нескольких недель безуспешных поисков поэт решился на отчаянный шаг — 26 мая 1827 года под именем Эдгар А. Перри он завербовался рядовым солдатом в армию США.

Американская армия двадцатых годов девятнадцатого века и близко не напоминала современного милитаризированного монстра. Полупартизанские войны с Великобританией давно отгремели, до начала конфликтов с Мексикой еще было очень далеко. Боевые действия ограничивались редкими полицейскими операциями против не до конца усмиренных индейских племен. Армия была строго профессиональной и насчитывала всего шесть с половиной тысяч человек. Большую часть времени воинские части проводили в гарнизонах, многие из которых располагались в фортах на побережье Атлантического океана.

Именно в такой форт, находившийся на острове Салливан, у входа в Чарльстонскую гавань, и был отправлен 31 октября 1827 года Эдгар По, известный своим сослуживцам как Эдгар Перри. Впоследствии он опишет окрестности форта Моултри в своем рассказе «Золотой жук»: «Это очень странный остров. Он тянется в длину мили на три и состоит почти что из одного морского песка. Ширина его нигде не превышает четверти мили. От материка он отделен едва заметным проливом, вода в котором с трудом пробивает себе путь сквозь тину и густой камыш — убежище болотных курочек. Деревьев на острове мало, и растут они плохо. Настоящего дерева не встретишь совсем. На западной оконечности острова, где возвышается форт Моултри и стоит несколько жалких строений, заселенных в летние месяцы городскими жителями, спасающимися от лихорадки и чарльстонской пыли, — можно увидеть колючую карликовую пальму. Зато весь остров, если не считать этого мыса на западе и белой, твердой как камень, песчаной каймы на взморье, покрыт частой зарослью душистого мирта, столь высоко ценимого английскими садоводами. Кусты его достигают нередко пятнадцати — двадцати футов и образуют сплошную чащу,

наполняющую воздух тяжким благоуханием и почти непроходимую для человека».

Служба была не слишком утомительна. Герви Аллен так описывает типовой день в американском военном форте: «Форт Моултри просыпался в 5.30 утра; после завтрака и поверки проводились непродолжительные строевые занятия или отработка артиллерийских приемов. Неспешное течение времени отмечали выстрелы пушки на восходе и закате солнца да пение сигнальных рожков, трубивших подъем и отбой и трижды в день сзывавших солдат к столу. В остальные часы оставалось только играть в карты или метать кости». К тому же Эдгар По с удивлением обнаружил у себя даже некоторую склонность к военной дисциплине и распорядку. У начальства он был на хорошем счету, а потому уже в начале 1828 года был назначен гарнизонным писарем. Эта должность в сонном царстве американской армии позволяла По спокойно заниматься и литературными упражнениями.

Во время службы в армии в очередной раз проявилась любовь поэта к розыгрышам и мистификациям. Отправляя письма приемной матери, в качестве своего адреса Эдгар По указал Санкт-Петербург! Из этого невинного обмана впоследствии выросла целая легенда о путешествиях писателя по Европе и даже посещении им России, о которой восторженно отозвался К. Бальмонт: «Восемнадцатилетний юноша, в смутном очерке, явил себя поэтом, и затем, в течение целого ряда лет, от 1827 до 1833 года, жизнь его, в описаниях биографов, принимает противоречивые лики, и мы не знаем, был или не был он в какой-то год этого пятилетия в Европе, куда он будто поехал сражаться за греков, как, достоверно, он хотел в 1831 году сражаться против русских за поляков; был ли он или не был в Марселе или ином французском приморском городе; и не очутился ли он, как то рассказывают и как рассказывал он сам, в Петербурге, где с ним произошло будто бы обычное осложнение на почве ночного кутежа, и лишь с помощью американского посла он избежал русской тюрьмы. Или он, на самом деле, как уверяют другие, под вымышленным именем Эдгара Перри, просто-напросто служил в американской армии, укрывшись, таким образом, от докучных взоров? Одно вовсе не устраняет возможности другого, и если легенда, которую можно назвать Эдгар По на Невском проспекте, есть только легенда, как радостно для нас, его любящих, что эта легенда существует!»

К сожалению, действительность была куда прозаичнее — с мая 1827 по апрель 1829 года Эдгар Аллан По продолжал тянуть армейскую лямку, которая день ото дня становилась все тяжелее.

Нет, условия службы не изменились, и, судя по всему, приступов безумия, приводивших поэта к многодневным запоям, также не случалось. Просто Эдгар По стал отчетливо понимать, что занимается не своим делом и просто проматывает жизнь. Что его ждало дальше? Армейский контракт был заключен на пять лет. И что дальше? Заключать новый контракт? И так и служить солдатом или в лучшем случае сержантом?

А чтобы поступить в военную академию США в Вест-Пойнте, надо было заручиться солидной поддержкой на стороне. Обеспечить же эту поддержку мог только один человек — Джон Аллан.

В феврале 1829 года по Эдгару Аллану По в очередной раз ударила судьба — скончалась его приемная мать Фрэнсис Киллинг Аллан. Постепенно угасавшая от какой-то непонятной болезни, она внезапно умерла 28 февраля 1829 года. По находился в это время на службе в крепости Монро, в нескольких десятках километров от Ричмонда, и о смерти Фрэнсис Аллан ему сообщили слишком поздно — вечером 29 февраля. На похороны он опоздал и смог посетить лишь свежую могилу на хорошо знакомом ему кладбище Шоко-хилл.

Горе, вызванное скоропостижной смертью супруги, которую Джон Аллан безусловно любил, смягчило твердолобого шотландца. Он по-доброму пообщался с пасынком, с которым возобновил переписку еще в декабре 1828 года. Джон Аллан даже предпринял кое-какие усилия по устройству Эдгара в Вест-Пойнт.

Однако была одна трудность, стоявшая на пути у каждого, решившего порвать с американской армией до истечения контрактного срока — даже вознамерившись продолжить обучение в военной академии, По был обязан найти себе замену — человека, который бы согласился дослужить за него три года, оставшиеся по контракту. Такого человека Эдгар Аллан По в конце концов разыскал — бывшего сержанта Сэмюэля Грейвза по прозвищу Хулиган. Только вот для найма солдата-заместителя у поэта не было ни цента.

10 марта 1829 года По обратился с очередным слезным письмом к отчиму, в котором подчеркивал: «Я использую свободное время для подготовки к экзаменам в Вест-Пойнт и надеюсь, что получу возможность для этого. Я стремлюсь к тому, чтобы мои друзья и особенно — Вы — имели обо мне только хорошее мнение». Джон Аллан поупрямился, но все-таки решил помочь пасынку покинуть службу. (Возможно, сыграла свою роль и идея По отправиться на учебу в военную академию. Приемный сын, ставший генералом, — совсем не плохой исход для истории о воспитании сына бедных актеров в семье Алланов.) Скуповатый

шотландец отправил деньги д ля найма солдата на замену По, и 15 апреля 1829 года молодой поэт был уволен из американской армии. 20 апреля он уже вернулся домой, в Ричмонд.

Ласково встреченный тетей Нэнси, По попытался наладить отношения и с приемным отцом. Джон Аллан также сильно помягчел к пасынку и вновь задействовал все свои связи, чтобы ускорить его зачисление в Вест-Пойнт. Старался и сам По — например, он обращался с просьбой о поддержке к сенатору от Миссисипи П. Эллису.

Однако попасть в ряды курсантов Эдгар По сумел только в 1830 году. До этого он несколько месяцев провел у родственников в Балтиморе, сумев издать еще один сборник — «Аль-Арааф, Тамерлан и другие стихотворения».

В Балтиморе, на тот момент — третьем по величине городе США, остатки семейства «генерала По» ютились в квартирке на Уилкс-стрит. Реальным главой разношерстной семейной общины, куда входила престарелая бабушка Эдгара с отцовской стороны, его родной брат Уильям Генри Леонард, а также его кузен и кузина — Генри и Вирджиния, — была Мария Клемм, младшая сестра Дэвида По. (Эдгар любил ласково называть ее Мадди.)

Тетя поэта рано овдовела, оставшись с двумя детьми на руках, и почти не имела средств к существованию. Всей семье порой приходилось месяцами существовать на пенсию, которую выплачивали бабушке Элизабет По как вдове «героя революции».

Марии Клемм нередко приходилось играть на сердобольности и добросердечии соседей. В траурном наряде вдовы, с большой плетеной корзинкой в руках она обходила соседние улицы Балтимора, прося помочь любыми продуктами. И соседи обычно не отказывали.

Не добавляло процветания балтиморской ветке семейства По и запойное пьянство Уильяма Генри, старшего брата Эдгара. Семейный недуг подкосил его очень рано, он остался без работы, а вскоре и заболел туберкулезом (еще одной фамильной хворью потомков Дэвида По-младшего).

Поэтому появление в этом семейном аду Эдгара, которого все восприняли как богатого родственника с Юга, действительно казалось «лучом света в темном царстве». Особенно привязалась к двоюродному старшему брату семилетняя Вирджиния Клемм, ходившая за поэтом буквально по пятам.

К сожалению, вскоре выяснилось, что больших денег у родственника из Ричмонда не водится, хотя первое время Эдгар и смог поддержать балтиморскую «семейную общину». Обитая в мансарде дома на Уилкс-стрит, По продолжил активно писать стихи и, видимо, прозу. Некоторые из его сочинений удалось

опубликовать в периодике, а в декабре 1829 года, пусть и тиражом лишь 250 экземпляров, в свет вышел уже упомянутый поэтический сборник. И пусть это была полунищенская, тяжелая, но все-таки настоящая жизнь писателя, вкус к которой почувствовал Эдгар По.

Однако резко разорвать со старыми привычками и кругом общения, с вырастившей его семьей Алланов, с родным Ричмондом он еще не мог. Тем более что вроде бы представился новый шанс получить солидное образование — в марте 1830 года было принято решение зачислить Эдгара Аллана По в курсанты военной академии Вест-Пойнт.

И вот 20 июня 1830 года поэт наконец-то прибыл в оплот американского высшего военного образования, находящийся на берегу Гудзона.

К несчастью, служба курсантом в Вест-Пойнте оказалась суровее, нежели служба писарем в захолустного гарнизоне. В академии жизнь подчинялась жесткому распорядку, а слушатели вели напряженные занятия. Герви Аллен отмечает: «Рассчитанный на четыре года курс предусматривал изучение естествознания, философии, химии, высшей математики, инженерного дела, баллистики, черчения, географии, истории, этики, национального законодательства и французского языка. Столь насыщенная программа почти полностью лишала досуга питомцев Вест-Пойнта. День начинался ранним подъемом; после завтрака (наверняка не слишком обильного) кадеты расходились по классам, где проводили несколько часов; затем обедали и в четыре пополудни возвращались в казармы, чтобы переодеться для строевых занятий, которым почти целиком отводился остаток дневного времени. После ужина снова шли в классы. В девять часов вечера звучал сигнал „в казармы“, а вскоре вслед за ним — „тушить огни“. Увольнения были редкостью, праздники — еще большей. Времени предаваться мечтам оставалось немного».

При этом интеллектуально занятия в академии не вызывали у По ровным счетом никаких проблем. Его сослуживец Аллан Магрудер вспоминал о своем знакомце из Ричмонда: «Он отлично знал французский и проявлял настолько замечательные способности к математике, что у него не было никаких трудностей при ответах по этим предметам в своем классе и при получении по ним самых высоких оценок». И действительно, в результате семестровых экзаменов По стал на курсе семнадцатым — по математике и третьим — по французскому языку. Зато жесточайшая дисциплина стала откровенно раздражать молодого поэта. Тем более что пару раз у него случались алкогольные срывы, вызванные, видимо, стрессом и обострившимся нервным

расстройством. Уверяли даже, что он засыпал пьяным на посту в караулке.

Однако запои молодого поэта рано или поздно бы завершились — пьянство у По всегда сменялось длительными периодами воздержания от алкоголя и повышенной работоспособности. Значительно хуже было другое — почти полное отсутствие времени и сил для свободного творчества. Здоровье Эдгара По к 1830 году заметно пошатнулось, он выглядел старше своих лет. Его сослуживцы-курсанты даже шутили, что поэт записал в академию сына, тот умер, и отцу пришлось осваивать армейские премудрости за него. Томас Гибсон, также один из коллег Эдгара По по Вест-Пойнту, так вспоминал о внешности писателя в те годы: «В то время По, хотя было ему всего двадцать лет, выглядел гораздо старше своего возраста. Лицо его не покидало усталое, скучающее и недовольное выражение, надолго запоминавшееся тем, кто его близко знал. Всякая шутка на его счет легко приводила По в раздражение…»

Вест-Пойнт. Современный вид

Измученный Эдгар Аллан По все же пытался сочинять стихи в свободное время, хотя чаще всего из-под пера ричмондца выходили не лирические и элегические строки, а сатиры на начальство или эпиграммы на друзей. Юмористические стишки добавляли По популярности у сослуживцев, но ничуть не приближали его к главной цели в жизни — участи свободного

литератора.

Поддержку он нашел только у начальника академии полковника Сильвануса Тайера, с интересом ознакомившегося с предыдущими книгами поэта. Полковник Тайер решил помочь издать новое собрание стихотворений Эдгара По, для чего среди курсантов Вест-Пойнта была организована специальная денежная подписка. Сто тридцать один из двухсот тридцати двух сослуживцев поэта охотно подписались на это издание, заранее заплатив по семьдесят пять центов за экземпляр.

А тем временем позиции Эдгара По в Ричмонде сильно ухудшились — проведя полтора года на положении вдовца, Джон Аллан решил жениться второй раз. Он сочетался вторым браком с дамой с Севера — тридцатилетней жительницей Элизабеттауна (штат Нью-Джерси) Луизой Габриэллой Паттерсон. Новоявленная мачеха и слышать не желала о каких-либо правах так и не признанного пасынка, заочно отнесясь к Эдгару с откровенной неприязнью.

Между поэтом и его отчимом постепенно назревал очередной разрыв, который резко обострила одна коллизия, связанная с первым периодом службы Эдгара По в армии США. Нанятый на замену пасынку Джона Аллана, сержант Сэмюэль Грейвз так и не получил часть обещанных ему денег. Он начал письменно требовать их от Эдгара По, но тот ответил, что обещанную сумму ему не передал отчим, поскольку «редко бывает трезвым». Сержант Грейвз сообщил об этом ответе Джону Аллану, и вирджинский торговец пришел в ярость. Уж в чем в чем, а вот в пьянстве он, в отличие от приемного сына, никогда замечен не был. По здравом размышлении богатый ричмондец, как позднее утверждала его вторая жена, все же «послал ему (сержанту) деньги и лишил По своей благосклонности».

Между отчимом и пасынком состоялся обмен яростными посланиями, в одном из которых По писал, упоминая о покойной приемной матери: «Если бы она не умерла, когда я был далеко, то ничего бы для меня не пожалела. От Вас я любви никогда не видел, но она, я верю, любила меня, как своего собственного ребенка. Вы послали меня в Вест-Пойнт как нищего. Теперь те же трудности, что и прежде в Шарлоттсвилле, угрожают мне, и я должен уйти в отставку». В результате оскорбленный Джон Аллан решил прервать всякие отношения с приемным сыном и наотрез отказался помочь ему уволиться из Вест-Пойнта без скандала.

Тогда По взял процесс увольнения в собственные руки — он просто-напросто перестал посещать занятия и выполнять служебные распоряжения. Начальство в Вест-Пойнте терпело это разгильдяйство ровно две недели, а затем объявило о созыве

трибунала, перед которым и предстал курсант Эдгар Аллан По.

Обвинения выдвигались по двум пунктам: «1-е — грубое нарушение служебного долга; 2-е — неповиновение приказам». По обоим По признали виновным и огласили следующий приговор: «По зрелом рассмотрении представленных доказательств… уволить кадета Э.А. По от службы Соединенным Штатам».

19 февраля 1831 года молодой поэт покинул Вест-Пойнт, сохранив в память о службе только кадетскую шинель. (Ее он проносил до конца жизни.) Впереди его ждало морское путешествие в Нью-Йорк, где он надеялся добиться литературной славы и успеха.

Глава 3
ЧЕТЫРЕ ГОДА НЕСЧАСТИЙ

Эдгар По приехал в Нью-Йорк 20 февраля 1831 года, но почти сразу же тяжело заболел — судя по всему, воспалением легких, да еще осложненным какой-то болезнью уха, из которого непрерывно текла кровь. Состояние поэта было настолько тяжелым, что он решился на отчаянную просьбу к Джону Аллану. 21 февраля По направил отчиму письмо, в котором живописал свои несчастья: «Я уехал два дня назад и оказался в Нью-Йорке без плаща или любой другой теплой одежды, после чего жестоко простудился и теперь прикован к кровати — у меня нет денег — нет друзей — я написал к моему брату, но он не может мне помочь — я не в состоянии даже подняться с постели — помимо самой жестокой простуды из моего уха постоянно течет кровь, меня мучает головная боль. Я не буду писать Вам более, но, пожалуйста, пришлите мне немного денег и забудьте все, что я сказал о Вас». Аллан не ответил, но поэт смог оправиться и без поддержки, постепенно пойдя на поправку. В Нью-Йорке его главным занятием стали хлопоты по подготовке к изданию сборника стихов, на которые собрали деньги курсанты Вест-Пойнта. Сборник, который По планировал назвать просто — «Стихотворения», обязалось опубликовать издательство Эллана Блисса.

Книга вышла в свет в марте 1831 года, с посвящением «Корпусу кадетов США». Поскольку сослуживцы По заранее оплатили издание, то оно не оказалось убыточным, и даже его автор получил небольшое денежное вознаграждение. Однако этих денег не могло хватить надолго, и уже в конце месяца По был вынужден перебраться в Балтимор, к своим бедным родственникам.

А тем временем положение в большом семействе Марии Клемм резко ухудшилось — старший брат поэта Уильям Генри уже не просто запойно пил. У него все стремительнее прогрессировал туберкулез — фамильный бич семьи По. Не прекращая периодически напиваться, Уильям Генри По угасал на глазах. Вновь поселившись вместе с братом в общей комнате в мансарде, Эдгар пытался ухаживать за ним, надеясь отвратить неизбежное. Увы, заботы младшего брата ничем не могли помочь Уильяму Генри Леонарду По — 17 августа 1831 года он скончался.

Не радовал и родной сын Марии Клем — Генри, который

также пьянствовал целыми днями и не мог устроиться хоть на какую-то постоянную работу. Бабушка поэта продолжала тяжело болеть. Единственная, кто обрадовал Эдгара и обрадовался ему, была его кузина Вирджиния, которой исполнилось девять лет. Она прочно привязалась к двоюродном брату, который ласково звал ее Сисси — «сестренка».

Небольшие деньги, полученные за сборник «Стихотворения», позволили По продержаться самому и поддержать своих родственников. Но вскоре Марии Клемм вновь пришлось взяться за свою плетеную корзинку и двинуться по домам сердобольных соседей в надежде на милостыню.

Эдгар По сначала попытался устроиться работать школьным учителем, затем, явно от отчаяния, — даже завербоваться в польскую армию. 7 ноября 1831 года он был арестован (как поручитель за невыплаченный долг скончавшегося брата) и чуть не угодил в местную тюрьму. В отчаянии и сам По, и Мария Клемм воззвали к Джону Аллану, и приемный отец в очередной раз все-таки выручил нелюбимого пасынка. Деньги в Балтимор Аллан переслал и даже похлопотал об Эдгаре, используя в качестве посредника своего торгового агента. Благодаря этим усилиям и отправленным вовремя долларам в долговой тюрьме Эдгар По не оказался.

Поэт понял, что спасти от окончательной нищеты его сможет только собственный литературный дар. Но поэзия мало кого в США интересовала, поэтому он взялся за составление материалов для местных газет. И одновременно По, сидя за старым письменном столом в неприютной мансарде, принялся усердно сочинять прозу.

Многое из того, что после составило сборник «Рассказы Фолио-клуба», было создано именно тогда. По игре со стилем в самых разных текстах, опубликованных По в первой половине тридцатых годов, заметно, что он не только много писал, но и столь же много и активно читал. Он подражал в рассказах манере популярных журналистов и известных писателей, но при этом яркая индивидуальность самого поэта преобразовывала любой литературный шлак в настоящее золото.

Параллельно с упорной литературной работой Эдгар По неожиданно оказался втянут в одну романтическую историю. Правда, ее героиня — Мэри Деверо — поведала о ней лишь сорок лет спустя, поэтому многие подробности случившегося вызывают сомнения. Впрочем, насколько можно судить, в этой истории был не только дым поздних воспоминаний о великом человеке, но и реальный огонь реальной истории, случившейся в прошлом. Тем более что некоторые моменты в поведении По так напоминают

его поздние эскапады сороковых годов девятнадцатого века, что становится ясно — госпожа Деверо явно не всё выдумывала.

С По она якобы познакомилась летом 1832 года, и поэт настолько увлекся девушкой, проживавшей по соседству, на Эссекс-стрит, что совсем потерял от нее голову. Мэри Деверо вспоминала об этом так: «Мистер По пересек улицу и подошел к крыльцу Ньюмэнов. При его приближении я отвернулась, потому что была еще очень молода и застенчива. Он сказал: „Здравствуйте, мисс Ньюмэн“. Она представила его мне, и тут ее зачем-то позвали в дом. По тотчас перепрыгнул через балюстраду и присел рядом со мной. Он сказал, что у меня самые прекрасные волосы, какие ему когда-либо приходилось видеть, — именно о таких всегда грезили поэты. С той поры он стал приходить ко мне каждый вечер; так продолжалось около года, и за все это время, вплоть до нашей последней ссоры, он, насколько я знаю, не выпил ни капли вина… Как он был ласков!.. Любовь его была полна страсти… Сблизившись с мистером По, я оказалась в довольно большом отчуждении. Многие из моих подруг боялись его и перестали со мной видеться. Я чаще встречалась тогда с его друзьями. Он презирал невежественных людей и терпеть не мог пустой светской болтовни… Если он любил, то любил до безумия. Нежный и очень ласковый, он тем не менее отличался вспыльчивым и порывистым нравом и был до крайности ревнив. Чувства его были сильны, и владеть ими он почти не умел. Ему не хватало уравновешенности; ум его был чрезмерно развит. Он насмехался над святынями веры и никогда не ходил в церковь… Он часто говорил о какой-то связанной с ним тайне, проникнуть в которую он был не в силах. Он думал, что рожден для страдания, и от этого жизнь его переполняла горечь. Миссис Клемм тоже туманно упоминала о некой семейной тайне, заключавшей в себе нечто позорное. Однажды По дал мне прочесть письмо от мистера Аллана, в котором тот, имея в виду меня, грозил оставить По без единого гроша, если он женится на такой девушке.

Как-то летом, лунной ночью, мы гуляли на мосту, который находился неподалеку от того места, где я жила. У противоположного конца моста стоял дом священника. Внезапно Эдди взял меня за руку и потянул за собой, говоря: „Идем, Мэри, идем и обвенчаемся теперь же! К чему нам ждать?!“

Мы были в тот момент всего лишь в двух кварталах от моего дома. Эдгар продолжал сопровождать меня и вошел в дом вслед за мной. Мы не были официально обручены, но хорошо понимали друг друга. Однако в ту пору обстоятельства его были таковы, что он не мог жениться. Когда мой брат узнал, что у нас часто бывает По, то спросил меня: „Неужели ты собираешься выйти замуж за

этого человека, Мэри? Мне легче было бы увидеть тебя в могиле, чем его женой! Он и себя-то не в состоянии прокормить, не говоря уж о тебе!“ Я отвечала, будучи столь же романтична, как Эдди, что предпочту разделить черствую корку с ним, чем дворец с кем-нибудь другим».

Родственники мисс Деверо, естественно, пришли в ужас от самой мысли о браке между По и Мэри. Поэту решительно отказали, он пришел в отчаяние и обратился к привычной модели поведения — резко запил. Сама мисс Деверо так описывала случившееся: «Разлучившая нас ссора произошла так: однажды вечером я ждала Эдгара в гостиной, но он все не шел. Наконец, уже около десяти часов, в комнату заглянула моя мать и сказала: „Пойдем, Мэри, пора спать“. Окна в гостиной были отворены, и я сидела перед одним из них, склонившись на подоконник и положив голову на руки. Из глаз у меня текли слезы. Эдди появился вскоре после того, как мать вышла, и я сразу заметила, что он пил. Это был первый за весь год случай, когда он притронулся к вину. Найдя парадную дверь запертой, он подошел к окну, подле которого я сидела, и распахнул настежь почти закрытые ставни. Он приподнял мою голову и стал рассказывать, где он был. Ему встретились на мосту какие-то кадеты из Вест-Пойнта, которые оказались его старыми друзьями, и пригласили его в „Барнумс-отель“, где все вместе поужинали и выпили шампанского. Он постарался оставить их как можно скорее, чтобы прийти ко мне и все объяснить. Выпив только один бокал, он опьянел. Думаю, что в тот вечер он выпил гораздо больше. Что до рассказов, будто он был отъявленным пьяницей, то я его никогда таким не знала.

Я вышла, открыла дверь и присела рядом с ним на залитом лунным светом крыльце. Спустя короткое время между нами произошла ссора, о причинах которой мне не хотелось бы говорить. В конце концов я бросилась прочь с крыльца, пробежала вокруг дома и оказалась в комнате, где была мать.

— Мэри, Мэри! Что случилось? — спросила она. По, кинувшись за мной, тоже вошел в комнату. Я была очень испугана, и мать велела мне подняться наверх. Так я и сделала. По сказал:

— Я хочу говорить с вашей дочерью! Если вы не скажете ей немедля спуститься, я сам пойду за ней. У меня есть на это право!

Моя мать была рослой женщиной и, заслонив собой вход на лестницу, сказала:

— Вы не имеете права! Я не позволю вам подняться!

— Нет, имею! — возразил По. — Теперь она жена моя перед небесами.

Мать ответила, что ему лучше идти домой спать, и он ушел…»

В состоянии периодического опьянения поэт якобы дошел до откровенного хулиганства, как утверждала Мэри Деверо: «После ссоры… я перестала видеться и переписываться с мистером По и отсылала его письма назад нераспечатанными. Мать отказала ему от дома. Он прислал мне письмо с Вирджинией. И его я отправила обратно, не вскрывая. Потом он написал снова, и на этот раз я прочла письмо. Обращаясь ко мне официально „мисс Деверо“, он в саркастических выражениях укорял меня за мое бессердечие и непреклонность. Я показала письмо матери, а та — бабушке, которая в это время гостила у нас. Прочтя письмо, бабушка отнесла его моему дяде Джеймсу. Дядя был так возмущен и оскорблен, что без моего ведома написал мистеру По резкий и язвительный ответ. В это же время мистер По опубликовал в одной балтиморской газете стихотворение из шести или восьми строф, назвав его „К Мэри“. Речь в нем шла о ветрености и непостоянстве, и тон его был очень суров. Все мои друзья и друзья По знали, к кому обращены стихи, что еще больше усилило возмущение дядюшки.

Мистер По пришел в такое бешенство от полученного письма, что купил плеть из воловьей кожи и, придя в магазин к дяде, избил его. В ту пору дяде было больше пятидесяти лет. Тетушка и оба ее сына бросились в магазин и, защищая дядю, порвали черный сюртук его обидчика на спине от пояса до воротника. Тогда мистер По засунул плеть в рукав и, как был, в разорванном сюртуке, направился вверх по улице к нашему дому, сопровождаемый толпой мальчишек. Войдя к нам, он спросил отца и, когда тот вышел к нему, сказал, что только что видел дядюшку; показав написанное последним письмо, он заявил, что глубоко оскорблен и что избил дядюшку плетью. Меня позвали вниз. Увидев меня, мистер По достал из рукава плеть и бросил к моим ногам, сказав: „Возьмите, я ее вам дарю!“»

Впрочем, последняя мелодраматическая ситуация выглядит малоправдоподобной. Чего же это дядюшка не подал в суд на поэта-хулигана?.. Дело-то происходило не в городке на фронтире, а во вполне цивилизованном Балтиморе.

В целом, вся эта история вызывает закономерные сомнения у исследователей жизни и творчества По, и, например, Артур Хобсон Куинн, автор самой обстоятельной монографии о жизни поэта, вообще отказывает воспоминаниям мисс Деверо в каком-либо правдоподобии.

В любом случае любовная эскапада, даже если и сопровождалась запоем у писателя, то недолговременным. По

охватила совершенно другая одержимость — творческая. Именно тогда в мансарде на Уилкс-стрит духовно родился лучший американский новеллист первой половины девятнадцатого века.

Самый первый рассказ из созданных тогда новелл Эдгару По удалось пристроить в газету «Филадельфия сатэрдей курьер». Еще 14 января 1832 года на ее страницах местные подписчики обнаружили жутковатую новеллу «Метценгерштейн», рассказывающую о жестокой мести и переселении душ.

Портрет Э.-Л. По. Художник С. Осгуд

В начале повествования По привел якобы венгерское народное предание о том, что сразу после смерти душа умершего может переместиться в любое живое существо, находящееся поблизости. А затем автор уже напрямую перешел к истории о вражде между двумя дворянскими родами: «Распря между домами Берлифитцингов и Метценгерштейнов исчисляла свою давность веками. Никогда еще два рода столь же именитых не

враждовали так люто и непримиримо.

Первопричину этой вражды искать, кажется, следовало в словах одного древнего прорицания: „Страшен будет закат высокого имени, когда, подобно всаднику над конем, смертность Метценгерштейна восторжествует над бессмертием Берлифитцинга“». Последним в роду Метценгерштейнов был жестокий молодой повеса: «Гнусные бесчинства, ужасающее вероломство, неслыханные расправы очень скоро убедили его трепещущих вассалов, что никаким раболепством его не умилостивишь, а совести от него и не жди, и, стало быть, не может быть ни малейшей уверенности, что не попадешь в безжалостные когти местного Калигулы. На четвертую ночь запылали конюшни в замке Берлифитцинг, и стоустая молва по всей округе прибавила к страшному и без того списку преступлений и бесчинств барона еще и поджог».

Старик, последний из Берлифитцингов, погиб в этом пожаре: «Он бросился спасать своих любимцев из охотничьего выезда и сам сгорел». Но почти сразу после этого у замка Метценгерштейнов слуги обнаруживают нечто совершенно неожиданное: «Выбиваясь из сил, несмотря на смертельную опасность, они удерживали яростно вырывающегося коня огненно-рыжей масти. — Чья лошадь? Откуда? — спросил юноша… — Она ваша, господин, — отвечал один из конюхов, — во всяком случае, другого владельца пока не объявилось. Мы переняли ее, когда она вылетела из горящих конюшен в замке Берлифитцинг — вся взмыленная, словно взбесилась. Решив, что это конь из выводных скакунов с графского завода, мы отвели было его назад. Но тамошние конюхи говорят, что у них никогда не было ничего похожего, и это совершенно непонятно — ведь он чудом уцелел от огня».

Постепенно Метценгерштейн начинает чувствовать необъяснимую привязанность к этой лошади, постоянно выбирая ее для конных прогулок. Его тяга к этому животному становится всё более странной и безумной, пока наконец в имении Метценгерштейна не начинается пожар. В этот момент и совершается сверхъестественная месть: «Лошадь несла, уже явно не слушаясь всадника. Искаженное мукой лицо, сведенное судорогой тело говорили о нечеловеческом напряжении всех сил; но кроме одного-единственного короткого вскрика ни звука не сорвалось с истерзанных, искусанных в бессильной ярости губ. Миг — и громкий, настойчивый перестук копыт покрыл рев пламени и завывания ветра; еще мгновение — и скакун единым махом пролетел в ворота и через ров, мелькнул по готовой вот-вот рухнуть дворцовой лестнице и сгинул вместе с всадником в

огненном смерче.

И сразу же унялась ярость огненной бури, мало-помалу все стихло. Белесое пламя еще облекало саваном здание и, струясь в мирную заоблачную высь, вдруг вспыхнуло, засияло нездешним светом, и тогда тяжело нависшая над зубчатыми стенами туча дыма приняла явственные очертания гигантской фигуры коня».

В тексте уже заметны все характерные черты раннего По-рассказчика: склонность к преувеличениям и «пугающим» прилагательным; упорное нагнетание атмосферы; намеки на некую невероятную тайну, лежащую в основе истории; указания на ненормальные страсти, одержимость или даже прямое безумие, охватывающие героев рассказа; резкий, потрясающий, «ударный» финал, к которому автор виртуозно подводит читателя.

В начале тридцатых годов По также были написаны рассказы «Герцог де Л'Омлет», «Бон-Бон», «На стенах Иерусалимских», а также самый, пожалуй, любопытный — «Без дыхания», где живописуются злоключения главного персонажа, внезапно переставшего дышать, но при этом оставшегося живым. Однако, в отличие от «Метценгерштейна», в этих новеллах заметны четкие комедийные черты, заставляющие признать Эдгара По и одним из основателей американской юмористики с ее явной склонностью к цинизму и абсурдным ситуациям. Например, в рассказе «Без дыхания» присутствует следующий гротескный момент: «Вслед за этим каждый пассажир (а их было девять) счел своим долгом подергать меня за ухо. А когда молодой врач поднес к моим губам карманное зеркальце и убедился, что я бездыханен, присяжные единогласно подтвердили обвинение моего преследователя, и вся компания выразила твердую решимость не только в дальнейшем не мириться с подобным мошенничеством, но и в настоящее время не ехать ни шагу дальше с подобной падалью.

В соответствии с этим меня вышвырнули из дилижанса перед „Вороном“ (наш экипаж как раз проезжал мимо названной таверны), причем со мною не произошло больше никаких неприятностей, если не считать перелома обеих рук, попавших под левое заднее колесо. Кроме того, следует воздать должное кучеру — он не преминул выбросить вслед за мной самый объемистый из моих чемоданов, который, по несчастью, свалившись мне на голову, раскроил мне череп весьма любопытным и в то же время необыкновенным образом».

Воистину По в данном случае ничем не отличается по стилю от раннего Марка Твена с его циничным финалом одного из рассказов: «Я застрелил его и похоронил за собственный счет».

При создании этих ранних рассказов Эдгар По вообще не впадал в запои, находясь в состоянии повышенной работоспособности. Поэт держался подальше от бутылки и писал, писал, писал… Денег это, к сожалению, пока не давало, и 12 апреля 1833 года он даже попытался еще раз обратиться с жалобным письмом к отчиму: «Прошло уже более двух лет с тех пор, как Вы помогли мне, и более трех с тех пор, как Вы говорили со мной… Без друзей, средств к существованию, без работы, я погибаю — погибаю абсолютно без всякой помощи. И при этом я — не тунеядец, не завишу ни от какого-нибудь порока, не совершил никакого преступления, чтобы заслужить подобную судьбу. Ради Бога, пожалейте меня и спасите меня от гибели!» Джон Аллан на этот трагический вопль никак не отреагировал, и его переписка с пасынком прервалась окончательно.

Бедствия же не оставляли семейство По: еще осенью 1832 года им пришлось даже сменить привычную квартиру — они перебрались в менее удобную, находившуюся по адресу Эмити-стрит, дом номер три.

Но, несмотря ни на что, Эдгар По продолжал творить. Количество созданных им новелл к середине 1833 года переросло один десяток, и 4 мая 1833 года, когда поэт пытался пристроить один из рассказов в журнал «Нью-Инглэнд мэгэзин», он уже напрямую указывал, что «это история из цикла „Одиннадцать арабесок“».

Удача повернулась лицом к По, когда он решил отправить несколько своих произведений на литературный конкурс, проводившийся балтиморским еженедельником «Балтимор сатэрдей визитер». Выбирать победителей должны были члены редакционного совета, куда входили господа Джон П. Кеннеди, Джеймс Х. Миллер и Дж. Лэтроуб. Один из них, доктор Дж. Лэтроуб, позднее вспоминал: «Мы собрались погожим летним днем, после обеда, на выходящей в сад веранде моего дома на Малбери-стрит и, расположившись вокруг стола, на котором было несколько бутылок доброго старого вина и коробка хороших сигар, приступили к многотрудным обязанностям литературных критиков. Я оказался самым молодым из нас троих, и мне было поручено вскрывать конверты и читать вслух присланные рукописи. Возле меня поставили корзину для отвергнутых нами опусов…

О большинстве представленных на наш суд произведений у меня не сохранилось никаких воспоминаний. Одни были отклонены по прочтении нескольких строчек, другие — очень немногие — отложены для дальнейшего рассмотрения. Эти последние затем тоже не выдержали критики, и жюри готово уже

было заключить, что ни одна из работ не заслуживает назначенной премии, когда взгляд мой упал на небольшую, в четверть листа, тетрадь, до сих пор по случайности не замеченную, быть может, потому, что видом своим она столь мало походила на внушительных размеров манускрипты, с которыми ей предстояло состязаться…

Помню, что, пока я читал про себя первую страницу, г-н Кеннеди и доктор наполнили свои бокалы и закурили сигары. Когда я сказал, что у нас, кажется, появилась наконец надежда присудить премию, они засмеялись так, словно в этом сомневались, и поудобнее устроились в креслах, в то время как я начал читать. Не успел я прочесть и нескольких страниц, как друзья мои заинтересовались не меньше меня. Закончив первый рассказ, я перешел ко второму, затем к третьему и т. д. и не остановился, пока не прочел всю тетрадь, прерываемый лишь восклицаниями моих товарищей: „Превосходно! Великолепно!“ — и тому подобными. Все, что они услышали, было отмечено печатью гения. Ни малейшего признака неуверенности в построении фразы, ни одного неудачного оборота, ни единой неверно поставленной запятой, ни избитых сентенций или пространных рассуждений, отнимающих силу у глубокой мысли. Во всем царила редкостная гармония логики и воображения… Анализ запутанных обстоятельств путем искусного сопоставления косвенных свидетельств покорил заседавших в жюри юристов, а поразительное богатство научных познаний автора и классическая красота языка привели в восторг всех троих.

Когда чтение было закончено, мы стали решать, какой из вещей отдать предпочтение, испытав большое затруднение в выборе. Были вновь прочитаны вслух отрывки из различных рассказов, и в итоге жюри остановилось на „Рукописи, найденной в бутылке“».

Это действительно один из лучших ранних рассказов По. Главный герой «Рукописи, найденной в бутылке» в Индийском океане попадает в жестокий шторм. Когда гибель его корабля выглядит почти неминуемой, тот неожиданно сталкивается с другим судном: «Подняв свой взор кверху, я увидел зрелище, от которого кровь заледенела у меня в жилах. На огромной высоте прямо над нами, на самом краю крутого водяного обрыва вздыбился гигантский корабль водоизмещением не меньше четырех тысяч тонн. Хотя он висел на гребне волны, во сто раз превышавшей его собственную высоту, истинные размеры его все равно превосходили размеры любого существующего на свете линейного корабля или судна Ост-Индской компании. Его колоссальный тусклочерный корпус не оживляли обычные для

всех кораблей резные украшения. Из открытых портов торчали в один ряд медные пушки, полированные поверхности которых отражали огни бесчисленных боевых фонарей, качавшихся на снастях. Но особый ужас и изумление внушило нам то, что, презрев бушевавшее с неукротимой яростию море, корабль этот несся на всех парусах навстречу совершенно сверхъестественному ураганному ветру. Сначала мы увидели только нос корабля, медленно поднимавшегося из жуткого темного провала позади него. На одно полное невыразимого ужаса мгновенье он застыл на головокружительной высоте, как бы упиваясь своим величием, затем вздрогнул, затрепетал и — обрушился вниз».

Ударом героя случайно забрасывает на борт таинственного корабля, который выглядит столь же невообразимым, как и его команда: «Он построен из неизвестного мне материала. Это дерево обладает особым свойством, которое, как мне кажется, делает его совершенно непригодным для той цели, которой оно должно служить. Я имею в виду его необыкновенную пористость, даже независимо от того, что он весь источен червями (естественное следствие плавания в этих морях), не говоря уже о трухлявости, неизменно сопровождающей старость. Пожалуй, мое замечание может показаться слишком курьезным, но это дерево имело бы все свойства испанского дуба, если бы испанский дуб можно было каким-либо сверхъестественным способом растянуть.

При чтении последней фразы мне приходит на память афоризм одного старого, видавшего виды голландского морехода. Когда кто-нибудь высказывал сомнение в правдивости его слов, он, бывало, говаривал: „Это так же верно, как то, что есть на свете море, где даже судно растет подобно живому телу моряка“.

Час назад, набравшись храбрости, я решился подойти к группе матросов. Они не обращали на меня ни малейшего внимания и, хотя я затесался в самую их гущу, казалось, совершенно не замечали моего присутствия. Подобно тому, кого я в первый раз увидел в трюме, все они были отмечены печатью глубокой старости. Колени их дрожали от немощи, дряхлые спины сгорбились, высохшая кожа шуршала на ветру, надтреснутые голоса звучали глухо и прерывисто, глаза были затянуты мутной старческой пеленою, а седые волосы бешено трепала буря».

Герой понимает, что команда невиданного корабля некогда была обречена на бесконечные скитания по морям, но теперь их странствие наконец-то должно завершиться: «Мы, без сомнения, быстро приближаемся к какому-то ошеломляющему открытию, к разгадке некоей тайны, которой ни с кем не сможем поделиться, ибо заплатим за нее своею жизнью. Быть может, это течение ведет

нас прямо к Южному полюсу… Матросы беспокойным, неверным шагом с тревогою бродят по палубе, но на лицах их написана скорее трепетная надежда, нежели безразличие отчаяния».

И вот Эдгар По в финале наносит сокрушительный удар, завершая рассказ одной потрясающей сценой, как и в «Метценгерштейне»: «Между тем ветер все еще дует нам в корму, а так как мы несем слишком много парусов, корабль по временам прямо-таки взмывает в воздух! Внезапно — о беспредельный чудовищный ужас! — справа и слева от нас льды расступаются, и мы с головокружительной скоростью начинаем описывать концентрические круги вдоль краев колоссального амфитеатра, гребни стен которого теряются в непроглядной дали. Однако для размышлений об ожидающей меня участи остается теперь слишком мало времени! Круги быстро сокращаются — мы стремглав ныряем в самую пасть водоворота, и среди неистового рева, грохота и воя океана и бури наш корабль вздрагивает и — о боже! — низвергается в бездну!»

«Рукопись, найденная в бутылке» — одновременно и история о «Летучем голландце», и спекуляция на околонаучном мифе о полой Земле, который будет так привлекать американских фантастов и в девятнадцатом, и в первой половине двадцатого века. В 1840 году По в особом примечании специально усилит акцент на прозвучавшей в финале его новеллы идее о возможном проходе внутрь нашей планеты, находящемся на одном из полюсов: «Примечание. „Рукопись, найденная в бутылке“ была впервые опубликована в 1831 году, и лишь много лет спустя я познакомился с картами Меркатора, на которых океан представлен в виде четырех потоков, устремляющихся в (северный) Полярный залив, где его должны поглотить недра земли, тогда как самый полюс представлен в виде черной скалы, вздымающейся на огромную высоту».

За победу на конкурсе Эдгар По должен был получить пятьдесят долларов, которые в тот момент оказались отличным подспорьем и для него, и для его родственников. Он даже явился в «Сатэрдей визитер», чтобы лично поблагодарить членов совета за высокую оценку его литературного труда. Позднее Джон Лэтроуб, в то время — один из редакторов журнала — вспоминал о поэте: «Он был одет в черное, а фрак его был застегнут до горла, которое было повязано черным шарфом, который он почти всегда носил. Ни частицы белого на нем не было заметно. Пальто, шляпа, сапоги и перчатки явно видали лучшие дни, но, благодаря тщательному ремонту и чистке, они выглядели вполне презентабельно». Еще Лэтроуба поразил «большой лоб, высокий, как свод храма. Это было главное в нем, все сразу это замечали, а

я никогда не забывал».

А тем временем, в начале 1834 года, сильно ухудшилось состояние здоровья Джона Аллана. Водянка, которая начала его мучить еще в 1820 году в Лондоне, теперь быстро прогрессировала. И незадолго до приближавшейся к смерти отчим Эдгара По в последний раз встретился со своим приемным сыном.

Поэт, видимо узнав о состоянии Аллана, отправился в Ричмонд в феврале. Приехав, он застал старика полулежащим в кресле на заднем дворе. Герви Аллеи весьма впечатляюще реконструировал сцену последней встречи поэта и его отчима: «По ворвался в дом, оттолкнув дворецкого, и проворно взбежал по лестнице, ведущей в большую комнату с окнами на передний двор, в которой, откинувшись на подушки, сидел и читал газету Джон Аллан. Рядом с ним лежала трость. Водянка сделала его совершенно беспомощным. Насмешливо-ироническая улыбка, часто игравшая у него на губах в молодости и придававшая лицу почти приятное выражение, давно угасла. Ставший еще более крючковатым ястребиный нос и кустистые черные брови угрожающе нависли над сообщающей последние новости газетой. Но вдруг его маленькие пронзительные глазки скользнули вверх и узрели в дверях призрак, явившийся из прошлого. Время точно вернулось вспять, и перед ним, как когда-то много лет назад, стоял его юный „приемный сын“ и с мольбой глядел на „отца“, по обыкновению чувствуя себя в его присутствии скованно и неловко. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, эти два непримиримых духом человека, встретившихся в последний раз. Затем По с довольно жалким видом попытался приблизиться и заговорить со стариком. Но Аллан, точно защищаясь от нападения, схватил прислоненную к креслу трость и стал свирепо ею размахивать, изрыгая поток брани и проклятий. Он кричал, что побьет По, если тот осмелится подойти к нему ближе, и угрожающе приподнялся с кресла, словно умирающая хищная птица — страшная, неукротимая, способная и погибая сразить врага. На его крики прибежала испуганная жена и слуги-рабы, которые с позором вытолкали По за дверь. Вслед ему неслись возмущенные вопли немощного, дрожащего от гнева старика».

По в ужасе и смятении бежал из особняка Алланов. Живым своего приемного отца он больше никогда не увидел.

Джон Аллан скончался 27 марта 1834 года, во сне, около одиннадцати часов утра. Из завещания, оглашенного после его смерти, выяснилось, что богатый, но «жестоковыйный» шотландец не оставил пасынку-поэту ни цента.

Впрочем, Эдгар По на благодеяния от Джона Аллана уже явно не рассчитывал — перед ним замерцал призрак литературного успеха, и он продолжал упорно и почти яростно сочинять новеллы. Ведь еще к октябрю 1834 года цикл, условно названный «Рассказы Фолио-клуба», был почти готов и включал в себя аж семнадцать рассказов. О подписке на этот сборник даже было объявлено 26 октября 1833 года в «Балтимор сатэрдей визитер».

К сожалению, иллюзии По вновь разбились о жестокую реальность. Книгу рассказов так и не удалось опубликовать из-за финансовых проблем. Но и эта неудача не выбила поэта из творческой колеи. (Тем более что по отдельности рассказы цикла позднее удалось вполне успешно напечатать.)

Весной 1835 года Эдгар По вновь попытался устроиться на работу учителем в одну из государственных школ Балтимора. И вновь — безуспешно. Однако вскоре, благодаря помощи доброжелательного члена редакционного совета «Балтимор сатэрдей визитер» Джона Кеннеди, молодой поэт получил значительно более выгодную должность, да еще и непосредственно связанную с литературной деятельностью.

С мистером Джоном Пендлтоном Кеннеди у По на долгие годы установились дружеские отношения. Поэту в жизни вообще везло на хороших людей, с которыми его сводила судьба. Немногие могли вынести его взрывной характер и приступы пьянства. Многие разочаровывались в нем и становились его активными недоброжелателями и даже откровенными врагами. Но были люди, которые, несмотря ни на что, не изменяли своего искреннего расположения к По. Именно таким человеком и был Джон Кеннеди.

Через некоторое время после знакомства он предложил поэту еще раз встретиться, но в ответ получил следующее, полное отчаяния письмо: «Уважаемый сэр! Ваше любезное приглашение сегодня на обед больно ранило мои чувства. Я не могу прийти — и по причинам самого унизительного свойства, касающимся моей внешности. Вы можете вообразить, какой глубокий стыд я испытывал, делая Вам это признание, но оно необходимо. Если Вы друг мой настолько, что можете одолжить мне 20 долларов, я буду у Вас завтра — в противном случае это невозможно, и мне лишь останется покориться судьбе. Искренне Ваш. Э.А. По. Воскресенье, 15 марта». Естественно, Кеннеди не отказал По в подобной просьбе.

Позднее, в 1835 году, редактор «Сатэрдей визитер» решил поддержать начинающего писателя напрямую. Герви Аллен совершенно справедливо замечает в своей биографии Эдгара По: «Человек добрый и отзывчивый, Кеннеди не пожалел усилий,

чтобы помочь, — он, конечно же, сделал бы это и раньше, если бы знал, как нужна его поддержка. По снабдили приличной одеждой, он был приглашен к Кеннеди и окружен всяческим вниманием за уставленным яствами столом (кое-что наверняка нашлось и для корзины миссис Клемм). Мистер Кеннеди даже предоставил в его распоряжение свою верховую лошадь „для прогулок“. Последнее было для вирджинца поистине верхом светской любезности. Оказавшись в седле, Эдгар По вновь почувствовал себя джентльменом».

Позднее сам По так писал об этом журналисте, редакторе и конгрессмене из Балтимора: «Мистер Кеннеди всегда был мне истинным другом; первым истинным другом, повстречавшимся на моем пути, — ему я обязан самой жизнью».

Один из знакомых Д. Кеннеди, владелец и главный редактор ричмондского журнала «Сазерн литерери мессенджер» Томас Уилкс Уайт активно разыскивал новых авторов для своего журнала. Более того, ему был необходим и редактор-помощник, который взял бы на себя большую часть работы по сбору текстов для журнала. Узнав об этом, редактор «Балтимор сатэрдей визитер» тут же порекомендовал Уайту в качестве такого автора и возможного помощника Эдгара По.

По совету Кеннеди поэт отправил в ричмондский журнал свой рассказ «Береиика». Это причудливая история в духе ранних «рассказов ужасов» По о безумии и навязчивых идеях. Ее главный герой живет в почти полном отрыве от обычного мира: «При крещении меня нарекли Эгеем, а фамилию я называть не стану. Но нет в нашем краю дворцов и покоев более освященных веками, чем сумрачные и угрюмые чертоги, перешедшие ко мне от отцов и дедов. Молва приписывала нам, что в роду у нас все не от мира сего; это поверье не лишено оснований, чему свидетельством многие причуды в устройстве нашего родового гнезда, в росписи стен парадного зала и гобеленах в спальных покоях, в повторении апокрифических изображений каких-то твердынь в нашем гербовнике, а еще больше в галерее старинной живописи, в обстановке и, наконец, в необычайно странном подборе книг в ней».

Вместе с Эгеем в замке обитает его двоюродная сестра: «Береника доводилась мне кузиной, мы росли вместе, под одной крышей. Но по-разному росли мы: я — хилый и болезненный, погруженный в сумерки; она — стремительная, прелестная; в ней жизнь била ключом, ей только бы и резвиться на склонах холмов, мне — все корпеть над книгами отшельником; я — ушедший в себя, предавшийся всем своим существом изнуряющим, мучительным думам; она — беззаботно порхающая по жизни, не

помышляя ни о тенях, которые могут лечь у нее на пути, ни о безмолвном полете часов, у которых крылья воронов». Однако и у Береники есть своя жутковатая тайна: «Из множества недугов, вызванных первым и самым роковым, произведшим такой страшный переворот в душевном и физическом состоянии моей кузины, как особенно мучительный и от которого нет никаких средств, следует упомянуть некую особую форму эпилепсии, припадки которой нередко заканчивались трансом, почти неотличимым от смерти; приходила в себя она по большей части с поразительной внезапностью».

Однажды герою является призрак его кузины, после чего в нем просыпается странная и абсолютно безумная страсть: «Глаза были неживые, погасшие и, казалось, без зрачков, и, невольно избегая их стеклянного взгляда, я стал рассматривать ее истончившиеся, увядшие губы. Они раздвинулись, и в этой загадочной улыбке взору моему медленно открылись зубы преображенной Береники. Век бы мне на них не смотреть, о господи, а взглянув, тут же бы и умереть! Опомнился я оттого, что хлопнула дверь, и, подняв глаза, увидел, что кузина вышла из комнаты. Но из разоренного чертога моего сознания все не исчезало — и, увы! уже не изгнать его было оттуда, — жуткое белое сияние ее зубов. Ни пятнышка на их глянце, ни единого потускнения на эмали, ни зазубринки по краям — и я забыл все, кроме этой ее мимолетной улыбки, которая осталась в памяти, словно выжженная огнем. Я видел их теперь даже ясней, чем когда смотрел на них. Зубы! зубы!.. вот они, передо мной, и здесь, и там, и всюду, и до того ясно, что дотронуться впору: длинные, узкие, ослепительно-белые, в обрамлении бескровных, искривленных мукой губ, как в ту минуту, когда она улыбнулась мне. А дальше мономания моя дошла до полного исступления, и я тщетно силился справиться с ее необъяснимой и всесильной властью. Чего только нет в подлунном мире, а я только об этих зубах и мог думать».

Эгей никак не может выйти из этого состояния безумной одержимости, когда ему сообщают, что его сестра умерла. После ее похорон он словно перестает воспринимать реальность, а когда выходит из этого сомнамбулического состояния, то с трудом понимает, что совершил. И вновь По преподносит читателям жуткий финал, в единой кульминации завершающий весь рассказ: «На столе близ меня горела лампа, а возле нее лежала какая-то коробочка. Обычная шкатулка, ничего особенного, и я ее видел уже не раз, потому что принадлежала она нашему семейному врачу; но как она попала сюда, ко мне на стол, и почему, когда я смотрел на нее, меня вдруг стала бить дрожь?.. В дверь тихонько

постучали, на цыпочках вошел слуга, бледный, как выходец из могилы… Он говорил о каком-то безумном крике, возмутившем молчание ночи, о сбежавшихся домочадцах, о том, что кто-то пошел на поиски в направлении крика, и тут его речь стала до ужаса отчетливой — он принялся нашептывать мне о какой-то осквернённой могиле, об изувеченной до неузнаваемости женщине в смертном саване, но еще дышащей, корчащейся, — еще живой.

Он указал на мою одежду: она была перепачкана свежей землей, заскорузла от крови. Я молчал, а он потихоньку взял меня за руку: вся она была в отметинах человеческих ногтей. Он обратил мое внимание на какой-то предмет, прислоненный к стене. Несколько минут я присматривался: то был заступ. Я закричал, кинулся к столу и схватил шкатулку. Но все никак не мог ее открыть — сила была нужна не та; выскользнув из моих дрожащих рук, она тяжело ударилась оземь и разлетелась вдребезги; из нее со стуком рассыпались зубоврачебные инструменты вперемешку с тридцатью двумя маленькими, словно выточенными из слонового бивня костяшками, раскатившимися по полу врассыпную».

Уайт с охотой принял рассказ к печати, и «Береника» вышла на страницах «Сазерн литерери мессенджер» в марте 1835 года.

Между По и его земляком-редактором завязалась оживленная переписка. Уайт, судя но всему, с самого начала осознавал талантливость молодого писателя, хотя и осуждал некоторые его рассказы (в том числе, как ни странно, и «Беренику») как «слишком ужасные». По, по мере сил, отбивался, утверждая, что наиболее интересующие публику рассказы обязательно содержат «некую нелепость, доходящую до гротеска; страшное на грани кошмара; остроумное — доведенное до степени бурлеска; своеобразное — с оттенком странности. Можете считать это дурновкусием».

Окончательно уверившись как в литературном, так и в журналистском даре Эдгара По, Уайт в начале лета 1835 года напрямую предложил поэту приехать в Ричмонд и занять место в редакции «Сазерн литерери мессенджер». По, конечно, не хотелось оставлять без поддержки свою бабушку, тетю и кузину. (Поехать с ним они не могли, так как Элизабет По была близка к смерти и не вынесла бы не то что переезда в Ричмонд, но даже попытки вынести ее из дома по Эмити-стрит.) Но, с другой стороны, иной работы поэту пока никто не предлагал, и он решился, хотя бы на время, вернуться в город своего детства. 22 июня 1835 года Эдгар По написал Уайту о согласии с его предложением и в середине лета прибыл в столицу Вирджинии.

Это, конечно же, не было триумфальное возвращение, но и не было откровенное прибытие «блудного сына», нищего и истаскавшегося. Эдгар Аллан По был полон сил, новых идей и горячего желания воплотить их в жизнь.

Глава 4
ПОЭТ И ЕГО МУЗА

В Ричмонде По раньше всего посетил свою сестру, которая по-прежнему росла в семье Маккензи. К 1835 году умственное отставание Розали уже было заметно всем; фамильное склонность всех По к психической неуравновешенности проявилась в этом случае в заторможенном развитии. Но брата она любила все так же сильно и все так же готова была бегать за ним по пятам. Маккензи приняли Эдгара По крайне доброжелательно, так же как и большинство его старых, еще школьных времен, друзей (особенно Роб Стенард).

Поэт поспешил приступить к работе в «Сазерн литерери мессенджер», взяв на себя большую часть трудов по подготовке новых выпусков, несмотря на то что Томас Уайт в качестве жалованья изначально выделил Эдгару По всего десять долларов в неделю.

Однако, вроде бы начавшись очень бойко, редакторская карьера По в ричмондском журнале едва не пришла к безвременному финалу. И причиной стало загадочное чувство, которое охватило Эдгара По и его кузину Вирджинию еще до отъезда поэта из Балтимора. Да, в наши времена любовные отношения между писателем и его двоюродной сестрой, которой исполнилось всего лишь тринадцать лет, выглядят несколько (как бы это помягче выразиться) ненормальными. Современные подростки развиваются существенно медленнее и даже в двадцать лет не выглядят слишком уж самостоятельными. Но в начале тридцатых годов позапрошлого века даже на консервативном северо-востоке США люди вступали во взрослую жизнь гораздо раньше. А уж на американском Юге замужество для девушки в пятнадцать-шестнадцать было вполне нормальным явлением. И, кроме того, сердцу особенно не прикажешь, афоризм избитый, но содержащий в себе истину, — Эдгар и Вирджиния полюбили друг друга, и вся их дальнейшая жизнь только подтвердила искренность и прочность этого чувства.

Кроме того, как бы ни хотелось обратного любителям скабрезных подробностей из жизни знаменитых людей, отношения будущих супругов пока еще не выходили за пределы чисто платонических. И в ближайшее время брак между влюбленными даже не планировался.

Кризис спровоцировал не Эдгар По, а его троюродный брат Нельсон, который, после смерти бабушки Элизабет По 7 июля

1835 года, предложил взять на себя все заботы по воспитанию дальней родственницы. Мария Клемм сообщила об этом щедром предложении Эдгару в Ричмонд и вызвала этим настоящий взрыв эмоций. Поэт ответил истерическим, почти безумным письмом, в котором восклицал: «Моя дорогая тетя! Я почти ослеп от слез во время написания этого письма — у меня нет ни малейшего желания жить еще хотя бы час… Единственное, что удерживало меня в жизни, у меня жестоко отбирают — и у меня нет желания жить и больше не будет… Я люблю, Вы знаете, я люблю Вирджинию страстно и преданно. Я даже не могу выразить словами ту пылкую преданность, которую я чувствую по отношению к моей дорогой младшей сестре…» Он начал призывать Марию Клемм и Вирджинию немедленно перебраться к нему в Ричмонд.

Эмоциональная перегрузка, как это нередко случалось и еще будет случаться в жизни поэта, вызвала приступ запойного пьянства. Он стал откровенно пренебрегать работой, что вызвало непритворный ужас у Уайта, который в одном из писем к своему другу Люцману Мейнарду напрямую заявил: «Я не могу полагаться на него как на редактора и надеюсь, что он хотя бы окажет мне определенную помощь в корректуре». Впрочем, изгонять из «Сазерн литерери мессенджер» По он не собирался, надеясь, что новоиспеченный сотрудник придет в себя и образумится.

Однако, вместо того чтобы вернуться к своим редакторским обязанностям, По таинственно исчез из Ричмонда в сентябре 1835 года. Причем произошло это настолько внезапно, что Уайт подумал, будто его редактор Эдгар По покончил с собой. Он писал: «Его привычки были не слишком хороши, и он легко становился жертвой меланхолии. Я вообще не удивлюсь, если услышу, что он покончил жизнь самоубийством».

По, конечно же, не убил себя. Напротив, он совершил очередной радикальный поступок, решительно изменивший всю его жизнь. Поэт отправился в Балтимор, где встретился с Вирджинией и Марией Клемм. Видимо, после откровенного разговора и с теткой, и с кузиной дальнейшая судьба влюбленных была решена. Как минимум они решили жить одной семьей в Ричмонде. Некоторые биографы По утверждают, что поэт и его юная возлюбленная даже тайно обвенчались 22 сентября 1835 года в епископальной церкви Святого Павла; другие (в том числе и один из самых авторитетных специалистов Артур Куинн) в этом сильно сомневаются. Как бы то ни было, поэт, его тетя и его кузина 3 октября 1835 года покинули Балтимор, чтобы обосноваться на новом месте, в Ричмонде.

Еще перед отъездом Эдгар По написал письмо Томасу Уайту с просьбой вновь принять его на работу в «Сазерн литерери мессенджер». Добродушный мистер Уайт охотно согласился, но сопроводил свое положительное решение долгим поучением:

«Ричмонд, 29 сентября 1835 года.

Дорогой Эдгар!

Если бы только в моих силах было излить тебе все, что я чувствую, языком, каковым я желал бы владеть для подобного случая! Этого мне не дано, и потому удовольствуюсь тем, что скажу все попросту, как умею.

В искренности всех твоих обещаний я вполне уверен. Но есть у меня опасение, Эдгар, что, ступив на эти улицы снова, ты забудешь о своих зароках и опять станешь пить хмельное — и так до тех пор, пока оно совсем не отнимет у тебя рассудок. Положись на собственные силы и пропадешь! Уповай на помощь Создателя и спасешься…

У тебя блестящие таланты, Эдгар, и тебе надобно добиться, чтоб и их, и тебя самого уважали. Научись уважать себя сам и очень скоро увидишь, что тебя уважают и другие. Распрощайся с бутылкой и с собутыльниками — навсегда!

Скажи мне, что ты можешь и хочешь это сделать, дай мне знать, что твердо решил никогда больше не уступать соблазну.

На тот случай, если ты снова приедешь в Ричмонд и снова станешь моим помощником, между нами должно быть ясно оговорено, что я буду считать себя свободным от всяких обязательств с той минуты, когда увижу тебя пьяным.

Тот, кто пьет до завтрака, идет по опасному пути. Тот, кто может так поступать, не сделает дела, как должно…

Твой верный друг Т.У. Уайт».

В Ричмонде Мария Клемм и Вирджиния расположились в меблированных комнатах на Кэпитол-сквер, где еще с августа поселился Эдгар По. Так в вирджинской столице возникла уменьшившаяся копия «семейного гнезда» на Уилкс-стрит. О возможном браке Эдгара и Вирджинии никто пока не знал, и семейство По-Клемм обыватели спокойно воспринимали как близких родственников, живущих «одним домом».

Период безумия у поэта завершился, и Томас Уайт не мог нарадоваться не исполнительного и дисциплинированного работника. Он с чистой душой переложил на По все заботы по непосредственному управлению редакцией, занявшись исключительно усилиями по увеличению числа подписчиков. Для этого ему приходилось постоянно разъезжать по всему штату, и, по сути дела, Эдгар По стал направлять всю редакторскую политику «Сазерн литерери мессенждер».

Вирджиния По. Посмертный портрет

На страницах ежемесячника поэт начал размещать свои ранние рассказы, здесь же появилась драма «Полициан» (вернее — одиннадцать сцен из так и не законченной автором пьесы). Однако среди всех его литературных проектов того времени самой неожиданной и любопытной оказалась история, описывающая полет человека на Луну. Этот текст, позднее названный «Необыкновенное приключение некоего

Ганса Пфааля», начинается во вполне юмористическом ключе, описывая, как над голландским городом Роттердамом появился странный воздушный шар, который находился «на высоте какой-нибудь сотни футов, и публика могла свободно рассмотреть его пассажира. Правду сказать, это было очень странное создание. Рост его не превышал двух футов; но и при таком маленьком росте он легко мог потерять равновесие и кувыркнуться за борт своей удивительной гондолы, если бы не обруч, помещенный на высоте его груди и прикрепленный к шару веревками. Толщина человечка совершенно не соответствовала росту и придавала всей его фигуре чрезвычайно нелепый

шарообразный вид… Когда оставалось, как уже сказано, каких-нибудь сто футов до земли, старичок внезапно засуетился, по-видимому не желая приближаться еще более к terra firma… Затем старичок торопливо вытащил из бокового кармана большую записную книжку в сафьяновом переплете и подозрительно взвесил в руке, глядя на нее с величайшим изумлением, очевидно пораженный ее тяжестью. Потом открыл книжку и, достав из нее пакет, запечатанный сургучом и тщательно перевязанный красною тесемкой, бросил его прямо к ногам бургомистра…»

В упавшей на землю рукописи описана история путешествия ремесленника Ганса Пфааля из Роттердама на Луну. Причем изначально рассказ Пфааля ведется также во вполне бурлескном ключе. Он, дескать, задумал это путешествие, чтобы скрыться от долгов и заодно прикончить самых надоедливых кредиторов. При запуске воздушного шара ему вполне удается его предприятие: «На тех местах, где во время наполнения шара должны были находиться бочки поменьше, я выкопал небольшие ямы, так что они образовали круг диаметром в двадцать пять футов. В центре этого круга была вырыта яма поглубже, над которой я намеревался поставить большую бочку. Затем я опустил в каждую из пяти маленьких ям ящик с порохом, по пятидесяти фунтов в каждом, а в большую — бочонок со ста пятьюдесятью фунтами пушечного пороха… Уронив, словно нечаянно, сигару, я воспользовался этим предлогом и, поднимая ее, зажег кончик фитиля, высовывавшийся, как было описано выше, из-под одной бочки меньшего размера. Этот маневр остался совершенно не замеченным моими кредиторами. Затем я вскочил в корзину, одним махом перерезал веревку, прикреплявшую шар к земле, и с удовольствием убедился, что поднимаюсь с головокружительной быстротой… Но едва я поднялся на высоту пятидесяти ярдов, как вдогонку мне взвился с ужаснейшим ревом и свистом такой страшный вихрь огня, песку, горящих обломков, расплавленного металла, растерзанных тел, что сердце мое замерло, и я повалился на дно корзины, дрожа от страха».

Однако в дальнейшем стиль По заметно меняется. Сначала он увлекается созданием вроде бы научно обоснованной и внешне правдоподобной истории постепенного приближения воздушного шара к Луне. (В «Примечании» к переработанному изданию 1840 года поэт даже специально подчеркнет: «Своеобразие „Ганса Пфааля“ заключается в попытке достигнуть этого правдоподобия, пользуясь научными принципами в той мере, в какой это допускает фантастический характер самой темы»).

Среди наблюдений, которые совершает аэронавт, По еще раз специально отмечает одно: вроде «подтверждающую» столь

увлекавшую его историю полой Земли. Вот что якобы заметил Ганс Пфааль: «Встал рано и, к своей великой радости, действительно увидел Северный полюс… К северу от упомянутой линии, которую можно считать крайней границей человеческих открытий в этих областях, расстилалось сплошное, или почти сплошное, поле. Поверхность его, будучи вначале плоской, мало-помалу понижалась, принимая заметно вогнутую форму, и завершалась у самого полюса круглой, резко очерченной впадиной. Последняя казалась гораздо темнее остального полушария и была местами совершенно черного цвета».

В конце концов странник из Роттердама достигает Луны: «Оставалось последнее средство: выбросив сюртук и сапоги, я отрезал даже корзину, повис на веревках и, успев только заметить, что вся площадь подо мной, насколько видит глаз, усеяна крошечными домиками, очутился в центре странного, фантастического города, среди толпы уродцев, которые, не говоря ни слова, не издавая ни звука, словно какое-то сборище идиотов, потешно скалили зубы и, подбоченившись, разглядывали меня и мой шар».

А в самом же финале дневника путешественника с Земли на Луну неожиданно прорывается склонность По к пугающему, фантастичному и совершенно необъяснимому: «И я действительно могу открыть многое и сделал бы это с величайшим удовольствием. Я мог бы рассказать вам о климате Луны и о странных колебаниях температуры — невыносимом тропическом зное, который сменяется почти полярным холодом, — о постоянном перемещении влаги вследствие испарения, точно в вакууме, из пунктов, находящихся ближе к солнцу, в пункты, наиболее удаленные от него; об изменчивом поясе текучих вод; о здешнем населении — его обычаях, нравах, политических учреждениях; об особой физической организации здешних обитателей, об их уродливости, отсутствии ушей — придатков, совершенно излишних в этой своеобразной атмосфере; об их способе общения, заменяющем здесь дар слова, которого лишены лунные жители; о таинственной связи между каждым обитателем Луны и определенным обитателем Земли (подобная же связь существует между орбитами планеты и спутника), благодаря чему жизнь и участь населения одного мира теснейшим образом переплетаются с жизнью и участью населения другого; а главное — главное, ваши превосходительства, — об ужасных и отвратительных тайнах, существующих на той стороне Луны, которая, вследствие удивительного совпадения периодов вращения спутника вокруг собственной оси и обращения его вокруг Земли, недоступна и, к счастью, никогда не станет

доступной для земных телескопов».

Однако в финале, словно вспомнив о том, что собирался написать юмористическую историю, По быстро снижает пафос повествования и уничтожает все значение открытий путешественника, вроде бы достигшего Луны: «Пьяницу Ганса Пфааля с тремя бездельниками, будто бы его кредиторами, видели два-три дня тому назад в кабаке, в предместье Роттердама: они были при деньгах и только что вернулись из поездки за море».

На страницах «Сазерн литерери мессенджер» под названием «Ганс Пфааль: рассказ» эта история, конечно же, тоже появилась еще в июле 1835 года.

Однако наибольшее внимание читателей в деятельности нового редактора ричмондского ежемесячника привлекли не его прозаические усилия, а критические статьи. Их Эдгар По производил с завидной регулярностью и постоянством, заполняя целые страницы четким, каллиграфическим почерком. При этом иногда создается впечатление, что при их написании он пользовался не чернилами, а собственной желчью.

Статьи были хлесткие, язвительные и не всегда справедливые. По не считался ни с какими авторитетами, указывая на слабые места и промахи вроде бы самых именитых авторов. Во многом Эдгар По был отцом и настоящей американской литературной критики. Критические статьи поэта заметно увеличили число читателей и подписчиков «Сазерн литеррери мессенджер» и одновременно — столь же заметно расширили круг его врагов и недоброжелателей.

16 мая 1836 года тайная связь между По и его кузиной наконец-то была легализована. В Ричмонде, в суде города, состоялось официальное бракосочетание между Эдгаром Алланом По и Вирджинией Элизой Клемм. Присутствовали при этом Мария Клемм, секретарь суда Ч. Ховард и официальный свидетель Томас Клеланд. Именно Клеланд и подтвердил, что Вирджинии к моменту заключения барка уже исполнился двадцать один год. Судя по всему, добродушного пресвитерианина, проживавшего в Ричмонде, преспокойно обманули, так как новоявленной «миссис Эдгар Аллан По» не исполнилось даже четырнадцати. Также в пансионе миссис Йаррингтон, уже при большем скоплении зрителей, состоялось церковное бракосочетание четы По, которым руководил пресвитерианский священник — преподобный Амаса Конверс.

В последующие годы для своего мужа «маленькая Сисси», как любил называть кузину Эдгар По, оказалась не только верной и любящей супругой, но и настоящим якорем, удерживающим

безумного поэта в нашей реальности.

В счастливые годы брака приступы запоев случались у По значительно реже, он более продуктивно трудился, успевая и работать редактором, и сочинять собственную прозу. Вирджиния была настоящей музой, вдохновлявшей писателя, и ее образ причудливо отразился на страницах самых разных рассказов По.

Прозаическое наследие Эдгара По к середине 1836 года выросло до шестнадцати произведений, объединенных в условный сборник «Рассказы Фолио-клуба», который поэт рассчитывал напечатать в Нью-Йорке аж в двух томах. Одновременно По начал работать над самым крупным из своих прозаических произведений — «Повестью о приключениях Артура Гордона Пима». Эту историю о морских приключениях поэт рассчитывал опубликовать сначала в «Сазерн литерери мессенджер», а потом, если удачно сложатся обстоятельства, издать и отдельной книгой.

«Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», первая часть которой появилась на страницах ричмондского ежемесячника лишь в январе 1837 года, отлично демонстрирует, как самая причудливая сторона художественного дара По — его любовь к описанию фантастического и сверхъестественного — брала верх по ходу развития сюжета книги. Повествование об Артуре Пиме, сыне торговца с острова Нантакет, начатое как чисто морской приключенческий роман, в духе Ф. Марриета или Д.Ф. Купера, постепенно переросло в мистическую историю.

Внешне события книги вполне четко излагаются даже в ее расширенном и рекламном заголовке, предпосланном публикации в полном книжном издании: «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета, включающая подробный рассказ о бунте и ужасающей резне на борту американского брига „Дельфин“, направляющегося в южные моря, а также описывающая освобождение судна из рук пиратов оставшимися в живых моряками, постигшее их кораблекрушение и их невыносимые страдания от жажды и голода, спасение несчастных английской шхуной „Джейн Грей“, короткое плавание последней в Антарктическом океане, ее захват и убийство экипажа туземцами с островов, лежащих на 84-м градусе южной широты, равно как и невероятные приключения и открытия еще дальше к югу, последовавшие за этим бедственным происшествием». Но все тривиальные морские приключения, вроде мятежа на судне или страданий выживших в единственной шлюпке, только подводят читателей к самому главному — к таинственным и странным событиям, происходящим на островах, окружающих Южный полюс Земли.

Даже в описаниях пейзажей неизвестного острова в полярных водах или в изображении загадочных свойств местной воды По демонстрирует, что его герой и вся команда шхуны «Джейн Грей» постепенно выходят из зоны, где действуют законы привычной нам реальности. Вот, например, как выглядит эта невозможная, невероятная вода: «Я затрудняюсь дать точное представление об этой жидкости и уж никак не могу сделать это, не прибегая к пространному описанию… Она отнюдь не была бесцветна, но не имела и какого-то определенного цвета; она переливалась в движении всеми возможными оттенками пурпура, как переливаются тона у шелка… Набрав в посудину воды и дав ей хорошенько отстояться, мы заметили, что она вся расслаивается на множество отчетливо различимых струящихся прожилок, причем у каждой был свой определенный оттенок, что они не смешивались и что сила сцепления частиц в той или иной прожилке несравненно больше, чем между отдельными прожилками. Мы провели ножом поперек струй, и они немедленно сомкнулись, как это бывает с обыкновенной водой, а когда вытащили лезвие, никаких следов не осталось. Если же аккуратно провести ножом между двумя прожилками, то они отделялись друг от друга, и лишь спустя некоторое время сила сцепления сливала их вместе. Это явление было первым звеном в длинной цепи кажущихся чудес, которые волею судеб окружали меня в течение длительного времени».

А по мере продвижения Артура Пима и его спутников к самому полюсу реальность изменяется радикально, отрицая привычные нам представления, согласно которым вокруг должно простираться «царство ледяного безмолвия»: «Полоса белых паров поднялась над горизонтом значительно выше, постепенно теряя сероватый цвет. Вода стала горячей и приобрела совсем молочную окраску, дотрагиваться до нее неприятно. Сегодня море забурлило в нескольких местах, совсем близко от нашего челна. Это сопровождалось сильной вспышкой наверху, и пары как бы отделились на мгновение от поверхности моря. Когда свечение в парах погасло и волнение на море улеглось, нас и порядочную площадь вокруг осыпало тончайшей белой пылью, вроде пепла, но ото был отнюдь не пепел… Руку в воде держать нельзя — такой она стала горячей… Над нами нависает страшный мрак, но из молочно-белых глубин океана поднялось яркое сияние и распространилось вдоль бортов лодки. Нас засыпает дождем из белой пыли, которая, однако, тает, едва коснувшись воды. Верхняя часть пелены пропадает в туманной вышине. Мы приближаемся к ней с чудовищной скоростью. Временами пелена ненадолго разрывается, и тогда из этих

зияющих разрывов, за которыми теснятся какие-то мимолетные смутные образы, вырываются могучие бесшумные струи воздуха, вздымая по пути мощные сверкающие валы».

И, наконец, звучит загадочный финальный аккорд, столь раздражающий читателей и превращающий все полярное путешествие Пима в одну неразрешимую загадку: «Тьма сгустилась настолько, что мы различаем друг друга только благодаря отражаемому водой свечению белой пелены, вздымающейся перед нами. Оттуда несутся огромные мертвеннобелые птицы и с неизбежным, как рок, криком „текели-ли!“ исчезают вдали… Мы мчимся прямо в обволакивающую мир белизну, перед нами разверзается бездна, будто приглашая нас в свои объятья. И в этот момент нам преграждает путь поднявшаяся из моря высокая, гораздо выше любого обитателя нашей планеты, человеческая фигура в саване.

И кожа ее белее белого».

При завершении «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» поэт в По явно победил рассудительного и логичного прозаика. В жертву яркой заключительной картинке он принес возможное описание тайн приполярных областей или внутриземного мира. (Понятно, что, как и в случае с «Рукописью, найденной в бутылке», герои «Повести о приключениях Артура Пима» низвергались внутрь полости, ведущей в неизведанные земные недра.) Роман По заканчивается так, как можно было бы закончить поэму, но ни в коем случае не прозаический текст.

Понимая это, Эдгар По дополняет историю Пима неким псевдонаучным послесловием, которое при этом выглядит еще одним издевательством над читателем. Делая вид, что добросовестно расшифровывает надписи, обнаруженные Пимом и его спутником на приантарктическом острове, автор только дополнительно запутывает читателей: «Если сложить вместе рисунки 1, 2, 3 и 5 в том порядке, в каком располагаются сами шахты, и исключить небольшие второстепенные ответвления и дуги (которые служили, как мы помним, только средством сообщения между основными камерами), то они образуют эфиопский глагольный корень „быть темным“; отсюда происходят слова, означающие тьму, или черноту.

Что касается левого, или „самого северного знака“ на рис. 4, то более чем вероятно, что Петерс был прав и что он действительно высечен человеком и изображает человеческую фигуру. Чертеж перед читателем, и он сам может судить о степени сходства, зато остальные углубления решительно подтверждают предположение Петерса. Верхний ряд знаков, вероятно, представляет собой арабский глагольный корень „быть

белым“, и отсюда все слова, означающие яркость и белизну. Нижний ряд не столь очевиден. Линии стерлись, края их пообломались, и все же нет сомнения, что в первоначальном состоянии они образовывали древнеегипетское слово „область юга“. Следует заметить, что это толкование подтверждает мнение Петерса относительно „самого северного знака“. Рука человека вытянута к югу».

И уж совсем странным, опять же чисто поэтическим аккордом звучит финальная фраза и этого послесловия, и всего романа: «Я вырезал это на холмах, и месть моя во прахе скалы».

Возможно, По и планировал продолжить описание приключений Артура Пима в Антарктике и за ее пределами, но вскоре охладел к этой идее. Во всяком случае, в июле 1838 года роман вышел в свет в виде отдельной книги в том виде, в каком мы его знаем сейчас, как законченное произведение. Но многочисленные читатели и тогда, и многие годы спустя с этим решением автора не согласились. И не случайно именно «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» провоцировала самых разных писателей на сочинение ее продолжений — от вполне тривиальных, как у Чарльза Р. Дейка в «Странном открытии», до почти гениальных — как у Г.Ф. Лавкрафта в «Хребтах Безумия».

Э.-Л. По. Художник С. Вулф

Осенью 1836 года Эдгар По, по непонятным причинам, опять сильно запил, и это привел к разрыву с Томасом Уайтом. Сначала Уайт просто предупредил нерадивого редактора о возможных последствиях его поступка. По продолжил пить, и в декабре 1836 года терпение владельца «Сазерн литерери мессенджер» лопнуло. Он уволил Эдгара По, после чего на страницах ежемесячника в январе 1837 года появилось следующее объявление: «Ввиду того, что внимание мистера По привлекли сейчас иные предметы, настоящим номером журнала он слагает с себя обязанности редактора „Мессенджера“. Его последней редакционной статьей за этот месяц будет рецензия на книгу профессора Энтона „Цицерон“ — дальнейшее принадлежит перу его преемника. С наилучшими пожеланиями журналу, его немногим недругам и многочисленным друзьям, мистер По хотел бы теперь в мире попрощаться со всеми».

В дальнейшем Уайт писал своему другу Натаниэлю Беверли Такеру, что его журнал «выстоит, пережив тот урон, который нанес ему По своей деятельностью».

Чуть позже Эдгар По попытался примириться со своим

бывшим начальником, но безуспешно. Уайт отказывал в любой денежной помощи и четко заявлял, что редактор-неудачник ему надоел. Без постоянной работы оставаться в Ричмонде не было смысла ни самому поэту, ни его семье. В конце февраля 1837 года Эдгар По, Вирджиния По и Мария Клемм перебрались в Нью-Йорк, где поселились в меблированных комнатах в Гринвич-Виллидж.

Поэт надеялся на получение редакторской должности в каком-нибудь из нью-йоркских журналов, но все планы пошли прахом из-за финансовой катастрофы, разразившейся в 1837 году. Некоторые издания закрылись, упали гонорары, за целый год По сумел напечатать лишь два новых рассказа — «Фон Юнг: мистификатор» и «Тишина: притча». Мария Клемм сдавала внаем часть помещений в доме, куда они переехали в мае, и только это и позволило семейству По продержаться до лета 1838 года.

Гигантский город на берегу Атлантического океана в глазах поэта стал все больше напоминать огромную ловушку И, стремясь выбраться из нее, По решил отправиться в Филадельфию, посчитав, что в старой столице США ему будет легче найти работу по душе и способностям.

И это были не такие уже беспочвенные надежды — в конце тридцатых годов девятнадцатого века Филадельфия была своего рода культурной столицей северо-востока Штатов. Там ежедневно издавалось семь утренних и две вечерних газеты, выходили и заметные литературные журналы «Сатэрдей ивнинг пост» и «Джентльмене мэгэзин».

По в это тяжелое время поддерживали только собственный усердный труд в периодике да отдельные, редкие успехи публикации художественных текстов. Так, нью-йоркское издательство «Харперс» все же выпустило в виде отдельной книги «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима». Это было четвертое книжное издание, на обложке которого в качестве автора был указан Эдгар По, появившееся с 1827 года. Судя по всему, вначале поэт был доволен выпущенной книгой, но позднее охладел и к публикации, и к самому роману, который один раз даже назвал «глупейшей историей».

Жизнь в Филадельфии вначале не выглядела слишком благосклонной к поэту и его семье. Иногда им просто нечего было есть, и Эдгар По вместе с супругой и тещей целыми днями питались одним хлебом с черной патокой. Постоянная работа никак не подворачивалась, хлопоты и обращения к влиятельным знакомым (в том числе и к военно-морскому министру США Джеймсу К. Полдингу) не приводили ни к какому результату.

В отчаянии Эдгар По хватался за любую журналистскую и

литературную работу за обработку чужих текстов и переписывание их заново. Например, он даже выпустил под собственной фамилией справочник по морским раковинам и моллюскам, озаглавленный «Первая книга конхиолога, или Введение в малакологию черепокожных, специально предназначенная для использования в школах». Конечно же, Эдгар По ни в малейшей степени не разбирался в столь специфическом разделе биологии и всего лишь обработал текст своего знакомого и соседа, профессора Томаса Уайетта «Руководство конхиолога». (Сделано это было по просьбе самого Уайетта, полагавшего, что имя периодически публиковавшегося поэта сделает книгу более привлекательной для читателей. И он не ошибся. Книга по конхиологии оказалась достаточно популярной и выдержала девять переизданий на протяжении более чем десяти лет.)

К сожалению, не слишком разбиравшийся в зоологических премудростях Эдгар По даже не обратил внимания на то, что значительную часть иллюстраций для книги Уайетт беспардонно заимствовал из британского пособия по конхиологии, принадлежавшего перу английского капитана Томаса Брауна. Благодаря отсутствию хоть какого-то международного авторского права это не имело юридических последствий для По, однако имело последствия репутационные, если можно так выразиться.

Эдгар По в своих критических статьях любил обвинять (иногда и совершенно несправедливо) литературных противников и оппонентов в плагиате. Понятно, с какой радостью они обнаружили в книге, где автором был указан По, цветные гравюры, взятые из книги английского биолога. Поэт был обвинен в литературном воровстве и, к сожалению, на шумную и разнузданную газетную кампанию смог раздраженно ответить только следующим выпадом: «Мною были написаны предисловие и введение, а описания моллюсков и т. п. переведены из Кювье. Все школьные учебники делаются именно так».

Впрочем, скандал разразился позднее, в 1846 году, уже при третьем издании «Первой книги конхиолога». А пока же совместная работа По и Уайетта позволила писателю получить хоть какие-то деньги на содержание семьи.

Конхиологические «изыскания» если и отвлекли поэта от непосредственной литературной деятельности, то не сильно. Он продолжал воплощать свои причудливые и пугающие фантазии на бумаге. В начале жизни Эдгара По в Филадельфии им были окончательно доработаны два рассказа, считающиеся его безусловными шедеврами. Лучше всего о них написал другой великий «мастер ужасов», только уже не девятнадцатого, а

двадцатого века, — Г.Ф. Лавкрафт.

В своем исследовании «Сверхъестественный ужас в литературе» он так охарактеризовал эти тексты По: «В двух, внешне менее поэтичных рассказах „Лигейя“ и „Падение дома Ашеров“ — особенно во втором — можно отыскать ту высшую художественность, благодаря которой По занимает место главы в сообществе авторов прозаической миниатюры. Простые и прямолинейные но содержанию, оба эти рассказа обязаны своей высшей магией хитроумному движению темы, проявляющемуся в отборе и расположении эпизодов. „Лигейя“ рассказывает о первой жене высокого и таинственного происхождения, которая умерла, но после смерти с помощью сверхъестественных сил возвращается и завладевает телом второй жены, даже в последний момент навязывая свою внешность ненадолго ожившему трупу жертвы. Несмотря на, возможно, некоторую многословность и неустойчивость, повествование с нарастающей силой движется к жуткой кульминации. „Ашер“, превосходство которого в деталях и пропорциях очевидно, намекает на тайную жизнь неорганических „вещей“ и демонстрирует ненормально связанную троицу объектов в конце долгой и изолированной от внешнего мира истории семьи — брат, его сестра-близнец и их неправдоподобно старый дом имеют одну душу и погибают в одно и то же мгновение».

Насколько можно судить, осенью 1839 года появилась и возможность все-таки издать отдельной книгой сборник рассказов поэта. По провел об этом переговоры с филадельфийским издательством «Ли и Бланшар». Книга, которую решено было назвать «Гротески и арабески» и куда вошло двадцать пять новелл, издатели разделили на два тома. В первый том было включено четырнадцать рассказов, среди которых выделялись «Падение дома Ашеров», «Лигейя», «Морелла» и «Вильям Вильсон». Во второй же том были включены одиннадцать произведений, в том числе «Береника», «Метценгерштейн» и «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля».

Однако еще раньше, чем «Гротески и арабески» попали в руки читателей, произошло одно событие, изменившее к лучшему жизнь По в Филадельфии. Ему удалось устроиться помощником главного редактора в филадельфийский литературный журнал «Бартоне джентльмене мэгэзин».

Владелец и главный редактор этого журнала Уильям Эванс Бартон был весьма своеобразным человеком. Актер по профессии и по призванию, он перебрался из Англии в США в 1834 году, но оказался никому не нужным в качестве театрального деятеля. После нескольких неудачных попыток организовать собственный

театр Бартон неожиданно преуспел на ниве журналистики и издательского дела. Созданный им в 1837 году «Джентльмене мэгэзин» выходил значительным тиражом и был одним из наиболее читаемых литературных журналов не только Филадельфии, но и Соединенных Штатов в целом.

Известный американский актер Джозеф Джефферсон, хорошо знавший Бартона, в своих воспоминаниях так отозвался об этом актере и издателе: «Бартон был одним из забавнейших людей, когда-либо живших на свете. Как исполнитель фарсовых ролей он в свое время не знал себе равных… Лицо Бартона напоминало большую географическую карту, на которую были нанесены все испытываемые им чувства…»

Эдгар По предложил в «Джентльмене мэгэзин» свою рецензию и ряд рассказов, которые позднее все были опубликованы на страницах ежемесячника. В письме, отправленном Бартону, поэт предложил свои услуги в качестве помощника редактора и даже описал целую программу развития журнала. Бартон ответил следующим посланием: «Филадельфия, 10 мая 1839 года. Эдгару А. По, эсквайру.

Милостивый государь!

Я уделил должное внимание Вашему предложению. У меня действительно имеется желание заключить в некотором роде договор, наподобие того, что Вы предлагаете, и я не знаю никого, кто мог бы лучше Вас соответствовать моим нуждам. Теперешние расходы журнала до ужасного велики, много больше, чем допустимо при моих тиражах. Я уверен, что издержки мои выше, чем в любом ныне существующем издании, считая и ежемесячники, вдвое превосходящие мой в цене. Конкуренция растет, и соперников с каждым днем все больше.

Давайте остановимся, скажем, на 10 долларах в неделю в течение оставшегося до конца года времени. Если мы решим остаться вместе и дальше, чему я не вижу причин не сбыться, Ваше предложение вступит в силу в 1840 году. Любому из нас надлежит уведомить другого по крайней мере за месяц о намерении расторгнуть договор.

Два часа работы в день за отдельными исключениями будет, я полагаю, вполне достаточно, кроме тех случаев, когда речь пойдет о вещах Вашего собственного сочинения. Так или иначе, Вам всегда легко удастся найти время для любого другого необременительного для Вас занятия — при условии, что Вы не станете использовать Ваши таланты в интересах каких бы то ни было других изданий, стремящихся помешать успеху „ДМ“.

Сегодня в три я обедаю у себя дома. Если захотите разделить со мной доброго барашка, буду рад. Если нет, пишите или

заходите ко мне, когда Вам будет угодно.

Засим остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой, У.Э. Бартон».

После более детальных переговоров с хозяином «Джентльменс мэгэзин» в мае 1839 года мистер Эдгар Аллан По, эсквайр, был принят на должность помощника главного редактора. В качестве жалованья прижимистый Бартон предложил ему только десять долларов. При этом он, правда, обещал не загружать поэта служебными обязанностями больше двух часов в день. Впоследствии, когда По в очередной раз наладил работу чужого журнала, условия оплаты улучшились.

Начав трудиться у Бартона, поэт сумел несколько упорядочить и жизнь семьи, до этого только и делавшей, что переезжавшей с квартиры на квартиру. В конце 1839 года Эдгар вместе с Вирджинией и Марией Клемм поселились в кирпичном доме вблизи реки Скулкилл, на пересечении Коутс-стрит и Фэрмаунт-драйв. Герви Аллен гак описал жизнь поэта и его домочадцев на новом месте: «Новое жилище По состояло из располагавшихся па первом этаже столовой и гостиной (она же — его рабочий кабинет) и нескольких просторных спален, помещавшихся на втором. Кухня находилась в полуподвале. По-видимому, именно в доме на Коутс-стрит было написано большинство статей и рассказов, появившихся в журнале Грэхема, и, вероятно, здесь же По впервые почудился шорох крыльев „Ворона“. В одной из спален наверху ои иногда проводил целые недели, прикованный к постели болезнью.

Близость реки позволяла По заниматься плаванием — единственным видом физических упражнений, к которому он имел привычку и склонность. С переездом на Коутс-стрит следует также связывать пробуждение у него интереса к природе близлежащих окрестностей. Теперь он часто отправлялся на пикники и лодочные прогулки вверх по рекам Скулкилл и Виссахикон, а иногда и в охотничьи экспедиции… По не держали служанку, и Вирджинию часто видели работающей в маленьком садике перед домом, где она выращивала цветы и ухаживала за несколькими фруктовыми деревьями, в то время как мать хлопотала по дому. Вирджинии хватало самого крошечного клочка земли, чтобы порадовать своего Эдди цветами».

Обустроенный быт к лучшему повлиял и на работоспособность По — запоев не случалось, он усердно трудился в редакции «Бартонс джентльмене мэгэзин». Местный поэт Томас Данн Инглиш вспоминал о том, что Эдгар По в эти годы в Филадельфии ходил «одетым в черный, простенький и довольно потрепанный сюртук… У него были большие горящие

глаза, пронизывающий взгляд, манеры же были простыми и естественными, как это и свойственно воспитанному человеку, а его тон и рассуждения завораживали».

Дом, в котором Э.-А. По жил в Филадельфии

В «Бартонс джентльмене мэгэзин» По был не только редактором, но и постоянным автором. На страницах этого издания появились такие его рассказы, как «Падение дома Ашеров», «Вильям Вильсон», «Человек, которого изрубили в куски», а также были переизданы (в том числе и после основательной переработки) многие стихотворения. Среди его прозаических работ того времени стоит особо отметить мистификацию «Дневник Джулиуса Родмена, представляющий собой описание первого путешествия через Скалистые горы Северной Америки, совершенного цивилизованными людьми». В этой длинной истории, изобилующей подробными описаниями пейзажей и местных достопримечательностей, По рассказывает о судьбе экспедиции, которой якобы удалось пересечь североамериканский континент еще в 1791–1794 годах. (В реальности это удалось совершить только отряду М. Льюиса и У. Кларка в 1804–1806 годах.)

«Дневник Джулиуса Родмена» стал публиковаться в журнале Бартона с января 1840 года. Некоторые из читателей даже

поверили в правдоподобие придуманного Эдгаром По экспедиционного отчета, но, к сожалению, издание текста не было доведено до конца. К нему охладели и Бартон, и его автор, не сумевший сделать самого главного — объяснить, почему столь удивительное мероприятие так и осталось никому не известным и никем не признанным.

Однако, как и прежде, в Филадельфии По больше всего прославили жесткие критические статьи и ядовитые рецензии. Разделывая в пух и прах американских литераторов, поэт незаметно нажил себе кучу врагов, только и ждавших повода, чтобы наброситься на него в печати. Казалось, само имя Эдгара По уже вызывает болезненную реакцию у многих писателей и критиков. Поэтому и вышедшие в свет в декабре 1839 года «Гротески и арабески» вызвали к жизни как положительные, так и крайне неодобрительные отзывы, причиной которых было не столько качество рассказов, сколько личность их создателя. В результате книги расходились плохо, и даже через два года после их появления на прилавках у издателей нераспроданными оставались еще 750 экземпляров «Гротесков и арабесок».

Помимо клеветы и ругани в прессе, жизнь По все чаще стали осложнять конфликты с Бартоном. Несправедливые требования владельца «Бартонс джентльмене мэгэзин» поэт четко называл «придирками, высокомерием, невежеством и грубостью». И скапливавшееся нервное напряжение Эдгар По принялся разряжать испытанным способом — выпивкой. Томас Инглиш вспоминал, как «шел вечером домой и увидел человека, который никак не мог подняться из сточной канавы. Предположив, что некто споткнулся и упал, я наклонился и помог ему. Оказалось, это был По». Инглиш решил помочь знакомому и повел поэта домой, стараясь удерживать По, который выписывал «по дороге кренделя и зигзаги». Доброта в итоге вышла филадельфийскому «самаритянину» боком — когда Мария Клемм открыла дверь дома По и увидела зятя в таком состоянии, то напустилась на Инглиша: «Вы напоили Эдди, а теперь притащили его домой!»

По также принялся пить на работе, скандаля с окружающими. Несколько раз, будучи в нетрезвом состоянии, поэт жестоко поцапался и с Бартоном. После этого владелец «Бартоне джентльмене мэгэзин» налево и направо начал распространяться о непрекращающемся пьянстве и некомпетентности По.

Окончательный разрыв в отношениях между главным редактором и его помощником произошел после решения Бартона о продаже журнала. Весной 1840 года бывший актер наконец-то смог приступить к воплощению своей давней мечты — купить цирк «Кукс Олимпик», чтобы переделать его в «Национальный

театр Филадельфии». Продажа «Бартоне джентльмене мэгэзин» должна была принести новые денежные средства для продолжения этого мероприятия. По осознал, что дальнейшее сотрудничество с Бартоном в любом случае бесперспективно, поэтому после очередного скандала в конце мая 1840 года ушел из «Джентльмене мэгэзин».

Теперь все основные надежды в жизни По возлагал на проект собственного литературного журнала, который планировал назвать «Пенн». (В названии заключалась игра слов — одновременно журнал был поименован в честь Уильяма Пенна, основателя Филадельфии, и в то же время намекал на английское слово «пен» — «ручка».)

В рекламе «Пенна», напечатанной в «Сатэрдей ивнинг пост», было сказано:

«Проспект ежемесячного литературного журнала „Пенн“. Издатель и редактор Эдгар А. По. Филадельфия.

К читающей публике! С тех пор как я сложил с себя обязанности редактора журнала „Сазерн литерери мессенджер“ в начале третьего года пребывания на этом посту, меня не покидала мысль основать новый журнал, сохранив некоторые из главных особенностей упомянутого ежемесячника и полностью либо в значительной мере изменив остальное. Однако в силу множества разнообразных причин исполнение этого намерения приходилось откладывать, и лишь теперь я получил возможность попытаться его осуществить.

Тем, кто помнит первые дни существования ричмондского журнала, о котором идет речь, едва ли нужно говорить, что характерной его чертой была излишняя резкость критических заметок в рубрике, посвященной новым книгам. „Пенн“ сохранит эту суровость в суждениях лишь настолько, насколько того требует справедливость в строжайшем смысле слова. Будем надеяться, что прошедшие годы умерили воинственность критика, не отняв, однако, от него творческой энергии. Впрочем, они, конечно же, не научили его читать книги глазами их издателей, равно как и не убедили в том, что интересы литературы не связаны с интересами истины. Первая и главная цель будущего журнала — приобрести известность в качестве издания, имеющего всегда и по всем предметам суждение честное и смелое. Ведущим его назначением станет утверждение словом и подкрепление делом неотъемлемых прав совершенно независимой критической мысли, чьи преимущества он будет доказывать собственным своим существованием…

Что касается других качеств „Пенна“, то здесь достаточно ограничиться лишь несколькими словами.

Он направит свои усилия на содействие всеобщим интересам словесности безотносительно к отдельным географическим областям, рассматривая в качестве истинной аудитории писателя весь мир. За пределами литературы, в собственном смысле слова, он представит заботам лучших наставников задачи общественного просвещения в предметах наисерьезнейшей важности. Главная цель его заключается в том, чтобы доставлять удовольствие — посредством разнообразия, оригинальности и остроумия. Здесь, однако, уместно заметить, что сказанное в этом проспекте ни в коем случае не следует толковать как намерение осквернить чистоту журнала хотя бы самой малой примесью фиглярства, непристойности или пошлости — пороков, каковыми страдают некоторые из лучших европейских изданий. Во всех областях и жанрах литературы он будет черпать из высочайших и прозрачнейших источников…

Журнал будет стоить пять долларов, которые можно внести заранее или при получении первого номера, который выйдет в свет первого января 1841 года».

По уже начал собирать материалы для этого первого номера и даже пытался организовать подписку. Однако в самом начале 1841 года поэт неожиданно тяжело заболел. (Что с ним точно случилось, неизвестно: может быть, действительно болезнь, а может — очередной запой.) А уже в феврале 1841 года в США разразился финансовый кризис, сопровождавшийся приостановкой деятельности многих банков. В этих условиях об организации нового коммерческого предприятия, да еще и в издательской сфере, нечего было и мечтать.

Проект «Пенн» пришлось отложить в долгий ящик, и По вновь принялся за поиски постоянной работы. Неожиданная удача улыбнулась ему на уже знакомом месте.

Еще в октябре 1840 года Бартону все-таки удалось сбыть с рук «Бартоне джентльмене мэгэзин», продав журнал филадельфийскому адвокату Джорджу Рексу Грэхему, владельцу ежемесячника «Эткинсоне кэскет». Новый хозяин не только быстро переименовал издание в «Грэхеме ледис энд джентльмене мэгэзин», но и запланировал целую программу по улучшению содержания и распространения журнала. Например, Грэхем резко увеличил гонорары публиковавшимся в журнале авторам. Герви Аллен специально отметил это в своей книге: «Кроме того, он по-новому подошел к вознаграждению сотрудничающих с ним авторов, намного увеличив гонорары. Лонгфелло, например, получал за стихотворение 50 долларов, часто и больше. Поэту-песеннику Джорджу Моррису заранее гарантировалась такая же сумма за любую написанную им песню, как бы плоха она ни

оказалась. За роман „Острова в заливе“ („Джек Тайер“) Фенимору Куперу заплатили 1800 долларов, хотя Грэхем сам признал, что эта публикация не прибавила журналу ни единого нового подписчика. Щедро платили и другим писателям — разумеется, учитывая степень одаренности и популярности».

Одним из моментов этой программы обновления журнала стало приглашение Эдгара Аллана По на должность редактора книжных рецензий. По некоторым сведениям, поэта рекомендовал Грэхему сам Уильям Бартон. Интересно — что за чувство руководило им в этот момент: реальная удивительная незлопамятность и желание помочь бывшему сотруднику? Или стремление сделать гадость Грэхему, которому еще предстояло столкнуться с буйным нравом американского гения пера?

Но пока для Эдгара По ситуация развивалась просто блестяще. 4 февраля 1842 года Грэхем с ходу положил ему жалованье восемьсот долларов в год, не считая гонораров. В отличие от Бартона, новый владелец, видимо, осознавал весь талант поэта и потому старался не вмешиваться в его литературные дела, приветствуя все публикации По. Поэтому за полтора года работы на Грэхема По сумел опубликовать в «Грэхеме ледис энд джентльмене мэгэзин» семь новых рассказов, в том числе «Убийство на улице Морг» и «Низвержение в Мальстрем», а также пятнадцать эссе и пятьдесят одну рецензию.

«Убийство на улице Морг» справедливо считается одним из самых известных рассказов Эдгара Аллана По, потому что именно с этого текста начал свое триумфальное шествие по планете литературный детектив. В создании новеллы, строящейся на подробном рассказе о постепенном распутывании истории преступления и обличении виновного, По сумел проявить всю свою недюжинную склонность к логике, рациональному мышлению и умению разгадывать любые ребусы и криптограммы. Его излюбленный герой — Непогрешимый Логик — в детективах получил самое совершенное воплощение.

Другое дело, что изначально По выбрал в виде активного расследователя запутанных дел не слишком правдоподобного персонажа. На первой странице «Убийства на улице Морг» герой-рассказчик сообщает читателям: «Весну и часть лета 18… года я прожил в Париже, где свел знакомство с неким мосье С.-Опостом Дюпеном. Еще молодой человек, потомок знатного и даже прославленного рода, он испытал превратности судьбы и оказался в обстоятельствах столь плачевных, что утратил всю свою природную энергию, ничего не добивался в жизни и меньше всего помышлял о возвращении прежнего богатства. Любезность кредиторов сохранила Дюпену небольшую часть отцовского

наследства, и, живя на ренту и придерживаясь строжайшей экономии, он кое-как сводил концы с концами, равнодушный к приманкам жизни. Единственная роскошь, какую он себе позволял, — книги — вполне доступна в Париже… Если бы наш образ жизни в этой обители стал известен миру, нас сочли бы маньяками, хоть и безобидными маньяками. Наше уединение было полным. Мы никого не хотели видеть. Я скрыл от друзей свой новый адрес, а Дюпен давно порвал с Парижем, да и Париж не вспоминал о нем. Мы жили только в себе и для себя».

Вряд ли бы такой персонаж-неврастеник, как Дюпен, смог бы усердно распутывать столь сложные дела, как в «Убийстве на улице Морг», так и в последующих детективах с его участием — «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо». Право слово, Шерлок Холмс, как профессиональный детектив-любитель, в таких расследованиях выглядит куда правдоподобнее.

Но в любом случае, Огюст Дюпен был первым персонажем-следователем, и именно он стал прообразом всех канонических детективов, полагающихся в расследовании не на кулаки, а на логику и здравый смысл. Он это даже специально подчеркивает в беседе с героем-рассказчиком: «Плохо же вы себе представляете индуктивный метод мышления — умозаключение от факта к его причине. Выражаясь языком спортсменов, я бил по мячу без промаха. Я шел по верному следу. В цепочке моих рассуждений не было ни одного порочного звена, я проследил ее всю до конечной точки».

Расследуя зверские убийства на улице Морг, Дюпен постоянно и неопровержимо логичен, объясняя любые, казалось бы самые запутанные и противоречивые, свидетельства: «Вы не заметили самого характерного. А следовало бы заметить! Свидетели, как вы правильно указали, все одного мнения относительно хриплого голоса; тут полное единодушие. Что же до визгливого голоса, то удивительно не то, что мнения разошлись, а что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз — все характеризуют его как голос иностранца. Никто в интонациях визгливого голоса не признал речи соотечественника. При этом каждый отсылает нас не к нации, язык которой ему знаком, а как раз наоборот. Французу слышится речь испанца: „Не поймешь, что говорил, а только, скорее всего, язык испанский“. Для голландца это был француз; впрочем, как записано в протоколе, „свидетель по-французски не говорит, допрашивается через переводчика“. Для англичанина это звучит как речь немца; кстати, он „по-немецки не разумеет“. Испанец „уверен“, что это англичанин, причем сам он „по-английски не знает ни слова“ и судит только по интонации, — „английский для него чужой

язык“. Итальянцу мерещится русская речь — правда, „с русскими говорить ему не приходилось“. Мало того, второй француз, в отличие от первого, „уверен, что говорил итальянец“; не владея этим языком, он, как и испанец, ссылается „на интонацию“. Поистине, странно должна была звучать речь, вызвавшая подобные суждения, речь, в звуках которой ни один из представителей пяти крупнейших европейских стран не узнал ничего знакомого, родного! Вы скажете, что то мог быть азиат или африканец. Правда, выходцы из Азии или Африки нечасто встречаются в Париже, но, даже не отрицая такой возможности, я хочу обратить ваше внимание на три обстоятельства. Одному из свидетелей голос неизвестного показался „скорее резким, чем визгливым“. Двое других характеризуют его речь как торопливую и неровную. И никому не удалось разобрать ни одного членораздельного слова или хотя бы отчетливого звука».

И в итоге Дюпен раскрывает дело, в котором виновником оказывается самый невероятный преступник: «Если присоединить к этому картину хаотического беспорядка в спальне, вам останется только сопоставить неимоверную прыть, сверхчеловеческую силу, лютую кровожадность и чудовищную жестокость, превосходящую всякое понимание, с голосом и интонациями, которые кажутся чуждыми представителям самых различных национальностей, а также с речью, лишенной всякой членораздельности. Какой же напрашивается вывод? Какой образ возникает перед вами?»

Думаю, все прекрасно помнят, что убийцей оказался сбежавший от хозяина орангутан, а Огюст Дюпен записал первую невероятную победу в историю своих детективных подвигов.

«Убийство на улице Морг» поразительно еще и тем, что в нем уже заложен весь набор характерных ходов, к которым по-прежнему прибегают любые создатели детективов, — от обвинения невиновного в преступлении до финального посрамления полиции, которая изначально пошла по ложному следу. И если, как уже говорилось, решающий вклад Эдгара Аллана По в становление научной фантастики или хоррора иногда подвергают сомнению, то с его приоритетом в области детективной литературы лучше не спорить — все самое характерное и эталонное, все то, что делает литературный детектив — детективом, заложил в него именно автор «Убийства на улице Морг».

«Убийство на улице Морг». Иллюстрация А. Рэкхема

В 1842 году Эдгар По достаточно близко сошелся с Грэхемом, бывал на званых обедах в его доме, общался и с другими филадельфийскими литераторами — уже упомянутым Томасом Данном Инглишем, Робертом Салли и Томасом Майн Ридом. Однако близкими друзьями поэта сумели стать лишь очень экстравагантные жители города на реке Делавэр. Это были Фредерик Уильям Томас и Генри Бек Хирст, а также Джордж Липпард и художник-иллюстратор Джон Сартейн. Из этой

публики самым удивительным персонажем был Липпард, которого Герви Аллен описал так: «Липпард имел обыкновение ночевать в заброшенном доме на площади Франклина, около сотни пустующих комнат которого были открыты для всякого рода самочинных постояльцев, не желавших отягощать себя расходами на жилье. Липпард почивал, подложив под голову саквояж, и видел во сне сплошные кошмары. Место это он прозвал „монашеской обителью“ и сочинил о нем сумасшедший „готический“ роман, где было все — ухмыляющиеся черепа, скитающиеся по темным коридорам зловещие фигуры в капюшонах, таинственные тени, скользящие по залитому лунным светом полу. В других своих книгах и пьесах он бичевал ханжество филадельфийских обывателей, разоблачая скрывавшиеся за ним безнравственность и порочность. Книги эти вызывали бури протеста в местном обществе, а представление одной из пьес было прервано разъяренной и негодующей толпой во главе с мэром города. Через Хирста Липпард, видимо, познакомился с По. Все трое были в известном смысле братьями по духу».

Однако самым близким другом поэта, вдохновительницей и музой оставалась его жена. Не менее прочной опорой в тяжелой жизни Эдгара По была и его теща. Вирджиния и Мария спокойно терпели запои поэта, выхаживали его во время приступов пьянства, терпеливо переносили очередные периоды безработицы и безденежья.

Впрочем, в годы работы поэта на Грэхема семья По переживала краткий период благоденствия. Писатель даже сумел купить в дом на Коутс-стрит кровать с пологом, фарфоровый сервиз, пианино и арфу, на которой любила играть Вирджиния. Герви Аллен так изобразил картину счастливых дней семьи По в Филадельфии: «Вечерами она пела ему, сидя у камина, а миссис Клемм занималась рукоделием; иногда он читал им глуховатым голосом, способным потревожить даже призраков, свои стихи или какой-нибудь жуткий рассказ, держа в руках испещренную красивым и четким почерком рукопись, свернутую в свиток, точно древний манускрипт (он имел привычку писать на листках нотной бумаги, склеенных краями в длинную ленту)».

А коварная и злокозненная судьба словно бы наблюдала за этим временным семейным счастьем, готовясь нанести самый неожиданный и подлый удар поэту…

Глава 5
ГОДЫ БЕСПЛОДНЫХ НАДЕЖД

Катастрофа в семье По разразилась в конце января 1842 года. Вечером Вирджиния играла па арфе, чтобы развлечь гостей. Вдруг она закашлялась, и у нее из горла хлынула кровь. Кровотечение было настолько сильным, что несчастная молодая женщина упала в обморок. Эдгар По подхватил жену на руки и отнес в ее комнату. Срочно вызванный врач Джон К. Митчелл диагностировал, что Вирджинию настиг фамильный недуг семьи По — туберкулез, причем уже в очень опасной фазе.

Удар для поэта был слишком сильным. В самом прямом смысле — у него едва не случился сердечный приступ. Затем По принялся пить и в пьяном состоянии бесцельно бродить по улицам. Всего лишь одна угроза потери Вирджинии смогла нарушить хрупкое равновесие между отточенным и холодным разумом По и скрытым безумием, угнездившимся в его подсознании. Несколько последующих лет душа поэта будет постоянно колебаться между обманчивой надеждой и беспросветным отчаянием, разрываясь между этими крайними чувствами. Эти ощущения даже вызвали к жизни известнейший рассказ По «Колодец и маятник».

Переживания человека, оказавшегося в лапах инквизиции и с трудом избегающего гибели, сопровождаются в новелле описанием эмоционального перехода от отчаяния к надежде и вновь к отчаянию. А из ее финала видно, что в глубине души По понимал — Вирджиния, скорее всего, обречена, и спасти ее, так же как и героя «Колодца и маятника», сможет только чудо. Ведь своими силами главный персонаж истории сумел лишь оказаться на краю смерти: «Двукратное мое спасенье подстрекнуло инквизиторскую месть, игра в прятки с Костлявой шла к концу. Камера была квадратная. Сейчас я увидел, что два железных угла стали острыми, а два других, следственно, тупыми… Камера тотчас приняла форму ромба… Я упирался, но смыкающиеся стены неодолимо подталкивали меня. И вот уже на твердом полу темницы не осталось ни дюйма для моего обожженного, корчащегося тела. Я не сопротивлялся более, но муки души вылились в громком, долгом, отчаянном крике. Вот я уже закачался на самом краю — я отвел глаза…

И вдруг — нестройный шум голосов! Громкий рев словно множества труб! Гулкий грохот, подобный тысяче громов! Огненные стены отступили! Кто-то схватил меня за руку, когда я,

теряя сознанье, уже падал в пропасть. То был генерал Лассаль. Французские войска вступили в Толедо. Инквизиция была во власти своих врагов».

Если состояние заболевшей жены ухудшалось, то Эдгар По не отходил от ее постели, но стоило кризису миновать, как начинался очередной запой. Один из его приятелей, поэт и составитель антологий Руфус Грисвольд, с которым

По познакомился весной 1841 года, позднее так описывал состояние супруга Вирджинии: «Он бродил по улицам, охваченный не то безумием, не то меланхолией, бормоча невнятные проклятия, или, подняв глаза к небу, страстно молился (не за себя, ибо считал или делал вид, что считает душу свою уже проклятой, но во имя счастья тех, кого в тот момент боготворил); или же, устремив взор в себя, в глубины истерзанного болью сердца, с лицом мрачнее тучи, он бросал вызов самым свирепым бурям и ночью, промокнув до нитки, шел сквозь дождь и ветер, отчаянно жестикулируя и обращая речи к неведомым духам, каковые только и могли внимать ему в такую пору, явившись на зов из тех чертогов тьмы, где его мятущаяся душа искала спасения от горестей, на которые он был обречен самой своей природой…»

Сам же По охарактеризовал положение, в котором он очутился в 1846 году, в одном из более поздних своих писем: «Вы спрашиваете, могу ли я „хотя бы намеком дать Вам понять“, в чем состояло „ужасное несчастье“, ставшее причиной тех „странностей в поведении“, о которых я столь глубоко сожалею. Да, я могу Вам ответить, и не только намеком. „Несчастье“ это было самым страшным из тех, что могут постичь человека. Шесть лет назад моя жена, которую я любил так, как не любил ни один смертный, повредила внутренний кровеносный сосуд, когда пела. Состояние ее сочли безнадежным. Уже навеки простившись с нею, я пережил все муки, которые несла мне ее кончина. Однако ей сделалось лучше, и ко мне вернулась надежда. Через год у нее снова лопнул сосуд. Все повторилось для меня сначала. Потом снова, снова, снова и снова — через разные промежутки времени. И всякий раз, когда к ней подступала смерть, меня терзали все те же муки. С каждым новым обострением болезни я любил жену все нежнее и все отчаяннее держался за ее жизнь. Но, будучи от природы человеком чувствительным и необычайно нервным, я временами впадал в безумие, сменявшееся долгими периодами ужасного просветления. В этих состояниях совершенной бессознательности я пил — один Господь знает, сколько и как часто».

Пьянство в конце концов привело Эдгара По к

окончательному разрыву с Джорджем Грэхемом. В марте 1842 года поэт жестоко поругался с другим редактором, Чарльзом Петерсеном, заявив, что не в состоянии с ним работать. А затем и вовсе заявил, что уходит из журнала, который назвал полным «жалких рассуждений». В раздражении Грэхем предложил место Эдгара По уже упоминавшемуся Руфусу Грисвольду. Немного подумав, тот согласился. В результате когда пришедший в себя после запоя По явился в редакцию, то с удивлением увидел, что за его столом сидит его хороший знакомец. Поэту все стало ясно, и, взбешенный, он удалился, хлопнув дверью.

Эдгар По вновь остался без постоянной работы, да еще с тяжелобольной супругой на руках. Он тщетно пытался устроиться на службу чиновником в местную таможню, старался заработать на жизнь журналистикой и прозой. Однако доход интеллектуальные труды по-прежнему приносили мизерный, и Марии Клемм все чаще и чаще приходилось продавать вещи из дома, чтобы просто прокормить бедствующую семью. В конец концов им пришлось даже уехать из привычного дома и перебраться в более скромное помещение на Спринг-гарден-стрит.

О тяжести запоев По свидетельствует очередной случай, записанный в воспоминаниях Мэри Деверо. И, при всем скептическом отношении специалистов к этому источнику, в данном случае мемуаристка явно рассказывает о реальном происшествии. В конце июля 1842 года Эдгар По действительно посетил Нью-Йорк, чтобы договориться об издании новой книги рассказов. Однако поэт якобы запил и, будучи в состоянии почти безумия, вспомнил о своей старой подруге Мэри Деверо (теперь уже — миссис Мэри Дженнинг). Грязный и всклокоченный, с огромным трудом он нашел ее дом в Джерси-сити (штат Нью-Джерси). Дальнейшее Мэри Дженнинг описывала так: " Мистер По не застал нас с сестрой дома, и, когда мы вернулись, дверь нам открыл он сам. Мы поняли, что у него запой и что он не был дома уже несколько дней. "Так, значит, вы вышли замуж за этого проклятого!.. — сказал он мне. — Любите ли вы его на самом деле? По любви ли вы за него вышли?" Я ответила: "До этого никому нет дела, это касается только моего мужа и меня". — "Вы его не любите, — сказал он тогда. — Ведь вы любите меня! Вы же знаете сами"".

Герви Аллен дополняет этот эпизод следующими подробностями: "Далее нам сообщают, что По остался к чаю, выпив, правда, только одну чашку. Но и она, кажется, произвела поразительное действие, ибо во время разговора за столом он сильно разволновался и, схватив стоявшее перед ним блюдо с

редисом, принялся с такой яростью кромсать овощи столовым ножом, "что кусочки так и полетели во все стороны, и это всех очень позабавило". После "чая" По потребовал музыки, настаивая, чтобы Мэри исполнила его любимую песню, которую пела ему еще в Балтиморе, — "Приди на грудь ко мне, и улетят тревоги".

Выслушав песню, поэт неожиданно бросился из дома вон. Лишь через несколько дней приехавшая в Нью-Йорк Мария Клемм, при помощи миссис Дженнинг, организовала поиски пропавшего зятя. С огромным трудом Эдгара По нашли в лесу около Джерси-сити в совершенно невменяемом состоянии и отвезли назад, в Филадельфию".

Очередной раз оказавшись в ситуации, когда жизнь, казалось бы, полностью рухнула, Эдгар По попытался вновь вернуться к идее собственного журнала. Теперь он должен был назваться "Стайлус". Но так же, как и нереализованный "Пенн", этот гипотетический журнал должен был стать идеалом и примером для остальных литературных журналов Америки. При всей утопичности такого проекта в январе 1843 года идея со "Стайлусом" вроде бы получила шансы на реализацию — Томас Кларк, редактор журнала "Филадельфия сатэрдей мьюзеум", решил поддержать издание Эдгара По. Он даже предложил поэту половинное партнерство и согласился вложить в журнал свои деньги.

Обнадеженный По выпустил широковещательный рекламный проспект "Стайлуса", вышедший в "Сатэрдей мьюзеум" в феврале 1843 года и подписанный фамилиями совладельцев — "Кларк и По".

Но вскоре проект опять затормозился из-за финансовых проблем, и По вновь озаботился поисками постоянной работы. Познакомившись при помощи своего друга Фредерика Томаса с Робертом Тайлером, сыном тогдашнего президента США Джона Тайлера, поэт попросил его организовать аудиенцию в Белом доме. Судя по всему, он рассчитывал, что президент поможет ему устроиться на службу хотя бы в городское таможенное управление Филадельфии.

8 марта 1843 года По прибыл в Вашингтон, но почти сразу же тяжело запил. Он остановился в меблированных комнатах "Фуллерсотель", где в первый же вечер попал на дегустацию портвейна, организованную гостеприимным хозяином. С этого момента Эдгар По почти не приходил в себя. Знакомых пугал даже его внешний вид — он упорно ходил по улицам в черном, испанского покроя плаще, который вывернул наизнанку.

В итоге, встретившись с По, помятым, полупьяным и по-прежнему облаченным в вывернутый наизнанку плащ, Р. Тайлер

пришел в ужас и отказался даже от мысли об организации приема у президента. Друзья с трудом привели Эдгара По в порядок и 13 марта 1843 года отправили его из Вашингтона в Филадельфию, где нетрезвого зятя встретила на перроне Мария Клемм. В дальнейшем Тайлер наотрез отказался общаться с По, и от надежды получить протекцию у самого президента пришлось отказаться. Так развеялось очередное упование поэта на то, чтобы получить постоянную службу, приносящую хоть какой-то стабильный доход.

Впрочем, очередной приступ скрытого безумия, провоцировавшего запои, у Эдгара По довольно быстро сменился этапом продуктивной и производительной работы, во время которой поэт вновь проявил чудеса логики и здравомыслия. Да и сама жизнь семейства По в новом доме на Спринг-гарден-стрит постепенно стала налаживаться. Одна из соседок поэта, в те годы — всего лишь школьница, вспоминала, что "миссис Клемм и ее дочь вместе поливали цветы… Они всегда казались веселыми и счастливыми, и часто, заворачивая за угол, я слышала смех миссис Клемм. Миссис Клемм постоянно хлопотала по дому. По утрам я наблюдала, как она мела двор, мыла окна и крыльцо и даже белила ограду".

На Марии Клемм, как и обычно, продолжала держаться повседневная жизнь семьи. Впоследствии знаменитый писатель, а тогда еще просто капитан Томас Майн Рид, чуть ранее познакомившийся с По и его домочадцами, писал о ней: "Она была неусыпным стражем этого дома, охранявшим его от всего на свете… Она была единственной служанкой, содержавшей дом в чистоте; единственным посыльным, осуществлявшим постоянную свянь поэта с его издателями… И только она единственная отправлялась на рынок, откуда приносила отнюдь не "сезонные деликатесы", а то необходимое, что спасает от голода". Одну из комнат в доме на Спринг-гарден-стрит Марии Клемм удалось сдать жильцам, что дало пусть небольшой, но гарантированный приток долларов на проживание.

А Эдгар По тем временем продолжал трудиться над прозой. После ухода из "Грэхеме мэгэзин" им были созданы известные рассказы "Тайна Мари Роже" и "Маска Красной смерти", которые, кстати, Грэхем с радостью поместил на страницах своего журнала. Однако наибольший успех среди всех прозаических произведений Эдгара По того времени выпал на рассказ "Золотой жук". Эта история появилась на страницах журнала "Доллар ньюспейпер" и получила приз в сто долларов "за лучший рассказ". "Золотой жук" безусловно относится к числу самых известных произведений писателя, в котором в удивительной гармонии

сочетались таланты По — создателя приключенческих произведений и По — творца детективов.

В самом начале истории герой-рассказчик посещает своего друга Уильяма Леграна, поселившегося на острове Салливан, том самом, где стоит форт Моултри, в котором служил Эдгар По. Обитает Легран там, как отшельник, с одним-единственным спутником — своим слугой-негром Юпитером. Во время беседы с приятелем он рассказывает, как поймал некоего жука, вроде бы еще неизвестного науке: "Он ослепительно золотой, величиной с крупный лесной орех, и на спине у него три пятнышка, черных как смоль. Два круглых повыше и одно продолговатое книзу. А усики и голову… — Где же там олово, масса Вилл, послушайте-ка меня, — вмешался Юпитер, — жук весь золотой, чистое золото, внутри и снаружи; только вот пятна на спинке. Такого тяжелого жука я еще в жизни не видел".

Легран пытается нарисовать на каком-то клочке бумажки этого жука, однако его друг почему-то видит на ней не насекомое, а череп. Они начинают ссориться, но тут незадачливый энтомолог неожиданно погружается в глубокое размышление: "Некоторое время он разглядывал свой рисунок, словно изучая его. Потом встал и, забрав свечу со стола, пересел на сундук в другом конце комнаты. Там он снова уставился на бумагу, поворачивая ее то так, то эдак, однако хранил молчание".

Друзья вновь встречаются только через месяц, и Легран тут же вовлекает своего спутника в странные поиски, заканчивающиеся очень своеобразно. Наконец-то поймав пресловутого золотого жука, энтомолог-любитель заставляет Юпитера залезть на дерево, где негр неожиданно находит человеческий череп. Легран приказывает слуге пропустить жука на бечевке через глазницу черепа: "Во время этого диалога Юпитер был скрыт листвой дерева. Но жук, которого он спустил вниз, виднелся теперь на конце шнурка. Заходящее солнце еще освещало возвышенность, где мы стояли, и в последних его лучах жук сверкнул, как полированный золотой шарик. Он свободно свисал между ветвей дерева, и если б Юпитер сейчас отпустил шнурок, тот упал бы прямо к нашим ногам. Легран быстро схватил косу и расчистил участок диаметром в девять-двенадцать футов, после чего он велел Юпитеру отпустить шнурок и слезать поскорее вниз.

Забив колышек точно в том месте, куда упал жук, мой друг вытащил из кармана землемерную ленту. Прикрепив ее за конец к стволу дерева, как раз напротив забитого колышка, он протянул ее прямо, до колышка, после чего, продолжая разматывать ленту и отступая назад, отмерил еще пятьдесят футов. Юпитер с косой в

руках шел перед ним, срезая кусты ежевики. Дойдя до нужного места, Легран забил еще один колышек и, принимая его за центр, очистил круг диаметром примерно в четыре фута. Потом он дал по лопате мне и Юпитеру, сам взял лопату и приказал нам копать".

Результат раскопок оказывается самым невероятным: "Мы отрыли продолговатый деревянный сундук, прекрасно сохранившийся. Необыкновенная твердость досок, из которых он был сколочен, наводила на мысль, что дерево подверглось химической обработке, вероятно, было пропитано двухлористой ртутью. Сундук был длиной в три с половиной фута, шириной — в три фута и высотой — в два с половиной. Он был надежно окован железными полосами и обит заклепками. Перекрещиваясь, железные полосы покрывали сундук, образуя как бы решетку. С боков сундука под самую крышку было ввинчено по три железных кольца, всего шесть колец, так что за него могли взяться разом шесть человек. Взявшись втроем, мы сумели только что сдвинуть сундук с места. Стало ясно, что унести такой груз нам не под силу. По счастью, крышка держалась лишь на двух выдвижных болтах. Дрожащими руками, не дыша от волнения, мы выдернули болты. Мгновение, и перед нами предстало сокровище. Когда пламя фонарей осветило яму, от груды золота и драгоценных камней взметнулся блеск такой силы, что мы были просто ослеплены".

Это оказался клад, зарытый легендарным пиратом — капитаном Киддом. Окончание рассказа представляет собой подробное изложение того, как Легран, случайно заполучивший в свои руки старый пергамент-инструкцию, сумел раскрыть зашифрованное описание места, где было спрятано пиратское сокровище.

В этой замечательной новелле, по сей день — одной из лучших о поисках укрытых в земле кладов, По не только успешно проявил свои таланты логика и разгадывателя любых головоломок и шифров. Он прежде всего сотворил почти безупречный текст, в котором уравновешиваются чисто художественные приемы детектива, построенного на раскрытии загадки, романтическая аура, присущая любым пиратским историям, и ненавязчивый юмор, проявленный и в описании постоянных недоумений героя-рассказчика, и при создании образа анекдотичного слуги Юпитера.

Неудивительно, что читатели оказались в полном восторге от текста Эдгара По. Рассказ вызвал настоящую сенсацию, в печати его создателя лестно сравнивали с самим Даниелем Дефо, а весь тираж "Доллар ньюспейпер" с "Золотым жуком" был раскуплен

почти моментально.

Однако вроде бы триумфальная история с этой новеллой неожиданно вызвала к жизни ситуацию, продемонстрировавшую — насколько предвзято и неодобрительно относились к Эдгару По "собратья по перу". Филадельфийский журналист и драматург Фрэнсис Даффи заявил в печати, что "Золотой жук" является "мусором", а заплатили за него, наверное, всего долларов десять. От этого высказывания создатель рассказа почему-то пришел в такую ярость, что подал на Даффи в суд за клевету. Впрочем, судебное разбирательство было очень коротким — 24 июля 1843 года было подписано соглашение, согласно которому Даффи должен был принести По извинения в печати, а поэт отзывал свой иск о клевете.

Другим откровенным печатным выпадом против Эдгара По стал роман Томаса Данна Инглиша "Судьба пьяницы", в котором поэт изображался алкоголиком, закоренелым лгуном и аморальным типом, который "не церемонясь присваивает себе идеи других и вообще является воплощением предательства и лжи". Роман этот начал публиковаться по частям в конце 1843 года в "Сатэрдей мьюзеум".

К сожалению, все эти инсинуации по-прежнему подкреплялись периодическими запоями По. Например, в августе 1843 года, когда местные журналисты собрали пятнадцать долларов, чтобы хоть как-то поддержать семью поэта, он их тут же пропил. Буквально через час его нашли мертвецки пьяным у кафе на Декейтер-стрит. Слухи о жестоких запоях По также распространялись всё шире. Даже двоюродный брат поэта Уильям По в письме, где формально поздравлял Эдгара с получением премии за "Золотого жука", не преминул лишний раз предостеречь кузена от "слишком частого обращения к бутылке".

Поскольку с публикацией прозы дела шли ни шатко ни валко, Эдгар По решил читать публичные лекции по литературе. В конце-то концов, именно чтения в присутствии живой публики помогли Диккенсу стать одним из самых богатых писателей своего времени. И, казалось, вроде бы сначала По не прогадал. На первую его лекцию, состоявшуюся 21 ноября 1843 года в филадельфийской церкви на Джулиан-стрит, набилось столько народу, что многие желающие просто не смогли войти внутрь здания. Достаточно успешными были и последующие чтения, в том числе и в Балтиморе, в зале заседаний местной масонской ложи.

Переиздание своих рассказов Эдгар По попытался возобновить при помощи брата Джорджа Грэхема. Рассчитывая на самый широкий охват читателей, публикатор запланировал

выпуск отдельных новелл ценой в двенадцать центов. Называться это мероприятие должно было "Единообразное серийное издание прозаических произведений Эдгара А. По". К сожалению, после выхода в свет "Убийства на улице Морг" и "Человека, которого изрубили в куски" стало ясно, что серийное издание расходится плохо, и его пришлось прекратить.

Очередная неудача укрепила Эдгара По в представлении о том, что в Филадельфии он уже не может надеяться не только на успех, но даже на сколько-нибудь пристойное существование. Поэт вновь решил, что сможет изменить свою судьбу, резко сменив место жительства. И поэтому, как только Вирджинии стало получше и кровохарканье на время прекратилось, По опять отправился в Нью-Йорк.

6 апреля 1844 года Эдгар По и Вирджиния вновь поселились в самом огромном мегаполисе Америки, в пансионе на Гринвич-стрит. Здоровье супруги поэта в это время заметно улучшилось. По писал, что Вирджиния "почти не кашляет и по ночам не потеет. Сейчас она зашивает мои штаны, которые я разорвал о гвоздь". Поэт же занялся усиленной литературной работой, итогом которой стала самая, пожалуй, блестящая мистификация во всей литературной карьере Эдгара Аллана По.

13 апреля 1844 года читатели газеты "Нью-Йорк сан" обнаружили на ее первой странице следующий потрясающий поразительный анонс:

"ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ, ПЕРЕДАННАЯ СРОЧНО ЧЕРЕЗ НОРФОЛК! ПЕРЕЛЕТ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН ЗА ТРИ ДНЯ! НЕБЫВАЛЫЙ УСПЕХ ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА МИСТЕРА МОНКА МЕЙСОНА! ПОСЛЕ ПЕРЕЛЕТА, ДЛИВШЕГОСЯ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЧАСОВ,

ОТ КОНТИНЕНТА ДО КОНТИНЕНТА, МИСТЕР МЕЙСОН, МИСТЕР РОБЕРТ ХОЛЛЕНД, МИСТЕР ХЕНСОН, МИСТЕР ХАРРИСОН ЭЙНСВОРТ И ЧЕТВЕРО ДРУГИХ ЛИЦ НА УПРАВЛЯЕМОМ ВОЗДУШНОМ ШАРЕ "ВИКТОРИЯ" ПРИБЫЛИ НА ОСТРОВ САЛЛИВАН, ОКОЛО ЧАРЛЬСТОНА, ШТАТ ЮЖНАЯ КАРОЛИНА! ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ПЕРЕЛЕТА!"

Далее в статье подробно, с казавшимися принципиально достоверными деталями, описывался трансатлантический перелет. Например, там до занудства подробно излагалось устройство летательного аппарата: "Шар имел форму эллипсоида. Длина его составляла 13 футов 6 дюймов, высота — 6 футов 8 дюймов. Он вмещал около трехсот двадцати кубических футов газа и, при применении чистого водорода и тотчас по наполнении, пока газ не успевал частично разложиться или выйти, обладал подъемной силой в двадцать один фунт. Общий

вес его составлял семнадцать фунтов, так что около четырех фунтов оставалось в запасе. Под шаром помещалась легкая деревянная рама длиною около девяти футов, прикрепленная к нему с помощью обычной сетки. К раме была подвешена плетеная лодочка или корзина.

Винт модели состоит из оси, сделанной из полой латунной трубки длиною в восемнадцать дюймов, в которую под углом в пятнадцать градусов пропущено несколько двухфутовых спиц из стальной проволоки, выступающих на один фут с каждого конца трубки. Наружные концы этих спиц соединены посредством скреп из сплющенной проволоки — и все это образует остов винта, обтянутый промасленным шелком с прорезями, натянутым так, чтобы представлять достаточно гладкую поверхность. Концы оси винта поддерживаются опорами из полой латунной трубки, прикрепленной к обручу В нижних концах этих трубок имеются отверстия, в которых вращаются шкворни оси. Из конца оси, ближнего к пассажирской корзине, выходит стальной стержень, соединяющий винт с шестерней пружинного устройства, находящегося в корзине. С помощью этой пружины винту придают быстрое вращение, сообщающее поступательное движение всему воздушному шару".

Герои рассказа вели дневник, в котором они так же скрупулезно фиксировали увиденное "под винтом воздушного шара": "Нынче утром ветер с десяти упал до восьми-девяти узлов и несет нас со скоростью тридцати морских миль в час или более. При этом направление его заметно переместилось к северу; сейчас, на закате солнца, мы держим на запад главным образом с помощью винта и руля, которые служат нам отлично. Конструкция представляется мне во всех отношениях удачной; задачу передвижения по воздуху в любом направлении (кроме разве прямо навстречу урагану) я считаю решенной. Против вчерашнего ураганного ветра мы не могли бы лететь; но могли, бы, если нужно, подняться выше него. А против обычного свежего ветра мы, несомненно, можем двигаться с помощью винта". Или: "Весь день дует сильный и устойчивый ветер с северо-востока; до сих пор судьба нам явно благоприятствует. Перед рассветом мы были встревожены странными звуками и сотрясением внутри шара, сопровождавшимися быстрым кажущимся снижением аэростата. Причиной этого явилось расширение газа вследствие повышения температуры воздуха и вызванное этим растрескивание ледяной корки, которая образовалась за ночь на поверхности сетки. Мы сбросили находившимся внизу судам несколько бутылок. Видели, что одна из них была подобрана крупным судном — очевидно, одним из пакетботов нью-йоркской

линии".

По даже постоянно подчеркивал легкость путешествия, проведенного на столь совершенном аппарате: "Достаточно, чтобы такой ветер, как нынешний, мчал шар пять-шесть дней (а эти ветры часто длятся и дольше), и путешественник легко преодолеет за это время расстояние от побережья до побережья. При таком ветре просторы Атлантики — не более чем озеро".

Но даже в столь прозаическом и намеренно стилизованном под документальный отчет тексте По все же прорывалась его истинная сущность поэта и художника, склонного к ярким метафорам и преувеличениям: "А сейчас меня более всего поражает глубокое безмолвие, царящее на море под нами, несмотря на волнение. Воды не возносят голоса к небесам. Огромный светящийся океан извивается и бьется, не издавая жалоб. Гигантские валы похожи на множество огромных немых демонов, мечущихся в бессильной ярости. В такую ночь, какова для меня нынешняя, человек живет — она равна целому столетию повседневности, — нет, я не променял бы этого восторга даже на столетие будничного существования".

Эдгару По удалось произвести настоящую сенсацию, вызвавшую бешеный ажиотаж у публики. Газету с рассказом, выданным за отчет о подлинных событиях, расхватывали с такой жадностью, что даже сам автор не успел приобрести себе экземпляр. Лишь через два дня "Нью-Йорк сан" разоблачила собственную мистификацию, вызвав целый шквал возмущения, недоуменных толков и саркастических замечаний. Например, журналист Джеймс Гордон Беннетт в "Нью-Йорк геральд" злобно написал, что "когда какой-то неумелый болван создавал эту мистификацию, он должен был привлечь к работе несколько людей, обладающих достаточным здравым смыслом и знаниями, чтобы указать правильное расположение всех населенных пунктов и других местностей, встреченных по ходу повествования. А так получилась откровенная нелепость…"

В наше время "История с воздушным шаром" выглядит наивно и даже примитивно, уступая по силе фантазии и "Необыкновенному приключению некоего Ганса Пфааля", и последним страницам "Повести о приключениях Артура Гордона Пима". Но в истории научно-фантастической литературы это произведение Эдгара По занимает немаловажное место. Долгие годы многочисленные эпигоны американского гения будут действовать по разработанной им схеме — описывать фантастические события, жестко придерживаясь представлений публики о возможном уровне развития науки и техники на данном этапе существования человечества. Как ни смешно это

прозвучит, но помимо всего прочего Эдгар Аллан По оказался еще и создателем так называемой "научной фантастики ближнего прицела". Причем среди его последователей на этом пути окажутся не только бесталанные ремесленники, но и такой титан научной фантастики, как Жюль Верн. Талантливый французский прозаик во многих романах и повестях намеренно не поднимался выше того уровня фантастичности, который установил По в своей "Истории с воздушным шаром".

В июне 1844 года Эдгар, Вирджиния и приехавшая к ним в начале мая Мария Клемм поселились на ферме возле Блумингедейлской дороги, в предместьях тогдашнего Нью-Йорка (ныне это угол Восемьдесят четвертой улицы и Бродвея). Их дом, как вспоминали очевидцы, располагался на "каменистой пустоши, поросшей кустарником и чертополохом, с редкими, одиноко стоявшими фермерскими домами". Сын их хозяев, фермерской четы Бреннан, — Томас — хорошо запомнил поэта, который "до темноты без перерыва работал с пером и бумагой".

Однако, как и обычно, бесконечные литературные и журналистские труды давали очень мало денег. Помощь для По пришла с совершенно неожиданной стороны — в конце сентября 1844 года Мария Клемм сумела познакомиться в Нью-Йорке с главным редактором новой газеты "Ивнинг миррор" Натаниэлем Уиллисом. Ей удалось выхлопотать для зятя должность "технического составителя" — не слишком важную, заключавшуюся по большей части в обработке информации из зарубежной прессы, но приносившую небольшой стабильный заработок. К сожалению, получение постоянной должности повлекло за собой очередное переселение — чтобы не тратить деньги на проезд до здания "Ивнинг миррор", По пришлось поместиться в пансионе на Эмити-стрит.

К началу 1845 года поэт приобрел ту самую хрестоматийную внешность, которая запечатлена на большинстве его прижизненных портретов и которую помнят большинство его современных читателей. Питер Экройд, автор современной британской биографии Эдгара Аллана По, так описывает его облик: "При росте в пять футов и восемь дюймов он держался исключительно, почти по-военному прямо, носил все черное — черный сюртук и черный галстук, словно вечно пребывал в трауре. Обращали на себя внимание его деликатное сложение, даже хрупкость, темно-каштановые, слегка вьющиеся волосы и большие серые глаза, которые одним современникам казались "беспокойными", в то время как другие говорили об их "влажном блеске". Все отмечали его широкий лоб, подтверждавший то, что на языке френологии (в которую он верил) называется "шишкой

идеализма". У него были тонкие губы, то и дело кривившиеся в презрительной или недовольной усмешке, а иногда и в сарказме. Вспоминали бледные щеки, правильность черт. В 1845 году По отрастил усы, которые были скорее длинными, чем густыми. Говорил он "нервно и категорично", а один из современников утверждал, что "нервность была самой характерной чертой внешности По". Обычно вид у него был печальный, меланхолический или хмурый, мрачный или мечтательный. Разумно соединив всё это, можно получить представление о наружности По. К этому следует добавить одну деталь — на сохранившихся фотографиях заметна некоторая асимметрия правой и левой сторон лица — проявляется это в глазах, в форме рта, лба и подбородка. Одна сторона как бы расслаблена".

Трудясь "техническим составителем" в "Ивнинг миррор", По все же не оставлял и более амбициозных идей. В это время он вновь и вновь возвращался к идее собственного литературного журнала (в качестве названия все еще оставалось задуманное в 1842 году "Стайлус"). Вынашивал Э. По и проект издания целого пятитомного собрания собственных сочинений. А еще в начале сороковых годов он обратился к своим "литературным истокам" — перестал заниматься исключительно прозой и журналистикой и всё чаще и чаще начал сочинять стихи.

Первым таким стихотворением, окончательный вариант которого По написал в конце 1842 года и издал в январе 1843 года в "Грэхеме мэгэзин", оказался "Червь-победитель". Это пессимистическое и беспросветное произведение о торжестве смерти над жизнью завершается известнейшим финалом:

Но вот комедиантов сброд
Замолк, оцепенев:
То тварь багровая ползет,
Вмиг оборвав напев!
Ползет! Ползет! Последний мим
Попал в разверстый зев.
И плачет каждый серафим,
Клыки в крови узрев.
Свет гаснет, гаснет, погас!
И все покрывается тьмой,
И с громом завеса тотчас
Опустилась — покров гробовой…
И, вставая, смятенно изрек
Бледнеющих ангелов рой,
Что трагедия шла — "Человек",
В ней же Червь-победитель — герой.

Вскоре из-под пера Эдгара По вышли "Линор", "Страна сновидений" и "Лелли" ("Евлалия"). Стихи сороковых годов откровенно демонстрировали возросшее мастерство писателя как стихотворца. Его поэтический дар какое-то время словно бы пребывал в спячке, но при этом набирал все больше и больше сил. И в итоге эти силы воплотились в стихотворение, поныне остающееся одним из самых известных в литературе США.

Речь идет, конечно же, о знаменитом "Вороне".

Первоначальный его вариант По, судя по всему, создал еще зимой 1843 года и прочитал группе своих знакомых. Герви Аллен рассказывает об этом эпизоде так: "Зимой 1843/44 года дела шли так плохо, что он даже попытался предложить один из ранних вариантов "Ворона" своему старому другу Розенбаху, по-прежнему работавшему в грэхемовском журнале. Как рассказывал потом этот человек, По пришел однажды в редакцию с рукописью стихотворения в кармане и сказал, что Вирджиния и миссис Клемм голодают, а он совсем обезденежел. Стихотворение было прочитано находившимися там же Грэхемом и Петерсоном и им не понравилось. Однако По настойчиво доказывал, что вещь хороша, точно так же, как неотложна его нужда в деньгах. Чтобы разрешить разногласия, Грэхем созвал всех, кто работал в это время в редакции и типографии, пообещав подчиниться решению большинства. По сам прочел "Ворона" сгрудившимся вокруг клеркам и перепачканным краской наборщикам". Чтение все равно было воспринято без энтузиазма, и поэт принялся решительно исправлять свой стихотворный опус, доводя его до совершенства.

Полученный результат появился 29 января 1845 года в "Ивнинг миррор". Стихотворение сопровождалось заметкой "От редакции", в которой объявлялось, что его создателем является "Эдгар Аллан По, эсквайр" и что оно оказывается "одним из наиболее эффектных примеров поэзии из когда-либо опубликованных в нашей стране", а также "мастерски изобретательным в области стихосложения". Вслед за "Ивнинг миррор" "Ворона" перепечатали "Американ ревю", "Дейли трибюн", "Уикли трибюн" и многие другие издания, после чего поднялась настоящая буря восторгов и похвальных отзывов как простых читателей, так и критиков.

"Ворон", без всякого сомнения, относится к числу наиболее совершенных стихотворений, написанных на американском варианте английского языка в первой половине девятнадцатого века. Сюжетно непритязательная история о зловещем вороне,

явившемся поэту, пребывающем в состоянии меланхолии, была выполнена настолько мастерски, что по сей день никого не оставляет равнодушным.

Почти идеальность стиха, столь явственная в английском оригинале "Ворона", труднее передается в переводах. Поэтому и существует такое множество вариантов этого шедевра По в переложении на другие языки. Отметились здесь и русские писатели, в том числе и такие известные, как К. Бальмонт, В. Брюсов и Д. Мережковский. Среди переложений есть и явные неудачи, есть и безусловные успехи, в наибольшей степени приближающиеся к совершенству оригинала. Например, вариант М. Зенкевича:

"Ворон". Иллюстрация Г. Доре

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
Будто глухо так застукал в двери дома моего.
"Гость, — сказал я, — там стучится в двери дома моего,
Гость — и больше ничего".
Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме, ангелы зовут Линор, —
Безыменной здесь с тех пор.
Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
"Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость — и больше ничего".

Хор восторженных и безудержных похвал "Ворону" был неостановим. Автор рецензии в "Ричмонд экземинер" стихотворение По признал "выше всей всемирной литературы", а в статье из "Нью-Йорк экспресс" было сказано, что оно превыше всего, что "написано лучшими поэтами нынешнего века". В "Морнинг экспресс" было замечено, что "Ворон" "может успешно конкурировать с любым текстом всего сонма современных поэтов".

Даже сам По, в одночасье превратившийся в модного, даже в супермодного писателя, был несколько обескуражен внезапно свалившейся на него повсеместной известностью. Впрочем, он изображал, что воспринимает все случившееся как должное и даже изначально запланированное. В письме своему филадельфийскому другу Фредерику Томасу он высокомерно замечал: "Ворон отлично "пошел", Томас, но для этого я его и писал, так же, понятно, как и "Золотого жука". Но птица слопала жука со всеми потрохами".

Методику и даже технику написания "Ворона" По изложил в эссе "Философия композиции", где подробно проанализировал собственное стихотворение. Однако именно это сочинение и

показывает, насколько далеко бывает формальное литературоведение от тайн создания литературных текстов. Не только графоманам, подробно вызубрившим советы По из этого эссе, но даже и самому создателю гениального стихотворения не удалось создать его аналог. Другие великолепные стихи Эдгар По писал и в дальнейшем. Но даже при самом поверхностном их чтении становится ясно — секрет их, как и "Ворона", вовсе не в технологии, которой якобы следовал поэт, а во вдохновении, им обладавшем.

А тем временем публика рвалась познакомиться с писателем, произведшим столь заметную сенсацию, и По стал желанным гостем в литературных салонах мисс Энн Линч на Уэверли-плейс и в салоне миссис Элизабет Оукс Смит на Гринвич-стрит. Вместе с ним на приемах иногда появлялась и Вирджиния (видимо, в те моменты, когда она чувствовала себя совершенно здоровой). Хозяйка салона на Гринвич-стрит позднее вспоминала, что поэт "производил сокрушительное впечатление не столько на мужчин, сколько на высокообразованных женщин… К неудовольствию мужского пола, женщины подпадали под его чары и слушали, затаив дыхание". Впрочем, По в это время не злоупотреблял этим вниманием, демонстрируя принципиальную верность своей больной супруге.

Неожиданная всеобщая популярность позволила Эдгару По бросить опостылевшую работу "технического составителя" в "Ивнинг миррор" и легко откликнуться на предложение Чарльза Фредерика Бриггса, главного редактора издания "Бродвей джорнэл". Фактически поэт даже стал совладельцем этого издания — ему теперь принадлежала одна треть еженедельника. По получил редакторскую должность и сразу же развернул бурную деятельность. На страницах журнала появлялись как новые его рассказы, так и подвергшиеся коренной переработке и улучшению варианты старых. Но главной приманкой для читателей были не эти публикации — в Нью-Йорке По в очередной раз проявил себя мастером газетной полемики и журналистских сенсаций, зиждившихся на скандалах, неизменно привлекающих публику.

На этот раз объектом его атаки стал, пожалуй, самый именитый поэт США того времени — Генри Лонгфелло. В недовольной рецензии на антологию "Разное", составленную стихотворцем из Портленда, Эдгар По обвинил его ни много ни мало, как в откровенном плагиате, заявив, что тот является "явным имитатором, ловко использующим идеи других людей… что слишком заметно, чтобы ошибиться… и это может быть отнесено к самой варварской разновидности литературного

грабежа".

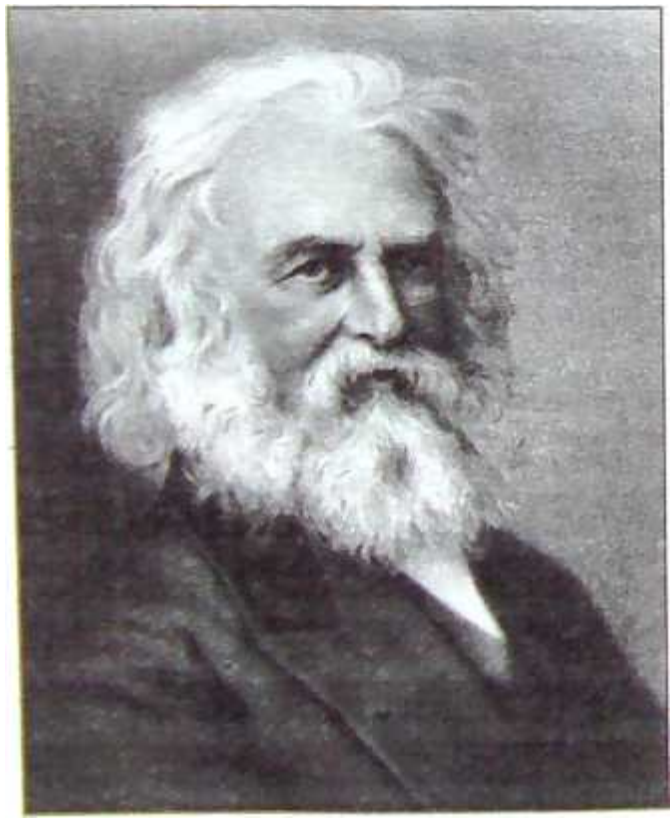
Столь яростные выпады во многом опирались не на истинные взгляды По на творчество Лонгфелло, а были частью задуманной им литературной игры, предназначенной для привлечения внимания подписчиков "Бродвей джорнэл" и "Ивнинг миррор". (С последним изданием поэт продолжал сотрудничать.) В "Ивнинг миррор" По очень быстро отозвался на собственную статью возмущенной репликой, подписанной псевдонимом "Outis", то есть "Никто". Там он подчеркивал: "Неужели не может существовать двух людей, которые могут подумать когда-либо одинаково, без воровства одного у другого? Или, подумав так, разве не могут эти два человека использовать одни и те же или похожие слова, чтобы передать свои мысли, без всякой связи друг с другом?" "Outis" даже нарочито цитировал анонимное стихотворение "Птица-мечта" и сравнивал его с "Вороном" Эдгара По, найдя сходство в пятнадцати местах. И после этого добавлял: "Я, конечно же, не обвиняю мистера По в плагиате… Я выбрал это стихотворение г-иа Эдгара По потому, что оно современное и хорошо знакомо всем любителям настоящей поэзии".

Господину "Никто" Эдгар По ответствовал в "Бродвей джорнэл" уже под своей собственной фамилией, чтобы затем не остаться в долгу и в ипостаси "Никого" продолжить литературный спор… И так эта почти шизофреническая дискуссия растянулась аж на сто страниц в общей сложности. Интерес к ней По подогрел и в очередном публичном выступлении — на лекции в Нью-Йоркской библиотеке, названной "Поэт и поэзия в Америке", он вновь обрушился на Лонгфелло с обвинениями, столь же яростными, сколь и надуманными.

Надо отдать должное автору "Песни о Гайавате" и "Золотой легенды" — он никогда не платил По той же монетой, не ввязывался в публичные дискуссии и не пытался упрекнуть своего коллегу ни в чем предосудительном (а материала-то для этого было предостаточно). Лишь однажды Лонгфелло сказал о По: "Резкость его критики я никогда не приписывал ничему иному, кроме как раздражению чувствительной натуры, порожденному смутным ощущением совершаемой по отношению к ней несправедливости". Да в частном письме к своему другу литератору Джеймсу Лоуэллу он резко заявил, что не желает участвовать в спорах с автором из "Бродвей джорнэл", потому что "жизнь слишком ценная вещь, чтобы растрачивать ее на уличные драки".

Конечно, Лонгфелло недолго оставался единственной жертвой полемической резкости Эдгара По. Досталось и другим американским литераторам — например, Дэниэлу Брайену или

Шебе Смиту… И с таким же успехом, с каким По разносил литературные произведения, он раздраконивал и театральные постановки, поскольку одновременно выступал и в роли главного театрального критика "Бродвей джорнэл".



Г.-У. Лонгфелло

Впрочем, усердная журналистская деятельность поэта постепенно стала отнимать у него последние силы. Впоследствии он жаловался, что работал в журнале как настоящий раб на плантации.

Александр Крейн, работавший в "Бродвей джорнэл" в эти годы посыльным, вспоминал, что По "вел себя тихо и был одинаково добр и любезен со всеми, а в компании быстро оживлялся и даже становился игривым". Каждый день, в девять часов утра, он являлся в редакцию, где и работал "упорно и методично до трех-четырех пополудни".

И все же напряженная умственная и организационная деятельность не могла не вызвать очередного проявления скрытого безумия, в эти годы выражавшегося у По в одной и той же форме — в виде длительных запоев. Его знакомец Томас Данн

Инглиш позднее вспоминал, что поэт вел себя одинаково, "когда расстраивался, — напивался до чертиков и пил потом всю неделю".

Томас Холи Чиверс, поэт из Джорджии, рассказывал, как в июне 1845 года он встретил По на улице, где поэт "раскачивался из стороны в сторону и был пьян в стельку". Чиверсу удалось сопроводить По домой и сдать на руки перепуганной миссис Клемм, запричитавшей при виде зятя: "Ох! Эдди! Эдди! Эдди! Иди сюда, мой милый. Давай-ка я уложу тебя в постель". После этого она якобы сказала Чиверсу: "Мне кажется, бедный мальчик сходит с ума". Другой коллега Чиверса в это время записал в своем дневнике: "По с его сдержанностью, безукоризненной чистотой души и чувствительностью — этот джентльмен до мозга костей равняет себя с подонками, опускаясь на самое дно по причине пьянства и деградации моральной, интеллектуальной и физической".

Это безумие, вся его сила и мощь, осознавались Эдгаром По и даже частично отразились в его прозе. В рассказе "Бес противоречия", вышедшем в июле 1845 года в "Грэхемс мэгэзин", он напрямую написал: "Стремление к благосостоянию должно быть возбуждено одновременно с любою разновидностью "воинственности", но в том, что я называю противоречивостью, не только не возникает стремление к благосостоянию, но нами движет, и весьма сильно, чувство прямо противоположное… Всякий, кто доверчиво и внимательно вопрошает свою душу, не будет отрицать, что особенность, о которой идет речь, безусловно, коренная черта. Она непостижима столь же, сколь и очевидна. Неясный порыв вырастает в желание, желание — в стремление, стремление — в неудержимую жажду, и жажда эта (к глубокому огорчению и сожалению говорящего), несмотря на все могущие возникнуть последствия, удовлетворяется… Можно рассматривать подобные поступки как нам вздумается, и все равно будет ясно, что исходят они единственно от духа Противоречия. Мы совершаем их, ибо чувствуем, что не должны их совершать. Никакого объяснимого принципа за ними не кроется; и, право, мы могли бы счесть это стремление поступать наперекор прямым подсказом нечистого, ежели бы порою оно не служило добру… Так вы с легкостью увидите, что я — одна из многих неисчислимых жертв Беса Противоречия".

Насколько По мог быть внимателен и великодушен к другим авторам в трезвом виде и насколько он становился мелочен, жесток и непереносим — в пьяном, доказывает история, случившаяся с публикацией стихов молодого поэта Ричарда Генри Стоддарда. Сначала Эдгар По с охотой принял его

стихотворение "Греческая флейта" к изданию в "Бродвей джорнэл", но потом разразился жестким заявлением в печати, по сути обвинив Стоддарда в плагиате. (Вновь проявился постоянный пунктик По, на котором он словно бы зациклился в своей литературной критике.) Когда же Стоддард лично пришел в редакцию, чтобы объясниться, то он встретил там Эдгара По, "вспыльчивого и неприветливого", с ходу принявшегося кричать на молодого автора и даже угрожать ему избиением. При этом поэт был настолько пьян, что периодически отключался и засыпал в своем кресле.

Эдгар По почти не выходил из постоянной депрессии и даже начал подумывать о том, чтобы оставить должность редактора в "Бродвей джорнэл". Впрочем, его партнеров это уже особенно не огорчало. Совладелец журнала Ч.Ф. Бриггс напрямую заявлял: "Я выкину его имя из журнала. В последнее время он вернулся к старым привычкам, и боюсь, непоправимо вредит себе".

Единственным заметным утешением в этой обстановке алкогольных срывов и скандалов стал выход в свет 25 июня 1845 года однотомника Эдгара Аллана По под самым неоригинальным названием на свете — "Рассказы". В него вошли "Золотой жук", "Черный кот", "Месмерическое откровение", "Страницы из жизни знаменитости", "Падение дома Ашеров", "Низвержение в Мальстрем", "Беседа между Моносом и Уной", "Разговор между Эйросом и Хармионой", "Убийство на улице Морг", "Тайна Мари Роже", "Украденное письмо" и "Человек толпы".

Книга вызвала похвалы в печати, в том числе и в "Американ ревью", где ее охарактеризовали как "одну из самых оригинальных, самых своеобразных книг, когда-либо напечатанных в Соединенных Штатах". "Рассказы" неплохо расходились, и за четыре месяца было продано целых пятнадцать тысяч экземпляров. Впрочем, сам автор на этих продажах заработал только сто долларов.

Также лето 1845 года стало временем одного из первых платонических романов Эдгара По, вызывавших куда больше сплетен, нежели позволяла реальность, стоящая за ними. Писатель, обладавший ярко выраженным актерским темпераментом, пытался подражать архетипу поэта, в качестве которого в первой половине девятнадцатого века вся образованная публика воспринимала исключительно лорда Байрона. Легкие победы над женщинами, частые и скандальные романы — именно этого общество ждало от прославившегося автора "Ворона", и По, возможно подсознательно, этим побуждениям пытался соответствовать. Впрочем, стоит еще раз подчеркнуть — сплетни преувеличивали реальность в сотни, если

не в тысячи раз, и на самом деле По гак и оставался верным супругом своей несчастной Вирджинии.

Например, исключительно платонической была любовная связь, установившаяся в середине сороковых годов XIX века между Эдгаром По и массачусетской поэтессой Фрэнсис Сарджент Осгуд. Миссис Осгуд, супруга художника Сэмюэля Осгуда, была признанной красавицей, которую современники описывали так: "Обладая нравом пылким, чувствительным и порывистым, она самым существом своим воплощает правдивость и честь. Эта жрица прекрасного, с душой столь безыскусной, что все в ней, кажется, дышит искусством, снискала необычайное восхищение, уважение и любовь. Что до внешности, то это женщина среднего роста, стройная, пожалуй, даже хрупкая, исполненная грации и в движении, и в покое; обычно бледная, с блестящими черными волосами и большими, лучистыми, необыкновенно выразительными серыми глазами".

Сам По также особенно отметил в ее облике "черные блестящие волосы, лучистые серые глаза — большие и удивительно выразительные".

Эдгар По познакомился с Фрэнсис Осгуд в Нью-Йорке 28 февраля 1845 года, после прочтения лекции об американской поэзии в нью-йоркской общественной библиотеке. Он еще и до знакомства высоко оценил ее дарование, а позднее некоторые из стихов миссис Осгуд были им опубликованы на страницах "Бродвей джорнэл".

Фрэнсис Осгуд

Между поэтом и поэтессой завязалась дружеская переписка, а затем установилось и тесное личное общение, постоянно балансировавшее на грани перехода к более серьезным чувствам. Во всяком случае, Томас Данн Инглиш, не единожды наблюдавший Эдгара и Фрэнсис вместе на литературных собраниях, отмечал, что "малышка миссис Осгуд совершенно по-детски… не сводит глаз с По".

И все же эти глубокие дружеские чувства явно оставались только дружескими. Иначе бы к ним не отнеслись настолько спокойно ни Сэмюэль Осгуд, ни Вирджиния. Жена поэта даже сумела подружиться с якобы любовницей своего супруга и всегда радостно приветствовала Фрэнсис Осгуд, когда та посещала нью-йоркскую квартиру По.

В воспоминаниях миссис Осгуд оказался зафиксирован один любопытный эпизод, случившийся во время одного из этих визитов. Тогда Фрэнсис Осгуд увидела, как По работал над очерками о нью-йоркских литераторах. Написанное он, как обычно, склеивал в длинные свитки, состоявшие из узких бумажных полос. Один из этих свитков выглядел самым

длинным, и По позвал Вирджинию помочь ему развернуть его. Написанная статья растянулась аж на всю комнату, и Фрэнсис Осгуд с удивлением спросила, кому посвящен столь длинный текст. Тогда По воскликнул: "Только послушайте ее, можно подумать, ее тщеславное сердечко ничего ей не подсказало!" И поэт, и Вирджиния громко рассмеялись. Эта огромная статья действительно была посвящена творчеству Фрэнсис Осгуд.

К сожалению, со временем идиллия творческой дружбы двух поэтов оказалась прервана. То ли По действительно стал добиваться чего-то большего (что сомнительно), то ли сплетни, распространявшиеся нью-йоркскими кумушками, становились всё более злобными, но миссис Осгуд решила покончить с двусмысленным знакомством раз и навсегда. В 1847 году она переехала в Филадельфию. И хотя переписка с По не прервалась, встречаться они перестали. Фрэнсис Осгуд ненадолго пережила влюбленного в нее поэта — 12 мая 1850 года она умерла от туберкулеза — болезни, чья мрачная тень легла на многие страницы жизненной истории Эдгара Аллана По.

Как это уже не единожды случалось в жизни поэта, в середине сороковых годов творческие неудачи сопровождались продолжительными запоями. Становившийся в таком состоянии раздражительным и неуправляемым, По был склонен к выходкам, нарочито эпатировавшим публику. Одной из таких эскапад поэта стало выступление в Бостонском лектории 16 октября 1845 года. Собственно говоря, никто и не ждал от Эдгара По особенных ораторских усилий; публика надеялась, что он всего лишь прочитает какое-нибудь новое стихотворение после завершения лекции дипломата и политика из Массачусетса Калеба Кушинга. Вместо этого поэт сначала долго и путано говорил о собственных поэтических принципах, а потом, к вящему удивлению собравшихся, произнес отрывок из "Аль-Араафа" — поэмы, мягко говоря, меньше всего пригодной для общественных декламаций. И только когда возмущенный гул слушателей уже готов был прерваться недовольными воплями, По остановился и прочитал "Ворона", чем на время утихомирил гнев собравшихся.

К несчастью, на этом скандальная история не закончилась — выпивая вечером вместе с приятелями из Бостона, По демонстративно заявил, что его выступление было задуманным розыгрышем, а "уважаемые бостонцы" были вынуждены прослушать строки, которые поэт якобы написал еще в одиннадцать лет. Сплетня об этом разошлась моментально, и на следующий день редактор "Бостон ивнинг транскрипт" Корнелия Уолтер активно возмущалась выходкой заезжей знаменитости: "Поэма, прочитанная перед литературным сообществом взрослых

людей, написана мальчиком! Позор! По-зор!" По тут же подлил масла в огонь, заявив на страницах "Бродвей джорнэл" буквально следующее: "Мы любим Бостон. Мы родились там — и вряд ли стоит говорить о том, что в глубине души мы стыдимся этого… у бостонцев нет души". Вдобавок он еще и заметил: "Вряд ли можно было предположить, будто мы дадим себе труд сочинить для бостонцев нечто оригинальное… хватит им и того, что они получили". В полемическом задоре поэт явно забыл о завете его матери, начертавшей на подаренной сыну картине с изображением бостонской гавани: "Для моего маленького сына Эдгара, который должен полюбить Бостон, место его рождения, где его мама нашла своих лучших друзей".

Эта непродуманная выходка, вначале, возможно, показавшаяся Эдгару По даже забавной, сильно подпортила ему имидж. Количество его недоброжелателей только увеличилось, а за поэтом все больше и больше стала закрепляться репутация обманщика, скандалиста и пьяницы.

В 1845 году не внушала особого оптимизма и литературная деятельность По. На ее фоне появилось лишь одно заметное "светлое пятно" — 19 ноября поэту удалось выпустить в издательстве "Уили и Патнэм" поэтический сборник ""Ворон" и другие стихотворения". В книгу вошли не только недавние стихи, такие как собственно "Ворон", "Спящая", "Лелли", или "Город на море", но и стародавние поэмы "Тамерлан" и "Аль-Арааф". Однако, как и в случае с предыдущими стихотворными подборками По, книга не вызвала ни одобрения у критиков, ни ажиотажа у читателей. Сборник продавался из рук вон плохо, а в печати о нем отзывались как о собрании "несовершенных стихотворений", "стихах поверхностных или абсурдных" и даже "бреде преждевременно возбужденного мозга".

Крахом закончилась и давно лелеявшаяся По идея собственного журнала. При этом ему даже не надо было начинать все с нуля — его партнеры по "Бродвей джорнэл", разочаровавшись в перспективах издания, да и в самом Эдгаре По, были готовы уступить ему владение еженедельником. Один из совладельцев и редакторов — Чарльз Бриггс — теперь напрямую называл бывшего коллегу "ничтожеством", "пьяницей", "самым большим эгоистом на свете". Однако По вначале впал в состояние почти эйфории и безумных надежд на будущее, узнав о желании остальных совладельцев выйти из дела. Он писал: "В результате бесконечных маневров, почти непостижимо для себя самого, я преуспел, последовательно избавляясь от моих партнеров". Поэт был уверен, что поведет "Бродвей джорнэл" к светлому и прибыльному грядущему, где уже не будет мешавших

ему соредакторов.

Но лучше вместо интриг по устранению других совладельцев По более усердно занимался бы собственным прозаическим и поэтическим творчеством. Журнал с самого начала единоличного владычества поэта стал приносить откровенные убытки, Эдгару По пришлось уменьшить его объем, резко снизить гонорары и в итоге почти полностью заполнять его страницы собственными сочинениями да опусами знакомых и приятелей. Так, в ноябре и декабре 1845 года на страницах "Бродвей джорнэл" появились такие тексты По, как "Очки", "Повесть Крутых гор", "Четыре зверя в одном", "Продолговатый ящик" и "Правда о том, что случилось с мсье Вальдемаром". И все это были переиздания.

День ото дня финансовое положение журнала становилось всё более сложным и запутанным, и в итоге По пришлось отказаться от единоличного правления — 3 декабря 1845 года он продал половину доли в "Бродвей джорнэл" Томасу Лейну, издателю и таможенному чиновнику из Нью-Йорка. К этому моменту поэт дошел до такой степени нервного истощения, что честно признавался: "В первый раз за последние два месяца я чувствую себя самим собой — отвратительно больным и в депрессии, но все-таки самим собой. Словно я очнулся от ночного кошмара… По правде говоря, я подозреваю, что был безумен".

Результат не замедлил проявиться обычным для По образом — в конце декабря 1845 года у него начался очередной запой. Это тоже не улучшило положения дел в журнале, и 3 января 1846 года Томас Лейн объявил о закрытии "Бродвей джорнэл". По даже не попытался спасти свое неудачное детище — его единственная попытка создать собственный "идеальный журнал" ушла в прошлое. Он лишь опубликовал в последнем номере следующее обращение: "Прощальное слово к читателям. Ввиду неотложных дел, требующих моего полного внимания, а также учитывая, что цели, ради которых был создан "Бродвей джорнэл", в том, что касается моего личного участия, достигнуты, я хотел бы настоящим проститься с друзьями, равно как и с недругами, пожелав и тем и другим всяческих благ. Эдгар А. По".

Неудачи больно били по поэту, но он старался "держать удар", стремясь выглядеть перед окружающими сильным и несокрушимым человеком. Удавалось это всё хуже и хуже. Поэт Ричард Стоддард вспоминал, что как-то встретил По в Нью-Йорке "пасмурным осенним днем, уже клонившимся к вечеру. Внезапно полил сильный дождь, и он укрылся под каким-то навесом. Со мной был зонтик, и первым моим побуждением было предложить По дойти вместе со мной до дома, но что-то — разумеется, не равнодушие — остановило меня. Я пошел своей дорогой, оставив

его там, под дождем — бледного, дрожащего, несчастного…"

Однако столь же часто поэта встречали совсем другим — "злым, угрюмым, пьяным" (по словам того же Стоддарда). Эдгар Аллан По всё больше и больше превращался в литературного изгоя и отщепенца.

И своими очередными поступками, в том числе и в журналистской сфере, он только упрочивал эту репутацию. Весной 1846 года По засел за несколько обзорных статей о местных литераторах, позднее названных им "Писатели Нью-Йорка: несколько беглых заметок, содержащих честные оценки их авторских достоинств и кое-что о них самих". Предназначались эту тексты, которые Эдгар По ранее планировал назвать "Американский Парнас", для издания в филадельфийском журнале "Годис лейдис бук". В этих заметках он дал волю своей желчи и ярости, с ненавистью обрушиваясь на то, что По поименовал "прогнившей сущностью нашей повседневной критики". Сказать, что он был до конца необъективен, значит исказить реальность. Многие из упомянутых им литераторов заслуживали и не таких жестких характеристик. Но в ряде других случаев По все-таки переходил грань и объективности, и даже просто честной журналистики, опускаясь до откровенных ругательств и лжи.

Так, он писал, что известный литератор Льюис Гейлорд Кларк, редактор журнала "Кникербокер", "нерешителен, невнятен и бесхребетен — у яблока или тыквы больше углов… Он ничем не проявил себя в современном мире и ничем не примечателен, разве что тем, что ничем не примечателен". По не только печатно изругал своего старого знакомого и даже бывшего друга Томаса Данна Инглиша, но и заявил, что лично с ним никогда не был знаком. Досталось и другим писателям, поэтам и критикам — например, Чарльзу Бриггсу.

Публика с жадностью набросилась на критические заметки По, а литературный истеблишмент Нью-Йорка пришел в неописуемую ярость.

Обиженный Льюис Гейлорд Кларк поспешил написать в "Кникербокере", что Эдгар Аллан По "ничтожный пьяница", и рассказал: "Третьего дня По пришел в нашу редакцию в жалком состоянии полного отупения, и нездоровая его внешность несла на себе свидетельства неправильного образа жизни, да и говорил он довольно невразумительно… Сопровождала его пожилая родственница, которая устала ходить по жаре, но следовала за ним шаг в шаг, чтобы помешать ему напиться; однако он каким-то образом ухитрился уйти от ее недреманного ока и уже был сильно навеселе". Другие газетные выпады были ничем не лучше

— Томас Данн Инглиш напрямую обвинил Эдгара По в мошенничестве, обмане и плагиате. Не побрезговал он в ходе своих нападок и неприкрытой клеветой: "Другой поступок г-на По помог мне узнать его еще лучше. Некий нью-йоркский коммерсант обвинил По в подлоге, и тот явился ко мне за советом, как наказать обидчика. И поскольку у него не хватало смелости вызвать этого господина к барьеру или дать ему достойную отповедь, я предложил ему возбудить судебное дело как единственно остающуюся возможность. По его просьбе мной был найден поверенный, который, из уважения ко мне, согласился взяться за дело, не требуя обычного в таких случаях задатка. Сперва г-н По горел желанием немедля начать процесс. Однако, как только настало время действовать, пошел на попятную, по существу признав тем самым справедливость обвинения".

Это было уже явным перебором, и По поспешил наказать подставившегося бывшего приятеля — он подал в суд на газету "Нью-Йорк миррор", напечатавшую выпады Инглиша. (Кстати, в феврале 1847 года суд поэт выиграл и даже получил 492 доллара компенсации за моральный ущерб. Позднее Томас Инглиш отомстит Эдгару По, вновь изобразив его никчемным пьяницей в своем романе "1844". Там он выведет его под псевдонимом "критик Мармадьюк Молот", про которого напишет, что "он никогда не напивается больше пяти дней из семи; говорит правду лишь по ошибке; имеет моральное мужество, достаточное, чтобы избивать жену, когда он думает, что она этого заслуживает, а иногда и просто так… Он никогда не бывал трезвым более двадцати четырех часов подряд".)

На фоне этих литературных дрязг вновь ухудшилось состояние Вирджинии. Возобновились горловые кровотечения, и По решил, что его жене будет полезнее пожить вне Нью-Йорка, с его гарью, смогом и чадом. Вначале семья поэта какое-то время снимала дом у Ист-ривер, а в конце мая 1846 года Эдгар По вместе с женой и тещей перебрался в Фордхем, деревню, находившуюся в двадцати километрах севернее Нью-Йорка.

Герви Аллен четко описывает новое пристанище семьи По: "В сороковые годы прошлого века Фордхем был маленькой сонной деревушкой, вытянувшейся вдоль старого проезжего тракта Кингсбридж Роуд. Местечко брало начало от заложенного там в 1676 году крупного поместья. Коттедж, в котором поселились По, размещался на треугольном участке земли площадью около акра как раз там, где Кингсбридж Роуд поворачивала на восток, к деревне. В этом небольшом домике с широкими дверями и забранными частым переплетом окнами было четыре комнаты —

по две на каждом этаже, кухня с открытым очагом и пристройка для скота. Спереди — маленькая веранда, "увитая побегами жасмина и жимолости и уставленная горшочками с дивными цветами", как писал По. Он вспоминает также "яркую зелень тюльпановых деревьев, частично затенявших дом, и идущие от него в разные стороны дорожки, выложенные большими и гладкими, неправильной формы гранитными плитами… утопающими в чудесном мягком дерне, не плотно пригнанными, с пробивающимся в частых промежутках бархатистым мхом". Крыша была в ту пору из темной сосновой дранки.

Самая просторная общая комната, где обычно работал По, находилась на первом этаже. "Ее обстановку составляли круглый стол, несколько стульев, кресло-качалка и диван или скорее даже кушетка". К общей комнате примыкала крошечная спальня миссис Клемм, куда позднее положили больную Вирджинию. Две комнаты наверху были отведены для По и Вирджинии.

Окрестности были очень живописны. Обращенный фасадом на запад, дом стоял на невысоком холме вблизи дороги. В маленьком дворике росли кусты сирени и раскидистая вишня. С севера к дому почти вплотную подступала небольшая рощица и яблоневый сад. С поросшего травой южного склона холма, сбегавшего к берегу мелководной речушки Милк-крик, открывался вид на привольно раскинувшиеся вдали фермерские угодья".

При этом жизнь семейству По приходилось вести самую скромную. Громкий скандал с "Писателями Нью-Йорка" не принес поэту сколько-нибудь значительных денег. Для ежедневной еды Марии Клемм приходилось па чужих полях копать кормовую репу или собирать одуванчики для салата. При этом она делала хорошую мину при плохой игре, говоря соседям, будто "Эдди очень их любит". Теща поэта прибегала и к испытанным трюкам со старой корзиной для продовольствия от сердобольных "добрых самаритян", и к мелким займам у посетителей, приезжавших по литературным делам к ее зятю.

А состояние Вирджинии неуклонно ухудшалось. Однажды соседка четы По, проходившая мимо их домика, заметила, как поэт и его жена собирают вишни. И вдруг Вирджиния закашлялась, а ее платье вдруг покрылось "алой кровью, такой же яркой, как вишни, которые она ловила". Лекарства, видимо, помогали ей всё хуже, и По в ужасе ждал приближавшейся неизбежной развязки. Он-то, в отличие от многих из окружения поэта, прекрасно понимал, какую роль Вирджиния играет в его жизни. В одном из писем Эдгар По заявил прямо: "Моя милая жена — мой самый главный и единственный стимул в настоящее

время. Вот я и сражаюсь с этим жестоким, негодным и неблагодарным миром".

При этом его собственное здоровье также не внушало оптимизма. Поэт не обращался к врачам, но, видимо, на давнюю болезнь сердца наложилась еще какая-то тяжелая хворь, о которой тут же поползли вздорные слухи. В балтиморском "Сатэрдей визитер" даже было сообщено, что Эдгар Аллан По "доработался до такого умственного расстройства, что его пришлось поместить в клинику в Ютике". Это был, конечно, вздор, и все же состояние По было далеко от идеала. Он даже не смог участвовать в публичных чтениях, проводившихся в университете Вермонта, объяснив отказ "серьезной и, боюсь, неизлечимой болезнью".

Однако если собственные недомогания поэт еще мог надеяться одолеть, то состояние Вирджинии к декабрю 1846 года выглядело просто безнадежным. Надо отдать должное нью-йоркской публике — узнав о бедствиях семьи По, многие пытались ей помочь, организовав сбор денег; некоторые сами отправлялись в Фордхем, чтобы поддержать поэта и его умирающую жену. Среди этих добродушных сочувствующих были миссис Мэри Гоув-Никольс и миссис Мэри Луиза Шю, известные своей благотворительностью и помощью неимущим и больным.

Миссис Гоув-Никольс так описывала Вирджинию По в последние дни ее жизни: "Она лежала у себя в спальне. Во всем были заметны такая безупречная чистота и порядок и одновременно такая нищета и убожество, что вид несчастной страдалицы вызвал во мне ту щемящую жалость, какую способны испытывать лишь бедняки к беднякам.

На соломенном матраце не было чехла — только белоснежное покрывало и простыни. Погода стояла холодная, и больную сотрясал страшный озноб, которым обычно сопровождается чахоточная лихорадка. Она лежала, укутавшись в пальто мужа и прижав к груди большую пеструю кошку. Чудное животное, казалось, понимало, какую приносит пользу. Пальто и кошка только и давали тепло бедняжке, если не считать того, что муж согревал в ладонях ее руки, а мать ноги. Миссис Клемм нежно любила дочь, и было больно видеть горе, которое причиняли ей болезнь и бедственное положение Вирджинии".

Жене поэта с каждым днем становилось все хуже, ее била постоянная лихорадка, она непрерывно кашляла кровью, испытывая жестокие боли. Но она держалась удивительно твердо, стараясь подбодрить мужа, который, как уверяли очевидцы, словно бы пребывал "в ступоре", походя на человека, который "не живет, не мучается, а просто существует".

Свидетелем последних дней в жизни Вирджинии стала и Мэри Дженнинг, некогда возлюбленная поэта, а теперь вполне респектабельная дама из Нью-Джерси. Она тоже приехала в Фордхем, чтобы помочь По деньгами, и застала его супругу уже на краю смерти. Позднее она вспоминала: "За день до смерти Вирджинии я нашла ее в гостиной. "Не лучше ли вам сегодня?" — спросила я ее, садясь рядом с большим креслом, в котором она устроилась. С другой стороны от нее сидел г-н По. Она взяла мою руку и вложила ее в руку По, сказав: "Мэри, будьте другом Эдди и не покидайте его. Ведь он всегда вас любил, правда, Эдди?" Миссис Клемм хлопотала на кухне, и, кроме нас троих, в комнате никого не было".

30 января 1847 года в Фордхем приехала и миссис Мэри Шю. Она и Мэри Дженнинг еще успели поговорить с умирающей, чтобы хоть как-то ее поддержать. Но вскоре началась агония, и в тот же день Вирджиния По скончалась.

Тогда же выяснилось, что за всю жизнь никто не удосужился нарисовать портрет несчастной, и кто-то из присутствовавших быстро набросал на листе бумаги лицо скончавшейся женщины. Так появился единственный портрет супруги Эдгара Аллана По, который дошел до нас и который публикуется во всех биографиях поэта.

Денег на похороны, кончено же, не было, и миссис Шю оплатила всё необходимое, даже покупку савана. Место для погребения предоставили соседи По, семья Валлентайнов, на фамильном участке фордхемского кладбища близ старой голландской реформатской церкви.

2 февраля 1847 года немногочисленная погребальная процессия отправилась под холодным, пронизывающим ветром к свежевырытой могиле. Эдгар По шагал за гробом супруги, кутаясь в потрепанную шинель курсанта Вест-Пойнта и тщетно пытаясь унять бившую его дрожь. Он стоял у могилы своей верной возлюбленной, пока ее не закидали землей, а когда вернулся домой, то упал в постель, как сраженный внезапным ударом. У поэта началась тяжелая горячка, переходившая в настоящее безумие. Герви Аллен отмечает: "Некоторое время после смерти Вирджинии По был так болен, что совсем не покидал Фордхем. У миссис Клемм, проведшей долгие годы в заботах о больной дочери, теперь оказался на руках новый пациент, который не выжил бы, если бы не она и миссис Шю. Миссис Клемм рассказывала, что По лишился сна; ночная тьма и одиночество доводили его до безумия. Она часами сидела у его постели, положив руку ему на лоб, но, когда, думая, что он уже уснул, поднималась, чтобы уйти, слышала его шепот: "Нет, Мадди, нет,

побудь еще!""

Со смертью Вирджинии, словно бы оборвалась самая крепкая нить, привязывавшая поэта Эдгара Аллана По к бренной жизни на этой земле.

Глава 6
К ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЕ

Эдгар По едва не умер после кончины Вирджинии. Нервное и психическое истощение, судя по всему, наложилось на воспаление легких, которое он подхватил на похоронах. Безумие, охватившее поэта, никак не способствовало его выздоровлению, а напротив, вело к тому, чтобы как можно быстрее загнать По в могилу. Позднее он писал о случившейся с ним болезни так: "Меня переполняла такая мучительная боль, что несколько недель я не мог ни думать, ни даже двигаться".

В очередной раз поэта спасли "добрые самаритянки" — не только Мария Клемм, которая постоянно ухаживала за больным зятем, но и миссис Мэри Шю. Она периодически навещала поэта в Фордхеме, особенно когда его состояние зримо ухудшалось. Мэри Шю даже пыталась сводить его в местную церковь, но выдержать долгую службу По не смог и быстро покинул храм.

Во время приступов горячки поэт бредил и рассказывал миссис Шю воображаемые истории о своей жизни, вроде байки про то, как он дрался на дуэли во Франции (где Эдгар По никогда не был). Или про то, что он написал роман "Жизнь несчастного художника", который издатели приписали французскому романисту Эжену Сю. Трудно сказать, чего больше во всех этих бреднях — желания покрасоваться перед симпатичной женщиной или просто неконтролируемой работы больного мозга.

Но постепенно кризис миновал, и состояние больного поэта заметно улучшилось. Неизвестно, сопровождался ли этот приступ безумия очередным запоем, но после него, как это нередко бывало в судьбе По, наступил период полнейшей трезвости и ясности.

Поэт вновь начал охотно принимать гостей и прогуливаться с ними, беседуя, по берегу Бронкс-ривер. Через несколько месяцев после смерти Вирджинии Эдгар По написал, что ранее он "пил до умопомрачения и почти разуверился в возможности излечения, которое пришло тем не менее вместе со смертью жены". В другом письме По заметил, что ему "еще никогда не было так хорошо… Я встаю рано, ем немного, не пью ничего, кроме воды, и постоянно занимаюсь физическими упражнениями на свежем воздухе". Конечно, во многом это была попытка подбодрить самого себя, сделать хорошую мину при плохой игре. К тому же показательно, что в отсутствие Вирджинии период трезвости не продлился слишком долго.

Беспочвенно надеясь, что у него начался новый этап в жизни, летом 1847 года По вернулся к иллюзорным мечтам о создании собственного литературного журнала. (Как будто горького урока с единоличным владычеством над "Бродвей джорнэл" ему было мало.) Он попытался найти новых потенциальных подписчиков в Вашингтоне и Филадельфии, куда отправился в конце июня 1847 года. Поездка была скорее разочаровывающей, и в итоге краткий период подъема жизненных сил сменился запоем. Позднее По писал приятелю в Филадельфию, что был "ужасно болен — настолько, что единственное, о чем я мечтал, это добраться до дому". Возможно, По даже пережил сердечный приступ, учитывая его застарелые недомогания.

Во время очередного приступа работоспособности поэт неожиданно задумал философский трактат, якобы способный объяснить все тайны Вселенной. Основные идеи, на которых должно было базироваться это произведение, Эдгар По анонсировал во время публичного выступления 3 февраля 1848 года в научной библиотеке в Нью-Йорке. По был в ударе и, несмотря на, мягко говоря, не слишком сенсационную тему, заставил публику восторженно его слушать. Один из свидетелей выступления, Мансвелл Б. Фильд, утверждал, что у поэта его поразило "бледное, тонкое, умное лицо и потрясающие глаза. Его лекция была подобна великолепной рапсодии. Он появился как само вдохновение и заразил своим вдохновением аудиторию. Изящное тело плотно обхватывал аккуратно застегнутый сюртук".

Успех лекции и положительные отзывы на нее в печати подхлестнули вдохновение По. Он покрывал своим четким и аккуратным почерком страницу за страницей и в конце апреля 1848 года смог предоставить нью-йоркскому издателю Джорджу П. Патнему рукопись трактата, получившего название "Эврика". Позднее Патнем вспоминал, что во время встречи поэт "сидел за столом и целую минуту смотрел на меня сверкающими глазами, прежде чем сказал: "Я — мистер По". Конечно же, я весь обратился в слух, так как был самым искренним образом заинтересован". По был настолько убежден в гениальности своего трактата и до такой степени оторвался от реальности, что с ходу предложил Патнему выпустить книгу тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Издатель прежде решил повнимательнее взглянуть на текст и по зрелом размышлении снизил предложенный По тираж ровно в сто раз — 11 июля 1848 года "Эврика" вышла в свет тиражом 500 экземпляров и продавалась за 75 центов.

Из всех произведений По "Эврика" является наименее читаемой и в наибольшей степени непонятной. Пытаясь представить собственный взгляд на происхождение и сущность

Вселенной, По сотворил хаотичное и темное по смыслу сочинение. Так что в определенной степени Эдгара Аллана По можно считать и родоначальником специфической американской философии с ее удивительной невнятностью и неконкретностью. (И в подобном высказывании нет никакой клеветы или предубежденности. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать Д. Сантаяну, считающегося чуть ли не самым великим философом в истории США).

В "Эврике" По продемонстрировал явную наклонность к мистическому и философскому пантеизму Он замечал: "Я не так уверен в том, что говорю и вижу, что у меня бьется сердце и жива душа… как уверен в непреложности того факта, что все вещи и все идеи вещей во всей бесконечной множественности их связей в некий момент родились из первичного и абсолютного по своей сути единства… И этому возвращению к первоначальному единству, во чрево, то есть процессу, о котором мы рискнули здесь заговорить, суждено повторяться вечно и вечно; будет являться новая Вселенная, а потом разлетаться вдребезги, превращаться в ничто по знаку и в унисон с биением Святого Сердца. Святое Сердце — что это такое? Это мы сами".

Неудивительно, что подобный трактат вызвал недоумение как обычной публики, так и "профессиональных читателей" — отзывы рецензентов в газетах и журналах на новое произведение По были крайне сдержанными, а то и откровенно враждебными.

В то же время очередные приступы пьянства весьма осложнили отношения Эдгара По с миссис Мэри Шю. Она по-прежнему безропотно помогала ему в трудных обстоятельствах, как, например, в ситуации, когда как-то сильно перебравшего По забрали в полицию. Она даже отправила ему на помощь врача, после чего, "обнаруженный смертельно пьяным на руках полицейских, он был отвезен домой в Фордхем (одиннадцать миль), где его ждала несчастная миссис Клемм". Но становилось ясно, что пьяные выходки поэта с каждым разом лишь приближают день его окончательного разрыва с "доброй самаритянкой" из Нью-Йорка.

Последняя фотография Э.-А. По

Не устраивали миссис Шю и новые философские воззрения По, столь явственно выразившиеся в "Эврике". Тем более что устно он позволял себе и еще более жесткие высказывания, в глазах Мэри Шю граничившие с кощунством. Например, ее хороший знакомый, преподобный Джон Генри Хопкинс, уверял, что во время одного из разговоров с ним По будто бы заявил: "Все мое существо восстает при мысли о пребывании в космосе некоего существа, которое превосходит меня". И преподобный добавлял: "Не похоже, чтобы По был христианином". Джон Хопкинс также переписывался с поэтом об "Эврике" еще до ее публикации, жестко критикуя те положения трактата поэта, которые выглядели пантеистически.

В конце концов миссис Шю перестала навещать По и отправила ему прощальное письмо. Он отозвался настоящим воплем отчаяния: "Горе мне! Без верной, нежной и чистой женской любви я вряд ли протяну еще один год!.. Слишком поздно, неумолимая, жестокая волна влечет вас прочь. Наверное, малодушие писать вам подобное, однако для меня это не просто испытание, а испытание страшное".

Впрочем, разрыв дружеских отношений с миссис Шю не раздавил По морально. Более того, в его жизни наступил странный период непонятных параллельных романов и полной

неразберихи в отношениях с влюбленными в него женщинами. В очередной раз пытаясь в личной жизни подражать Байрону, Эдгар Аллан По породил лишь новую волну слухов и клеветы в отношении себя.

А еще можно предположить, что различные романы, вызывавшие столько шума и не приводившие ни к чему, По затевал, чтобы подхлестнуть собственное воображение. Ведь именно в это время он продолжал писать стихи, причем некоторые из них явно лирического плана. Осенью 1847 года создается "Улалюм", в конце весны 1848 года — стихотворение "Звон" ("Колокола"), в том же году — "Строки в честь эля" и "К Елене". После написания "Эврики" у По будто бы с новой силой оживилась его первая творческая страсть. Оживилась блистательно и успешно.

После разрыва с миссис Мэри Шю у поэта едва не возник роман с молодой поэтессой Джейн Эрминой Локк, проживавшей в Лоуэлле (штат Массачусетс). Однако из этого мимолетного увлечения ничего не вышло, тем паче что миссис Локк была еще и вполне счастливо замужем. Зато она познакомила Эдгара По со своей подругой Энн (Нэнси) Ричмонд, сразу же очаровавшей поэта. Позднее По описал ее в рассказе "Домик Лэндоры": "Не обнаружив ничего похожего на звонок, я легонько постучал в полуоткрытую дверь тростью. И тотчас же на пороге появилась фигура — молодая женщина лет двадцати восьми — стройная или скорее даже хрупкая, немного выше среднего роста. Видя, как она приближается с какой-то не поддающейся описанию сдержанной решимостью, я сказал себе: "Вот поистине грация, чуждая всякого искусства, — напротив, совершенная самой своей естественностью". Второе впечатление, произведенное ею на меня, но гораздо более глубокое, нежели первое, было впечатление одухотворенности. Столь ярко выраженная, я бы сказал, возвышенность чувств или неземная отрешенность, как та, что светилась в ее глубоких глазах, никогда еще не проникала в самые сокровенные уголки моей души. Не знаю почему, но это особенное выражение глаз, а порою и губ таит в себе самое сильное, если не единственное очарование, способное привлечь меня к женщине".

Несмотря на то что Энн Ричмонд также была замужем за местным бизнесменом, ей явно льстило внимание со стороны известного поэта. А По предпринимал значительные усилия, чтобы расположить красавицу из Лоуэлла к себе.

Но, как ни странно, при таких, казалось бы, глубоких чувствах, охвативших Эдгара По, у него почти параллельно начали развиваться еще два, столь же бурных и столь же

платонических, романа. Когда в июле 1848 года По отправился в Ричмонд, чтобы попытаться найти подписчиков для "Стайлуса" среди старых друзей и знакомых, он неожиданно столкнулся с Эльмирой Ройстер. Подруга и возлюбленная времен его юности, браку с которой так безжалостно помешали ее отец и его отчим, ныне превратилась в красавицу-вдову миссис Шелтон. Эдгар По встретился с Эльмирой, и старые чувства вроде бы вспыхнули вновь.

Однако вскоре По пришлось уехать из Ричмонда, и в его жизнь вошла еще одна женщина — Сара Хелен Уитмен, которую ранее он знал только по ее творчеству. Эта поэтесса, постоянно проживавшая в Провиденсе, была очень колоритным персонажем. Биограф По Герви Аллеи так описал ее: "Жившая в Провиденсе (штат Род-Айленд) Хелен Уитмен была душой местного духовидческого братства. В ее руках сходились нити переписки с многочисленными друзьями и единомышленниками, на которых она имела немалое влияние. Прелестная, утонченная, туманно-загадочная и ускользающая, облаченная в покровы из легкого шелка, она являлась, защищаясь веером от чересчур резкого света дня, словно идеальное воплощение духовной женственности, и неслышно, едва касаясь земли изящными туфельками, проплывала мимо — следом, развеваясь, тянулся тонкий, как паутинка, шарф и едва ощутимый запах эфира, которым был пропитан ее платок. Жизнь, то есть жизнь реальная, казалась нестерпимо яркой этой "Елене из тысячи грез". "Ее уютные комнаты были всегда погружены в мягкий полумрак", а приглушить порою слишком острые переживания ей помогал эфир. Крепким здоровьем она никогда не отличалась. Страдая болезнью сердца, она не раз преждевременно сообщала в печальных и многозначительных прощальных письмах к друзьям о своей близкой и неминуемой кончине".

Сначала По вступил с Хелен Уитмен в переписку, но уже 21 сентября 1848 года он сумел приехать в Провиденс и лично представиться заочно околдовавшей его женщине. Отношения их развивались стремительно — на следующий вечер после первой встречи Хелен Уитмен представила его своим близким друзьям. При этом очевидец этого события, миссис Д.К. Барни, так описала поведение влюбленных: "По и Хелен были очень взволнованы. Одновременно встав, они оба очутились в центре залы. Увидев Хелен, он обнял ее, поцеловал. Некоторое время они не размыкали объятий, после чего он проводил ее на место. В полном молчании все наблюдали эту странную сцену". А буквально на следующий день на берегу Сиконк-ривер, на местном кладбище, Эдгар По предложил Хелен выйти за него

замуж. Впрочем, поэтесса оказалась не готова к столь стремительному развитию событий — она попросила время на окончательное решение, подчеркнув, что обязана заботиться о больной и престарелой матери.

Видимо, Хелен Уитмен все же пугала репутация По, которая, хоть и была злонамеренно испорчена недоброжелателями, все-таки кое в чем основывалась на правде. Во всяком случае, запойное пьянство поэта от окружающих скрыть было невозможно. После того как По уехал в Нью-Йорк, Хелен отослала ему вслед письмо с отказом, уверяя, что слишком слаба и стара для него. Миссис Уитмен в последнем случае заметно лукавила — ей исполнилось всего лишь сорок пять, и она была лишь на шесть лет старше автора "Ворона".

По не уступил и принялся бомбардировать Хелен письмами, в которых утверждал буквально следующее: "Я снова и снова прижимал ваше письмо к губам, дражайшая Элен, омывал его то слезами радости, а то — искреннего отчаяния… У меня больше нет цели в жизни — у меня осталось только одно желание — умереть". Однако создается впечатление, что эти монологи отчаяния были лишь частью игры в исступленную влюбленность, которую поэт затеял с самим собой и с Хелен Уитмен.

Во всяком случае, "разбитое сердце" ничуть не помешало ему не только встретиться с Энн Ричмонд в октябре 1848 года в Лоуэлле, но даже и поселиться у нее. Сестра миссис Ричмонд, Сара Х. Хейвуд, вспоминала, как "ранним осенним вечером, сидя возле камина, По внимательно глядел на мерцающие огоньки и в полной тишине держал за руку милого друга "Энни".

К несчастью, дальнейшие отношения По и с Хелен Уитмен, и с Энн Ричмонд начали всё больше и больше осложняться, приобретая оттенок настоящего безумия. Он метался от одной к другой, то признаваясь каждой женщине в любви, то советуясь о том, как лучше сочетаться браком с соперницей.

И при этом Эдгар По еще активно взбадривал себя настойкой опия. Конечно, в те времена она считалась вполне легальным лекарственным средством, и ее даже активно прописывали для "успокоения нервов". Однако безграмотность медиков девятнадцатого века не могла изменить свойства этой настойки, и безумие По от приема наркотиков только усугублялось.

Возобновились и его периодические, уже привычные многим запои. В начале ноября 1848 года, в истерическом состоянии, подогретом выпивкой, Эдгар По в очередной раз приехал в Провиденс, несколько раз пытался объясниться с Хелен Уитмен и, судя по всему, пробудил в ее душе сильный страх. Она вспоминала, что он "пугал меня, как никогда ничто не пугало… В

нем было что-то ужасное и величественное одновременно… Он приник ко мне с таким неистовством, словно хотел разорвать надетое на мне муслиновое платье". Поэт сумел потрясти не только саму Хелен Уитмен, но и ее мать, с этого момента ставшую жесткой противницей даже мысли о возможном браке ее дочери с Эдгаром По. 14 ноября 1848 года, получив от возлюбленной очередной отказ, По уехал в Нью-Йорк.

Сердечные потрясения в Провиденсе словно бы вызвали в его душе какую-то странную подвижку, и он вновь начал страдать от неразделенной любви к Энн Ричмонд. Из Нью-Йорка поэт отправил ей длинное письмо, полное эмоциональных признаний и невнятных высказываний: "Вы знаете, я люблю вас, как еще ни один мужчина не любил женщину… ах, моя дорогая Энни, моя милая сестра Энни, мой чистый прекрасный ангел — супруга души моей — пребывающая моей далее и навсегда на небесах — как изложить тебе горькие, горькие страдания, преследующие меня, оттого, что я тебя оставил".

В декабре 1848 года странный роман Эдгара По и Хелен Уитмен подошел к закономерному финалу, напоследок пережив еще одну кульминацию. 20 декабря По читал в лицее Франклина в Провиденсе лекцию о поэтическом принципе, куда, среди множества слушателей, пришла и Хелен. Неясно, когда она успела встретиться и переговорить с поэтом, но уже на следующий день близкие родственники с удивлением узнали, что она и ее возлюбленный решили немедленно обвенчаться. Единственное, чего Хелен требовала от Эдгара По, — чтобы он решительно бросил пить. Он обещал и, конечно же, не сдержал слово. Об этом сообщили Хелен, и разрыв стал неизбежен.

Герви Аллен так описывает сцену окончательного объяснения Хелен Уитмен и Эдгара По: "По пути домой Хелен сообщила По о том, что узнала, и в его присутствии распорядилась не печатать извещение об их бракосочетании. Она в отчаянии слушала его протесты и опровержения, вместе с тем не без облегчения сознавая, что, нарушив слово, По освободил и ее от данного обещания. Теперь она ясно понимала, что, вняв мольбам По спасти его, взяла на себя непосильный и, несмотря на всё, совершенно напрасный труд. Ни ему, ни ей этот союз не сулил ничего, кроме несчастий. В той мере, в какой знание прошлого позволяет предугадать будущее, можно не сомневаться, что опасения миссис Уитмен были вполне оправданны.

По ушел, и миссис Уитмен сообщила о случившемся матери. Эта дама, которой не терпелось спровадить По из города, к вечеру послала за ним, чтобы совершенно покончить с делом и вернуть бывшему жениху кое-какие бумаги. Миссис Уитмен и ее мать

приняли По в той самой гостиной, где он добивался взаимности Хелен. Вместе с По пришел Пейбоди, у которого он остановился. Утомленная мольбами и сетованиями По, миссис Уитмен готова была разрешиться истерикой или лишиться чувств.

Дрожащими руками она возвратила По его письма и другие бумаги и, обессиленная переживаниями, в изнеможении опустилась на кушетку, прижимая к лицу успокоительный платочек. По приблизился к ней, умоляя сказать, что это не последняя их встреча. Но миссис Пауэр пришла на помощь дочери, напомнив о времени отправления следующего поезда в Нью-Йорк, на который, как она горячо надеялась, По еще успеет. При этих словах По упал на колени, моля Хелен переменить решение".

Поэт вымолил у миссис Уитмен признание в том, что она продолжает его любить, но после его всё равно выставили за дверь. Ощущая себя "невыносимо оскорбленным", Эдгар По отправился в Нью-Йорк.

Разрыв оказался полным и окончательным. По еще пытался возобновить переписку с Хелен, но та упорно отказывалась общаться даже эпистолярно. Постепенно рвались духовные связи и с Энн Ричмонд, которой стали надоедать эмоциональные припадки поэта и его бесплодные и бессмысленные признания в любви. Странный "двойной" роман завершился ничем, и на смену ему должно было прийти новое чувство, которое в июле 1849 года полностью захватит Эдгара По в городе его детства.

Зимой 1849 года у поэта начался очередной период активной работы и, судя по всему, исключительной трезвости. Он даже написал Энн Ричмонд: "Не проходило и дня, чтобы я не написал страницу или три страницы".

Одной из дежурных дискуссий в истории изучения жизни писателя давно является спор о том, исчерпал ли он себя к моменту своей несчастной гибели или он мог бы создать еще множество ярких произведений. При всей малоосмысленности любых рассуждений в стиле "а что, если бы…" можно отметить, что По годами писал в странном ритме, где периоды редкой активности перемежались периодами запоев, пассивности или болезней. Вот и в последние месяцы перед смертью он продолжал вести себя точно гак же, ухитряясь при этом работать в самых разных литературных жанрах. В 1849 году им были доведены до совершенства начатые еще в 1847 году стихотворения "Звон" и "Аннабель Ли", безусловно относящиеся к числу его поэтических шедевров, множество рецензий и критических отзывов, очередной научно-фантастический рассказ-мистификация "Фон Кемпелен и его открытие" и причудливая история "Прыг-Скок" (другие

варианты перевода названия — "Лягушонок", "Хоп-фрог").

Последнее произведение можно рассматривать как "рассказ, содержащий аллегорию" (подобным подзаголовком По некогда сопроводил свою старую новеллу "Король-чума"). Главным героем "Прыг-Скока" выступает уродливый шут, над которым издевается и которого спаивает жестокий король: "Он знал, что Прыг-Скок не любит вина, ибо оно доводило бедного уродца почти до исступления, а исступление — чувство не из приятных". Наконец король оскорбляет девушку, единственную, кто по-доброму относился к шуту. И Прыг-Скок задумывает жестокую месть.

На костюмированном балу он предлагает королю и его министрам изобразить группу скованных обезьян, обрядившись в костюмы, покрытые дегтем. Надменный король соглашается, и это приводит его к гибели: "Прыг-Скок, держась за цепь, оставался на том же расстоянии от мнимых обезьян и по-прежнему (как ни в чем не бывало) тыкал в них факелом, как бы пытаясь разглядеть, кто они…

— Ага! — наконец сказал разъяренный шут. — Ага! Теперь я начинаю понимать, кто они такие! — Тут, делая вид, что он хочет рассмотреть короля еще более пристально, карлик поднес факел к облеплявшему короля слою кудели, и та мгновенно вспыхнула ярким и жгучим пламенем. Менее чем в полминуты все восемь орангутангов бешено запылали под вопли сраженной ужасом толпы, которая смотрела на них снизу, не в силах оказать им ни малейшей помощи…

— Теперь я хорошо вижу, — сказал он, — какого сорта люди эти ряженые. Это могущественный король и семеро его тайных советников — король, который не стесняется ударить беззащитную девушку, и семеро его советников, которые потакают его гнусной выходке. Что до меня, я всего-навсего Прыг-Скок, шут — и это моя последняя шутка".

В более раннем сатирическом рассказе "Литературная жизнь Какваса Тама, эсквайра" По напрямую, в виде издевательской сатиры, представил свое отношение к газетным и журнальным дрязгам. (Достаточно посмотреть на одни только названия выдуманных им печатных изданий — "Олух", "Гадина", "Крот", "Горлодер" и "Абракадабра".) В " Прыг-Скоке" он действовал более тонко. Здесь Эдгар По попытался аллегорически представить собственную судьбу в литературном мире и выразить всю свою неприязнь к другим литераторам, которых он поджаривал на костре критических суждений.

В 1849 году организация издания "Стайлуса" тоже вроде бы сдвинулась с мертвой точки: у По появился компаньон — издатель газеты "Спектейтор" Эдвард Паттерсон из Окуоки (штат

Иллинойс). Однако дальше первоначальной договоренности у будущих совладельцев дело так и не пошло, вновь навалились обычные неприятности, вроде постоянной невыплаты гонораров, и По опять почувствовал привычное отвращение к жизни. Он писал Энн Ричмонд: "Моя печаль необъяснима, и оттого я еще более печален. Ничто не веселит и не утешает меня. Жизнь кажется пустой — будущее как будто не сулит ничего хорошего".

В таком состоянии, чтобы хоть как-то развеяться, а может, и найти новых подписчиков для проекта "Стайлус", в самом конце июня 1849 года Эдгар По отправился прочитать несколько лекций в Вирджинии. Предварительно он планировал ненадолго посетить Филадельфию, однако это краткое пребывание растянулось больше чем на неделю. По овладело странное безумие, сопровождавшееся горячкой и галлюцинациями, после чего он опять тяжело запил.

Столкнувшись в Филадельфии со своим старым приятелем, гравером Джоном Сартейном, Эдгар По стал уверять, что его преследуют опасные враги, и просил бритву, чтобы сбрить усы для маскировки. Во время разговора его периодически били судороги. Прожив несколько дней у Сартейна.

По пришел в себя и заявил, что его параноидальные рассказы были лишь "результатом его собственного растревоженного воображения". Он покинул дом хорошего знакомца, но, видимо, быстро сорвался и опять запил.

Помог ему очередной филадельфийский приятель — журналист Джордж Липпард, к которому поэт заявился в одном ботинке, голодный и без денег. Но при этом, судя по всему, совершенно трезвый. Приступ безумия миновал, и Эдгар Аллан По из жалкого алкоголика вновь превратился в талантливого писателя, пусть и выглядящего разбитым и больным. Липпард собрал деньги для отправки По в Ричмонд, куда поэт и отбыл 13 июля 1849 года.

Насколько можно судить, приступ запойного пьянства на этот раз у По совпал с какой-то другой, возможно инфекционной, болезнью (сам поэт подозревал, что заразился в Филадельфии холерой). В Ричмонде он прохворал еще почти неделю, хотя не брал в рот и грамма спиртного. Придя в себя, Эдгар По начал навещать друзей и знакомых, в первую очередь — Маккензи и Талли.

Явление знаменитого земляка вызвало в Римчонде заметное оживление. Горожане обсуждали По, на его лекции ломилась публика, а в газетах публиковали приветственные статьи. Так, в "Дейли рипабликэн" было напечатано: "Мистер По — уроженец нашего города, и он вырос среди нас. Теперь он вновь здесь, у

него репутация известного писателя, и он имеет право на наше внимание". Если, по некоторым сведениям, у поэта и случались запои, то они были кратковременными и не провоцировали скандалов и слухов в обществе. Один из очевидцев пребывания По в Ричмонде, Уильям У. Валентайн, позднее вспоминал, что Эдгар По казался "человеком деликатным и сердечным в общении с друзьями, но… словно бы находящимся в постоянной борьбе за самоконтроль". Другой свидетель был не настолько мрачен и позднее отмечал, что По в столице Вирджинии выглядел "неизменно веселым и довольно часто в игривом настроении".

И отчего же ему было не пребывать в приподнятом настроении? Ведь, помимо удачи в чисто литературных делах, у поэта стремительно развивался роман с Эльмирой Шелтон, "богатой и красивой вдовой, давней пассией По", как отмечал один из ее знакомых. Эдгар По настолько был уверен в успехе своих ухаживаний, что напрямую писал Марии Клемм: "Я полагаю, она любит меня больше, чем кто-либо другой. И я не могу не отвечать ей любовью. Но пока еще ничего не ясно". Эльмира в общем тоже не была против, но, как и предыдущие возлюбленные поэта, потребовала от будущего супруга полнейшего отказа от спиртного. Поэт не только легко согласился на это условие, но даже вступил в ричмондское "Общество сынов трезвости".

Впрочем, до официального бракосочетания было еще очень далеко, а По ждали кое-какие неотложные дела в Нью-Йорке и Филадельфии. (Помимо всего прочего он подрядился отредактировать сборник стихов дочери богатого фабриканта из Филадельфии Джона Лауда.) Эмоционально Эдгар По находился на подъеме и опять, как и во многие другие решающие моменты своей жизни, был преисполнен надежд на будущее. На ужине у своих хороших приятелей, семейства Талли, он заявил, что "несколько недель в обществе старых и новых друзей были самыми счастливыми за много лет". А еще По сказал, что хочет "оставить позади все неприятности и беды прошлой жизни". Ричмондская поэтесса Сьюзен Арчер Талли вспоминала про Эдгара По: "Он последним из гостей покинул наш дом. Мы стояли на верху парадной лестницы. Спустившись на несколько ступеней, он остановился и, обернувшись, еще раз приподнял шляпу в прощальном приветствии. В это самое мгновение на небе, прямо у него над головой, сверкнул яркий метеор и тотчас погас. Мы говорили об этом, смеясь; но с печалью я вспоминала об этом позднее".

Перед отъездом, 26 сентября 1849 года, поэт зашел попрощаться к Эльмире Шелтон. Позже она отмечала, что он "был

очень печален и жаловался на здоровье. Я проверила пульс и обнаружила у него довольно сильный жар". А учитывая, что после поэт зашел к доктору Джону Картеру и попросил лекарство от лихорадки, можно понять, что Эдгар По был действительно болен. Непонятно только, что за недомогание им овладело, но в любом случае оно могло самым непредсказуемым образом повлиять на его и так нездоровое сердце.

27 сентября По поднялся в ричмондском порту на борт парохода до Балтимора. На балтиморский берег поэт сошел в субботу 29 сентября 1849 года и самым таинственным образом пропал. По некоторым сведениям, он сразу отправился на поезде в Филадельфию, где сильно запил. Но этой версии не подтверждает ни один из близких знакомых Эдгара По в этом крупнейшем городе Пенсильвании. Он никого не посетил, ни с кем не общался. Никто не видел и как поэт сел в обратный поезд, чтобы вернуться в Балтимор.

В любом случае Эдгар Аллан По именно в Балтиморе провел последние дни своей жизни. О нескольких сутках, сыгравших роковую роль в жизни поэта, ничего достоверно неизвестно, зато напридумано множество баек и разнообразных версий случившегося.

Самой известной среди них является история об "избирательной карусели", в общем-то достаточно распространенной практике на американских выборах девятнадцатого века. В Балтиморе в сентябре 1849 года как раз проходили выборы в законодательное собрание штата, и местные проходимцы (которых бы сейчас поименовали "политтехнологами") выискивали безработных, бездомных и пьяниц, чтобы возить их по участками, дабы те голосовали за "нужного" кандидата.

В промежутках между голосованиями подставных избирателей накачивали до невменяемого состояния спиртным и держали в комнатках при местных тавернах (так называемых "курятниках"). Вот в руки таких "организаторов" якобы тогда и попал Эдгар По, сойдя пьяным с поезда в Балтиморе. Не давая ему протрезвиться, его таскали по избирательным участкам и заставляли голосовать. А когда выборы закончились, поэта просто вышвырнули на улицу.

Есть и другие версии — об ограблении Эдгара По, о внезапном приступе начавшейся белой горячки, о сочетании ударов нескольких болезней (вроде туберкулеза и диабета), спровоцировавших скоропостижную смерть. Существуют и совсем экзотичные и фантастические варианты развития событий — вроде убийства поэта маньяком, на которого он охотился (как в

недавнем американском фильме "Ворон"). Наиболее правдоподобной выглядит, как ни странно, самая прозаическая версия, которая учитывает давние проблемы Эдгара По с сердцем и кровеносными сосудами, — внезапный инфаркт или инсульт, усугубленный состоянием поэта, ослабевшего одновременно из-за лихорадки и запоя.

Как бы то ни было, судьба По прояснилась лишь 3 октября 1849 года, когда газетный типограф Джон Уокер послал записку редактору газеты "Сатэрдей визитер" Джозефу Снодграссу. Записка гласила следующее: "Уважаемый сэр! В таверне у Райана около избирательного участка четвертого округа сидит какой-то довольно обносившийся джентльмен, который называет себя Эдгаром А. По и, похоже, сильно бедствует. Он говорит, что знаком с вами, и, уверяю вас, нуждается в немедленной помощи. Ваш в поспешности Джон. У. Уокер". Райаном звали трактирщика, в чьем заведении проходило голосование, и Джозеф Снодграсс, лично знавший По, поспешил поэту на помощь.

В трактире он действительно нашел мертвецки пьяного Эдгара По, в одежде с чужого плеча, в рваной соломенной шляпе. По словам очевидца, писатель производил жутковатое впечатление: "У него было изможденное, опухшее и давно не мытое лицо, волосы спутаны — всем своим обликом он производил отталкивающее впечатление… Одет он был в легкое свободное пальто из тонкой черной материи, потертое и грязное, с зияющими по швам прорехами; мешковатые и заношенные панталоны из темно-серого казинета казались ему не впору. Жилет и галстук куда-то исчезли, а сорочка была измята и сильно перепачкана".

Однако в руке он крепко держал трость с кинжалом в рукоятке, которую "позаимствовал" в приемной ричмондского доктора Картера.

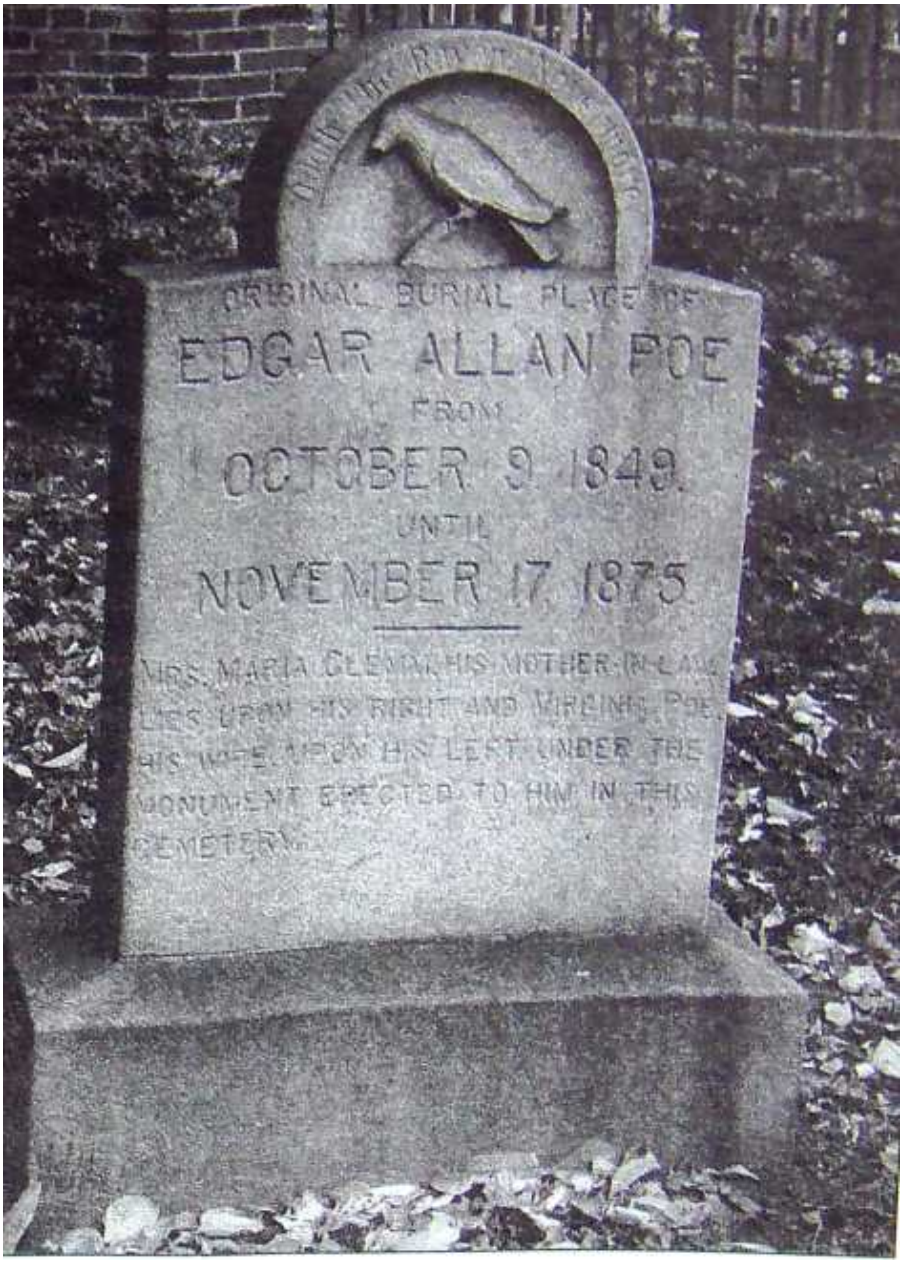
При помощи нескольких добровольных помощников, среди которых неожиданно оказался и Генри Херринг, кузен По, отключившегося от реальности поэта погрузили в кабриолет и отправили в больницу "Вашингтон хоспител", находившуюся при Вашингтонском колледже.

Местный врач Джон Моран, так и не сумевший диагностировать заболевание Эдгара По, позднее заявлял, что больной целые сутки не приходил в сознание. Лишь обычное обморочное состояние, сопровождавшееся периодической сильной дрожью в руках и ногах, позже сменилось у него активным бредом, при котором По стремился разговаривать с призраками. В пятницу 5 октября 1849 года поэт несколько пришел в себя, хотя и не окончательно, — он мог связно

беседовать с врачом, но периодически заговаривался и нес откровенный бред, вроде того, что его жена жива и сейчас находится в Ричмонде.

Улучшение оказалось кратковременным — в субботу Эдгар По вновь начал бредить и звать какого-то Рейнольдса. Имя это также вызвало множество версий и предположений — одни авторы уверяли, что так звали одного из организаторов выборов в Балтиморе, другие вспоминали о полярном исследователе Джереми Н. Рейнольдсе и считали, что в предсмертном бреду писатель вспоминал о своем романе "Повесть о приключениях Артура Гордона Пима". Как бы то ни было, По выкрикивал фамилию Рейнольдса всю ночь и затих лишь около трех часов. Позднее Джон Моран так рассказал о последних мгновениях в жизни поэта: "Обессилев от такого напряжения, он затих и как будто отдыхал некоторое время, а потом немного повернул голову, проговорил: "Господи, спаси мою душу" — и перестал дышать". По другим свидетельствам, последние слова По звучали чуть-чуть иначе: "Господи, помилуй мою бедную душу".

Величайший поэт Америки ушел из жизни глухой ночью в воскресенье 7 октября 1849 года. Ему исполнилось всего лишь сорок лет.



Памятник на могиле Э.-А. По

Эдгара Аллана По захоронили на небольшом пресвитерианском кладбище, возле пересечения Фойетт и Грин-стрит, в понедельник 8 октября 1849 года. Проводить его в последний путь пришло только пять человек, в основном родственники, — преподобный Уильям Т. Клемм, священник методистской церкви, руководивший похоронами, Нельсон По, Генри Херринг, Джозеф Э. Снодграсс и Закхей Коллинс Ли.

Краткая погребальная церемония продлилась четыре минуты, после чего могильщики принялись забрасывать землей аккуратный гроб из красного дерева.

Памятник, поставленный на могиле Э.-А. По в 1875 г.

Памятник с портретным медальоном появился над могилой Эдгара По лишь в 1875 году, когда прах поэта перенесли ближе к фасаду церкви. Деньги на это сооружение собирали всем

Балтимором, отправляли пожертвования и жители других городов США. Траурная церемония на открытии памятника была пышнее, чем при погребении, — над могилой поэта даже читал стихи сам Уолт Уитмен, с которым Эдгар По познакомился в ноябре 1845 года. Позднее рядом с великим писателем, в его новой могиле и под новым памятником, были также погребены останки его жены Вирджинии По и его тещи Марии Клемм.

НАСЛЕДСТВО НИЩЕГО ГЕНИЯ

По стал одним из символов американской культуры. Что характерно — и высокой, и самой массовой.

Мы все по сей день пользуемся плодами его наследия. Мощнейший поток детективной и фантастической литературы вырос из нескольких новелл По и мало в чем преодолел фундаментальные положения, заложенные им при становлении этих жанров.

В США вокруг писателя начал складываться определенный культ достаточно быстро. В Европе же главную роль в создании "мифа Эдгара По" сыграл французский поэт Шарль Бодлер. Познакомившись со стихами и новеллами американского писателя, он стал его активным пропагандистом и переводчиком. (Многие французы по сей день предпочитают воспринимать тексты великого американца именно в бодлеровской переводческой интерпретации.)

Уже в девятнадцатом веке многие авторы честно признавались в любви к творчеству По и в том, какое влияние его произведения оказали на них: например, Поль Верлен и Артур Рембо, Жюль Верн и Герберт Уэллс, Альфред Теннисом и Томас Гарди, Ф.М. Достоевский и все наши отечественные поэты-символисты. Были, конечно, и недоброжелатели. И тогда, и позже. Авторы, вроде Руфуса Грисвольда, нарисовавшего в своих книгах злую карикатуру на поэта, братьев Гонкуров или Т.С. Элиота. Последний презрительно высказался о всем творчестве По так: "Если разбирать его произведения детально, то мы увидим в них лишь плохое письмо, неглубокое мышление, не основанное на широкой эрудиции… неумелое экспериментаторство в различных жанрах, отсутствие совершенства в каждой детали…"

Мемориальная доска на доме, где умер Э.-А. По

Но какой же гений обойдется без врагов, готовых плюнуть на его могилу, или художественных противников, демонстративно ничего не понимающих в его творчестве? Постепенно голоса хулителей всё стихали и стихали, а истинное значение По для американской и мировой культуры становилось всё яснее и яснее.

Уроки поэта оказались полезнее в следующих веках — в двадцатом и двадцать первом. Он показал, что и в так называемых легких жанрах можно работать на великолепном литературном уровне, задал "планку литературной высоты". Девятнадцатый век, одержимый реализмом и соблазном простых решений, не до конца оценил открытия По; последующие века — оценили полностью. Не зря самая престижная премия в области детектива носит имя Эдгара Аллана По.

Г.Ф. Лавкрафт так определял роль Эдгара По в становлении мирового и американского хоррора: "В 1830-х годах произошло литературное "рождение", впрямую повлиявшее не только на историю литературы о сверхъестественном, но и на жанр рассказа в целом; а не впрямую — на формирование судьбы великой европейской эстетической школы. Нам, американцам, очень повезло, что это "рождение" произошло у нас, потому что мы можем назвать своим самого знаменитого и самого несчастливого нашего соотечественника Эдгара Аллана По. Слава пришла к По не сразу, и хотя сейчас в среде "продвинутой интеллигенции" модно занижать его значение и влияние, однако зрелому и понимающему критику невозможно отрицать невероятную ценность его творчества и поразительную силу его разума, ставшего первооткрывателем многих художественных просторов.

Правда, его наблюдения уже как будто были предсказаны, но именно он первым осознал новые возможности, придумал для них соответствующую форму и дал им систематический выход. Правда и то, что впоследствии авторы могли создавать более талантливые произведения, но ведь именно он учил их примером и теорией, расчищая им путь и ведя их по нему, чтобы они создавали что-то более великое. Какие бы ни были у По ограничения, он сделал то, чего никто никогда не делал и не мог сделать, и именно ему мы обязаны гем, что имеем современную литературу ужаса в ее окончательном и совершенном виде.

До Э.А. По большинство писателей, работавших со сверхъестественным материалом, в основном двигались на ощупь, не понимая психологической основы тяготения к ужасу, и им в большей или меньшей степени мешала привязанность к ничего не значащим литературным условностям, например: счастливый конец, победа добра в целом, ложное морализаторство, а также следование принятым стандартам и ценностям, старания вложить собственные чувства в повествование и стать на сторону приверженцев тех идей в искусстве, которые были приняты большинством. По же, как настоящий художник, решил быть безличным; он знал, что функция художественной литературы — отображать и интерпретировать события и чувства вне зависимости от того, куда они ведут и что доказывают, — добрые они или злые, приятные или отталкивающие, стимулирующие или ввергающие в уныние, автор всегда должен быть внимательным и умелым рассказчиком, а не благожелателем, учителем или продавцом идей. Он ясно видел, что всякая жизнь и мысль одинаково подходят в качестве объекта для художника, а так как, в силу своего характера, он тянулся к странному и мрачному, то и решил стать интерпретатором этих могучих чувств и частых событий, которые сопровождаются болью, а не удовольствием, уничтожением, а не расцветом жизни, ужасом, а не покоем и которые в основе своей враждебны или безразличны к вкусам и известным традиционным чувствам человечества, а также к здоровью, душевному покою и нормальному возрастающему благосостоянию отдельных людей.

Призраки По, таким образом, обрели убедительную злобность, которой не было у их предшественников, и установили новый реалистический стандарт в истории литературного ужаса. Безличная художественность, кроме того, соединялась с научным подходом, довольно редко встречавшимся в прошлом, а так как По в большей степени изучал разум человека, чем готическую традицию, то работал со знанием истинных источников ужаса, что удваивало воздействие повествования и освобождало его от

нелепостей, свойственных обычному возбудителю ужаса. Как только это появилось, остальные писатели были вынуждены перенять его опыт, чтобы иметь возможность хоть как-то с ним соперничать, поэтому основное направление литературы ужаса начало претерпевать коренные изменения. По также определил и формальный уровень; и хотя сегодня некоторые из его собственных работ кажутся немного мелодраматичными и простодушными, мы можем твердо заявить о его влиянии в таких вопросах, как создание единого настроения и достижение единого впечатления, не говоря уж о безжалостном избавлении от тех поворотов сюжета, которые не имеют отношения к главному действию и не веду т к кульминации повествования. На самом деле, можно сказать, ч то По создал рассказ в его современном виде".

К началу XX века произведения Эдгара Аллана По действительно стали эталоном в сфере "литературы ужасов". Когда появился легендарный рассказ Г.Ф. Лавкрафта "Изгой", и в профильной прессе, и в фэндоме ту т же стали распространяться слухи, что это неизвестный текст Эдгара По. И эти байки были настоящим признанием для великого мастера "литературы ужасов" XX века, истинным "знаком качества" для его творчества. Вообще, в литературной критике сравнение с По для американских фантастов — это и дежурный штамп, и показатель совершенства произведений. Все-таки окончательных бездарностей даже самые ангажированные критики с великим классиком на один уровень никогда не ставят.

Может быть, в наше время наследие Эдгара По не выглядит настолько востребованным, как сочинения мастеров хоррора и мистики века двадцатого. Но это не значит, что интерес к нему угас окончательно. Фигура самого поэта, слишком сложная, загадочная и противоречивая, подогревает интерес к его творчеству, а знакомство с творчеством заставляет еще раз присмотреться к биографии творца историй о безумии и первых классических детективов. Вот такой заколдованный круг, который бы очень порадовал Эдгара Аллана По.

Он также стал почти архетипическим примером творца для американских авторов, продемонстрировав, как можно одинаково успешно творчески реализоваться во всех основных направлениях "литературы воображения" — и в научной фантастике, и в мистике, и в детективе. Не случайно, что большинство авторов, которых сравнивали в двадцатом и двадцать первом веках с По, называя его "наследниками", удачно работали во всех этих областях одновременно — например, Г.Ф. Лавкрафт, Р. Брэдбери и особенно Стивен Кинг. Последний фантаст не только создал

сагу "Темная башня", ставшую одним из важнейших явлений в истории современного фэнтези, но и написал ряд детективных произведений (например, "Игру Джеральда", "Долорес Клейборн", "Кадиллак Долана"). Его перу принадлежат также несколько романов, которые можно трактовать и как произведения хоррора с элементами научной фантастики, и как чисто научно-фантастические ("Мертвая зона", "Несущая огонь", "Томминокеры", "Под куполом").

О глубоком уважении к поэту, которое испытывают все современные англоязычные авторы, пишущие мистические или "ужасающие" произведения, свидетельствует сборник "Дети Эдгара По", изданный в 2008 году. Среди его авторов Питер Страуб, Рэмси Кэмпбелл, Томас Лиготти, Джо Хилл, Нил Гейман и, конечно же, сам Стивен Кинг. Составитель сборника П. Страуб напрямую заявил, что включил в книгу тексты "потрясающих "литературных" писателей из числа тех, кто в нынешней более свободной атмосфере с легкостью открывает своего внутреннего По". Появляются в печати и вольные продолжения книг поэта, и романы о нем самом, вроде вышедшего в 2007 году романа Мэтью Перла "Тень Эдгара По". Это, конечно, не истерический культ Г.Ф. Лав-крафта, но все же заметное явление и в фантастической литературе, и в фэндоме.

В США, даже в условиях нынешней тотальной умственной деградации, По остается персонажем вполне известным и узнаваемым, символом и одной из "икон" мистической литературы. На этом спекулируют даже создатели популярных мультфильмов, вроде авторов сериалов "Симпсоны" и "Южный парк".

Наследие По десятилетиями остается кладезем идей и сюжетов для американского кинематографа и телевидения (благо никому за авторские права уже платить не нужно). Например, самыми популярными из фильмов ужасов, выпускавшихся кинокомпанией "Американ интернешнл пикчерз" в шестидесятые годы XX века, были именно инсценировки рассказов Эдгара По, пусть и в крайне вольной интерпретации. Иногда использование образов поэта и его собственной биографии происходит опосредованно — например, в 2013 году на канале "Fox" стартовал телевизионный сериал "Последователи", чьи герои — маньяк, помешавшийся на творчестве Эдгара По, и группка его фанатичных сподвижников.

Биография По также стала объектом кинематографической мифологизации — например, в уже упоминавшемся фильме "Ворон" режиссера Джеймса Мактига изложена фантастическая версия последних дней жизни поэта. Согласно этой версии,

незадолго до смерти Эдгар Аллан По преследовал серийного убийцу, повторявшего в ходе преступлений отдельные эпизоды из рассказов писателя. Именно эта охота и привела к безвременной гибели автора "Ворона".

В сущности, все представления о По сводятся к той или иной форме мифа — либо классического (трагический поэт-романтик, всю жизнь преследуемый роком), либо альтернативного (например, писатель-иронист, во всех своих произведениях дурачивший и обманывавший читателей). В действительности же Эдгар Аллан По был и первым, и вторым, и третьим, и даже десятым.

Лишь очень многогранная личность, с легкостью менявшая один творческий подход на другой, могла создать столь разнообразное наследие в столь разных жанрах. По, как Протей, легко перевоплощался из поэта в новеллиста, из критика литературного — в критика театрального… И если бы вся его жизнь подчинялась исключительно тем рациональным идеям, которыми он руководствовался, начиная очередной литературный проект, По стал бы одним из самых преуспевающих авторов в истории США.

Однако к рациональной стороне натуры поэта был жесткий и непредсказуемый корректив, решительно воздействовавший на его жизнь. Фамильное безумие, пусть и в ослабленной форме, преследовало поэта всю жизнь. Многие иррациональные поступки и особенно — жесточайшие запои — были всего лишь проявлением этого фактора, с которым Эдгар По не мог бороться, несмотря на всю свою логику и рациональность. Налетал черный вихрь сумасшествия, и поэт принимался бродить по улицам, будучи готовым пить любую дрянь и в любой компании.

Сейчас можно лишь бесцельно гадать о природе этого расстройства, ведь никаких медицинских обследований при жизни По не проводилось. Поэта предпочитали обвинять в аморальности, и всё. И, разумеется, откровенной нелепостью является легенда о том, что именно в "глубинах безумия" поэт черпал свое вдохновение.

Памятник Э.-А. По в Балтиморе

Да, истории о безумии в самых разных формах составили значительную часть его творческого наследия. Но собственное нервное расстройство лишь мешало творчеству, иногда на целые недели, а то и месяцы выбивая Эдгара По из рабочего состояния.

И это сумасшествие не было однообразным. Оно также воплощалось в различных вариантах, но при этом одинаково угнетало и мучало поэта.

Эдгар По отразил в своих текстах не только тему одержимости и непреодолимой страсти, действительно ставшую главной во многих его "ужасных рассказах", начиная с "Береники" или даже "Метценгерштейна".

Несколько позже он обратился к идее "подмены реальности" — к описанию того, насколько ощущения могут обманывать нас, рисуя картину мира, принципиально отличающегося от подлинного, и также приводя к порогу безумия. В таких рассказах, как "Сфинкс" или "Заживо погребенные", герой оказывается во власти зрительной или обонятельно-осязательной иллюзии, которая вызывает у него неописуемый, всепоглощающий ужас. И хотя в результате для главных персонажей этих историй всё заканчивается хорошо, а пошатнувшийся взгляд на мир восстанавливается, видно, что их автора подобный "распад реальности" заметно пугал.

Фамильное безумие самого По не было слишком острым и не проявлялось слишком часто, но, видимо, было очень сложным и многоаспектным. Сводить его только к алкоголизму глубоко неверно. Периодические запои являлись лишь ярко видимым симптомом болезни, а то и способом убежать от более острых проявлений психического расстройства.

И ни в коем случае эти приступы не были полезны для Эдгара Аллана По как творца, вряд ли ему удавалось превратить свинец безумия в золото блестящей прозы или поэзии.

В общем наследии По, несмотря на его титул "создателя современной литературы ужасов", число произведений, которые можно трактовать как результат личных переживаний безумного состояния, не так уж и велико. К тому же подобная трактовка их происхождения вызывает весьма и весьма большие сомнения: судя по умению поэта реконструировать самые разные душевные состояния, он мог написать эти тексты во вполне "здравом уме и памяти". И даже если бы этих текстов не было вообще, с моей скромной точки зрения, литературное наследие поэта потеряло бы не настолько много, как может показаться при первом взгляде.

Создание рациональных, уверенно выстроенных и прекрасно внутренне обоснованных текстов — вот в чем было творческое предназначение Эдгара Аллана По. (Не зря его так тянуло к научной фантастике и детективу — самым логичным жанрам в литературе). Истории про безумие в его творческом наследии — это попытка использовать не по вине поэта сложившуюся ситуацию, стремление разумно использовать совсем чуждое проявление подсознательного в психике писателя-рационалиста.

По умел и любил создавать мистификации — тексты, в которых изначально просчитывается определенная реакция читателей, сочинения, где вся внутренняя конструкция выстроена так, чтобы именно эту реакцию спровоцировать. Поэт настолько хорошо разбирался в этом вопросе, что мог "до косточек" разобрать и проанализировать чужое мистифицирующее произведение, показать места, где его создатель дал слабину и допустил откровенные логические ляпы. (Именно так По и поступил с "Великим открытием в астрономии" Ричарда А. Локка, рассмотрев его в дополнении к переизданию собственного "Необыкновенного приключения некоего Ганса Пфааля".)

Мистификации были органичной частью творчества поэта, такой же, как лирические стихотворения и "ужасные" новеллы. Это также показывает, насколько реальный Эдгар По был сложнее примитивного образа романтического поэта не от мира сего. Находясь в наилучшей литературной (и психической) форме, он мог планировать и тщательно рассчитывать эффект от появления

своих произведений в печати, нанося "точечные удары" по сознанию публики. Именно так поэт поступил с "Вороном", схожий фокус он проделал и с "Золотым жуком".

Другое дело, что придерживаться подобной жизненной стратегии Эдгар По мог только в редкие моменты полного душевного здоровья и умственной трезвости. Едва болезнь настигала его, как всё валилось из рук и шло кувырком. Удачливый поэт и мистификатор превращался в жалкого пьяницу и неврастеника, одержимого манией преследования.

Почти все конкретные обстоятельства жизни Эдгара По так или иначе воплощались в сто сочинениях, даже ссоры и разборки с литературными противниками (либо в иронических новеллах, вроде "Литературной жизни Какваса Тама, эсквайра", либо в виде критических очерков (например, "Писатели Нью-Йорка: несколько беглых заметок, содержащих честные оценки их авторских достоинств и кое-что о них самих"). Лишь алкоголизм ничего не дал поэту, кроме постоянных жизненных неприятностей. Ничего полезного для художественного творчества запойное пьянство или прием наркотиков ему не принесли; никакого американского аналога повести "Москва — Петушки" В. Ерофеева или "Исповеди англичанина, употреблявшего опиум" Т. Де Куинси он не пытался даже задумать. Это был чисто отрицательный опыт, одно сплошное несчастье и жизненная катастрофа.

Темный очаг безумия в сознании По никак не влиял на его творчество, а только провоцировал безрезультатные запои и болезни. Даже в плане "отрицательной рекламы" он не помогал поэту — шумиха вокруг его алкоголизма скорее мешала продажам его книг, нежели привлекала внимание ханжески настроенных соотечественников. В конец концов, в гибели Эдгара Аллана По это фамильное умопомешательство, при любых, даже самых фантастических, сценариях его смерти, сыграло определяющую роль.

Мог ли он прожить еще сколько-нибудь? Разумеется. Хотя бы потому, что научился, за долгие мрачные годы жестокого опыта, уравновешивать периоды безумия периодами повышенной и вдумчивой работоспособности. Но при этом целый сонм болезней подтачивал его изнутри. Как бы то ни было, долгая жизнь и превращение в седовласого патриарха американской литературы Эдгару По никогда не светили. Увы!

Удивительно не то, что великий поэт и фантаст рано погиб. Удивительно то, что он столько лет успешно сопротивлялся надвигавшемуся безумию и сумел в таких жизненных условиях столько сделать.

И любой человек, даже слегка соприкоснувшийся с судьбой и

наследием Эдгара По, целиком и полностью согласится с мнением отечественной исследовательницы Э.Ф. Осиповой: "Творчество гения неисчерпаемо, а Эдгар Аллан По был гением — в этом сомнений у нынешних критиков и историков литературы нет".

Нищий творец оставил после себя россыпи словесных алмазов из литературной Голконды. Россыпи, даже сейчас ослепляющие сиянием совершенства.

Он вырезал свое слово в стихах и прозе, а мы в удивлении внимаем ему до сих пор.